

Наталья Литвякова

***Карусель для двоих,
или Рыжая-небесстыжая***

2023

УДК 82-3
ББК 84-4
Л64

Литвякова Наталья

Карусель для двоих, или Рыжая-небесстыжая/Н. Литвякова. – Саратов, типография ООО «Амирит», 2023. –156 с.

ISBN

Лиля Крылова едет в Москву, чтобы встретиться с бывшим одноклассником и разобраться в чувствах к нему. Но ситуации, в которые попадает Лиля, новые знакомства, превращают путь в наполненное приключениями и неожиданными поворотами путешествие. И вот уже постулат о том, что «всё вернётся на круги своя», теряет актуальность: финал поездки далёк от Лилиных представлений о нём.

Эта история не только о любви, но и о том, что при множестве различий в людях: интересы, убеждения, характеры, воспитание — можно прийти к согласию и даже найти счастье. Там, где компромисс не унижает чувство достоинства, не ущемляет свободу, его нужно использовать. Возможно, всё возвращается на круги своя, но только немножечко изменившись. Как ни крути... карусель.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN

© Наталья Литвякова, 2023

Предисловие

Повесть «Карусель для двоих, или Рыжая-небесстыжая» — это история, как будто рассказанная читателю героями по секрету. Очень личная и искренняя, трогательная и динамичная. О таком вихре жизненных событий мечтают и юные девчонки, и взрослые женщины. На первый взгляд, сюжет кажется невероятным стечением обстоятельств. Как такое может быть? Но на самом деле, если смотреть на жизнь наблюдательным писательским взглядом, подмечая и сопоставляя знаки, улавливая тончайшие вибрации и помыслы окружающих людей, то заметишь, что такая любовь и романтика сплошь и рядом. И начинаешь верить и чувствовать, что в жизни возможно всё, стоит лишь протянуть руку.

В каждом слове, в каждом сюжетном повороте вы почувствуете личность автора. Вам предстоит знакомство с душевной, романтичной, обладающей ярким чувством юмора, подмечающей глубину и красоту в самых, казалось бы, обычных моментах и ситуациях, великолепной рассказчицей Натальей Викторовной Литвяковой. Прочитав книгу, вы обретёте друга, который говорит с вами «за жизнь», щедро делится впечатлениями от увиденного и услышанного, ненавязчиво и к месту погружает в очарование природы родного края и заморских достопримечательностей, цитирует запавшие в душу книги и фильмы и напевает любимые

хиты... Да-да, устами героев со страниц этой книги автор поёт. Потому что душа такая широкая, что не петля не может!

Близко? Тогда смело погружайтесь в водоворот событий «Карусели...», а также других книг Натальи Литвяковой. Уверена, что вы проведёте насыщенное и незабываемое время с её произведениями.

*Вера Полонская,
друг, читатель
и почитатель творчества
Н.В.Литвяковой,
редактор и издатель книг,
преподаватель вуза,*

Пролог

И тогда она сбежала. Вот взяла и сбежала от них! В самый разгар встречи, когда произнесли уж и первый, и десятый тост «за встречу», когда уже переговоры о том, о сём, кто, где и как, когда беседа просто превратилась в банальное мытье костей отсутствующим. А Катька развелась, вы знаете? А Петров в Москву подался на заработки, слышали? Съест его столица, съест и не подавится... Пожелали, в общем, успеха бывшему однокласснику. Лилька послушала-послушала, поглядела на них, компанию свою школьную, бывшую, и поняла: скучно. Пусто. Девиз «Один за всех и все за одного!» приказал долго жить, а плащ Д'Артаньяна в один миг соскользнул с плеч. Его затоптали — не заметили. И вот тогда она сбежала. Ничегошеньки никомушеньки не сказала. Сбежала и всё. Прямо как Петров в свою Москву.

В натопленном автобусе жарко, даром что февраль, Лиля вспотела. Стянула шапку — непослушные рыжие пружинки тут же в разные стороны стали торчать, рады стараться. Не волосы, а клоунский парик, тьфу на них. Чёлка липла ко лбу, Лилька стала дуть на неё, словно на дворе знойный июль, а не последний месяц зимы. Подстригусь, пригрозила волосам, налысо. Без толку. Она в очередной раз поправила причёску и уставилась в окно. Хотя что можно разглядеть в том окошке, если света белого не видно? Разве что себя.

...В белой пушистой шапке из ангорки тринадцатилетняя Лиля похожа на одуванчик. Кажется только душень — полетят парашютики-зонтики как заздрасьте.

Но дуй, не дуй, пушинки и так лезут в нос, в рот, и это помимо надоедливых волос. Как тяжело жить на свете, эх. Так хочется скорей стать взрослой и не носить дурацких шапок, и подстричься как Леська из 7-го «В». Сессон или Сасун, кажется так, она говорила. И Петров тогда наверняка оставит её в покое, перестанет дразнить и подкалывать. Дурак! Лилька смотрела в окно, будто в телевизор, и вообще нет ей дела до Петрова. Никакого дела. Ни на капелюшечку, ни вот настолечко, а он — вот вам, пожалуйста — отражается. Корчит в стекло рожицы и показывает язык. Навязался на её голову: решил проводить после экскурсии с классом по городу. И теперь любуйся на него сколько влезет. Не лезло нисколько, однако! Лиля насупилась. Повернулась к нему, хмурая, чтоб оценил степень её раздражения.

— Что показывали, рыжая? — тут же прицепился Петров. Не оценил, понятное дело. До некоторых как до жирафа доходит.

— Программу телепередач, — буркнула она. И огрызнулась: — Сам ты рыжий!

— Здравствуйте, товарищи! Начинаем программу телепередач на завтра, на завтра. Завтра вы увидите, то, что никогда не видели, это будет завтра, — запел Петров в ответ, всё так же кривляясь. Тоже тут, нашёлся Александр Барыкин. Окончил голосить и громко засмеялся. Заржал прямо. На весь автобус. Лильке аж стыдно стало и горячо, будто в Африку попала.

— Точно — рыжий. Клоун! Потихе себя веди, мы не в цирке, — пыталась приструнить она одноклассника. Но того уже не унять:

— Да ладно тебе. Что наша жизнь — ци-ы—ы—ырк!

*Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи,
Пусть неудачник плачет,
Пусть неудачник плачет,
Кляня свою судьбу, —*

новоявленный Герман поклонился Лильке.

— Клоун! — повторила она.

— На манеже всё те же. Петров и Крылова. Тарапунька и Штепсель. Звучит же? Будешь со мной выступать? Мне такие нужны в ассистенты, рыжие-бесстыжие.

У Лильки от возмущения дыхание спёрло, слёзы выступили: это кто бесстыжая? Она?! Вылетела из автобуса в последнюю минуту, едва двери не прищепили, чуть ли не на ходу:

— Дурак ты, Петров! И шутки у тебя дурацкие! Тебя ни в один цирк не возьмут!

А ей только хохот в спину:

*— Рыжий, рыжий ёжик
Сел на провода...*

— Девушка, вы выходите на следующей?

— А?

— Вы выходите, спрашиваю.

Лиля посмотрела с удивлением на пассажира, будто спросонья, будто не вопрос — будильник прозвучал над ухом.

— А... да, выхожу.

Посмотрела снова в окно. Там, за запотевшим стеклом, в темноте таяла девчонка в белой шапке. Сбежавшая тогда, сбежавшая сейчас, сердитая Лилька окончательно исчезла, едва автобус исчез за поворотом. Лиля достала из рюкзака шапку, натянула её до самых бровей,

спрятала все-все непокорные рыжинки-пружинки (вот вам) и направилась к дому. «Петрова попробуй съесть, ещё неизвестно, кто кем подавится, — усмехнулась она, заходя в подъезд. Вспомнила пересуды одноклассников. — А не махнуть ли нам в отпуск в Москву, Лилия Сергеевна? Не посмотреть ли нам на сие то ли цирковое, то ли кулинарное представление? Петрову-то, может, салфеточку нужно подать, а, рыжая-бесстыжая?»

Глава первая

Перед тем как вызвать лифт, Лилька ещё раз, по давней привычке, проверила себя, то есть, свою готовность к поездке, проговорила вслух:

— Билет. На месте. Паспорт — на месте. Ключи, кошелек? В рюкзаке. Зарядка. Телефон. Телефон? А где телефон? Вот же он! — Лилия посмотрела на мобильник. — И такси скоро прибудет — всё идёт по плану. Утюг выключила. Газ, воду перекрыла. Цветы полила, кота накормила, родителей предупредила. Можно ехать! — разрешила себе и нажала на кнопку. Где-то внизу заурчал лифт. — Можно ехать, встречай, столица, я почти у твоих ворот.

— В Москву? Все нормальные люди в отпуск на юг едут. К морю. А она — на север, — удивилась мама. — Лиль, ты не переработалась?

— Зачем? Красную площадь, что ли, с мавзолеем никогда не видела? — иронизировал папа.

— Я так и знала, — заявила Ксюша, лучшая подруга, — ты всегда неровно дышала к Петрову.

— Да она его терпеть не могла! — возразила Ленка. Вторая, но не менее лучшая, подружка.

— Что ты там забыла, в той Москве? — спрашивали все хором.

«Надо было молча собраться и уехать», — резюмировала Лиля после расспросов, выдачи версий, советов и даже местами насмешек. Почему-то все всегда знают как жить и поступать кому-то другому. И ещё при этом уверены, что их знания — самые верные.

Лифт подъехал, гостеприимно открыл двери, Лиля запихнула чемодан, себя, нажала на циферку «1». Вообще-то она предпочитала пешком спускаться-подниматься. Полезнее для здоровья и не так страшно (что поделать, замкнутого пространства боялась с детства), но с багажом не набегаешься. Да и время поджимало: телефон весело пиликнул. Сообщил, что таксист Юрий и его «Рено» уже на месте и вас ожидают. Всего три минуты бесплатно, имейте в виду. Имеем, имеем. Три так три. Скорей бы уж доехать до первого этажа. Господи, как тесно в старых, советских, лифтах. Кто их проектировал, чем руководствовался? Один человек с чемоданом зашёл, и всё: без окон, без дверей полна горница людей. Дышать нечем. Надписи на кнопках почти стёрты, стены — в объявлениях и вандалских надписях, зеркала давно нет, пол дребезжит, потолок давит единственной мутной лампочкой.

— Я поняла! — воскликнула Ксюша. — Петров — это твой незакрытый гештальт. Вот встретитесь с ним...

— Пошлёте друг друга, как обычно, — подхватила Ленка и показала язык возмущившейся было Ксении,

что: её перебили — раз, не согласны с версией влюблённости — два.

— Встретитесь и пошлёте, — повторила Лена. — И ты, наконец, заживёшь нормальной личной жизнью. Не Петров твой гештальт, Лилька, не слушай Ксюху, а — личная жизнь. Которой нет!

— Да нет же, Лен! — подруги заспорили между собой. Впрочем, это их любимое состояние. Спорить. Но при том уравнивать её, Лилю.

— Ксюша — твой ангел, — говорила мама.

— А Ленка — бес, что ли, — усмеялся над ней, нет, над ними всеми, отец.

«А вместе мы три товарища», — улыбнулась Лиля, с замиранием сердца отсчитывая этажи. Семь, шесть, пять. Лифт заскрежетал, дёрнулся и остановился. Не доехал до четвёртого этажа. Лилька бросилась нажимать на все кнопки подряд, в том числе и на кнопку вызова диспетчера. Забыла в панике, что та сто лет не работала, а на доске объявлений (вместо зеркала) висело объявление с номером ремонтной службы.

— Да бли-и-ин! — у Лили устали уже руки стучать по двери, голос кричать. Телефон диспетчера (он тоже обнаружился, к счастью), как и телефон бригадира, то был занят, то вызов срывался, то просто никто не брал трубку. И в подъезде тихо, будто все жильцы одновременно покинули свои квартиры за пять минут до Лилькиного фиаско, и теперь никого не тревожили вопли из кабинки лифта.

Такси пришлось отпустить. До отправления поезда оставалось полчаса. Лиля на него не успевала, даже если полетела бы на метле. А от неё не отказалась бы, прости господи, в данную минуту. Или от ещё какой-нибудь фантастической штуки, вроде телепортации.

Ну, а может, это — знак? И все правы: какая Москва? Какой Петров из школьной, почти детской, истории? Возможно, и не первый уже знак, просто Лиля вбила себе в голову идею, из упрямства. Если припомнить подробности классных событий (и не только), то ничего у них не получалось и не собиралось получаться. И не выйдет никогда. А она просто проходила мимо этих посланий и качала головой, пока судьба полумкой лифта буквально не щёлкнула по лбу: не тот гештальт закрываешь. Права Ленка, права. Дело вовсе не в Петрове, дело в ней самой — в Лильке! Ну тогда вот вам всем: и тебе, Лилия Сергеевна, и тебе, Петров, и вам, подружки дорогие да родители, и коллегам заодно, и ещё кому там? Вселенной, случая, вот вам всем, нате: она в последний раз (знак — так знак) набирает номер. И злорадно потыкала по экрану телефона. Представила, как поедет всё-таки после на вокзал, ведь когда-нибудь её освободят, поменяет билет на Сочи или Анапу, станет «нормальным людем», будет отдыхать на юге... и тут в трубке отозвались:

— Седьмая ремонтная, бригадир Петров. Слушаю.

«Вот тебе, бабушка, и юрьев гештальт», — подумала в ответ ошеломлённая Лилька и присела на чемодан.

— Петров, это ты? — выпалила в телефон.

— Я, — ответили в нём осторожно. Словно человек вдруг сам тоже засомневался в том, что он — Петров.

— А мне сказали — ты в Москву уехал, — более странного разговора Лилька никогда ещё не вела. Она понимала это, но ничего не могла поделать: слова выскакивали из неё, падали — будто переспелые яблоки на землю с веток во время бури.

— Нет, не уехал, — но бригадир Петров, видимо, так

не считал (что Лилька говорит глупости) и продолжал отвечать ровно. Спокойно. Может, робот? А Лилька тут пристала.

— А с голосом что? — пытала собеседника, и себя заодно: он, не он? Похож, не похож? Манера говорить — та, не та? И как-то забыла, что сидит вообще-то в лифте, в этом бесчувственном железном монстре, который испортил ей всю жизнь, не просто отпуск. Сидит в этом металлическом убийце всех надежд, и у бригадира седьмой ремонтной выясняет — Петров он или не Петров, вместо того, чтобы сообщить ему адрес дома, где случилась авария.

— Ничего. То есть, нормально всё с голосом. Девушка, вы где находитесь? Улица, номер дома, подъезд? — спросил, вздохнул и произнёс кому-то, в сторону: — Видать давно застряла, бедолага. Не в себе. Выслушал, и:

— Вызов принят. Ждите, скоро будем.

Когда Лильку извлекли из лифта она уже не чувствовала ничего. Ни-че-го. Ни обиды, ни ярости, ни злости, ни желания куда-нибудь ехать, хоть на север, хоть на юг. Что Москва, что Сочи — без разницы. Она даже подумала (как выяснилось дальше — на минутку всего подумала), что всё равно: тот Петров или не тот. В смысле одноклассник. Потому что сейчас вернётся в квартиру, рухнет на кровать и будет спать, спать, спать. Утро вечера мудренее. Но вместо того, чтобы исполнить свои планы, она спустилась на первый этаж. Конечно же, пешком. И с чемоданом, естественно. Тот жалобно скрипел и цеплялся всеми колёсиками за жизнь, не желая рассыпаться по дороге, но Лиля не обращала на него никакого внимания. Там внизу она слышала топот, шум, громко переговарива-

ющихся мужиков, смеющихся чему-то. Она слышала их веселье сквозь лязганье и грохот лифта, который включали-выключали, и он ездил туда-сюда без возражений, будто артист выходил кланяться под аплодисменты зрителей, охотно и с удовольствием.

— Ну, что? — два ремонтника стояли к ней спиной: ни возраст не угадать, ни лица рассмотреть.

— Да норм всё. Слышишь, как заработал? Без сучка, без задоринки. Как по нотам, — произнёс один.

— По нотам, ну ты сказанул, — усмехнулся другой и подначил: — Не фальшивит?

— Да не. Сам прислушайся. Чисто. Поёт железяка. Что твой Шаляпин — арию. Месяцок ещё гастролировать без вызовов будет.

— Извините, — прервала Лиля музыкальных ценителей лифта, то есть его певческих способностей (весело им, песни им тут поют, а у человека, может, судьба под откос, отпуск насмарку), — кто из вас Петров?

Нет, она должна всё-таки удостовериться, и только потом что-то решать, что-то делать. Спать или ехать.

Нет, она понимает, что Петровых в городе, да может даже, в районе пруд пруди, пальцем ткнёшь не промахнёшься, ну, а вдруг. Вдруг, это — её Петров, а его отъезд в Москву — просто слухи. Не зря же говорят, что рыжим везёт. Настолько везёт, что, пожалуйста — лифт запел снова.

— Кто из вас Петров? — повторила вопрос Лилька. Нет, правда, а вдруг... — Кто?

Рабочие одновременно обернулись. «Прикинь, сейчас хором ответят: «Мы!», и что ты тогда будешь делать, а? Лилия Сергеевна?» — она нервически хихикнула и уставилась на молчащих ремонтников. Видимо, от большого изумления молчащих. Или что?

— Он, — ответил наконец один из них, тот, что пониже и ткнул пальцем в напарника. — Он. А что вы хотели, девушка? Мы раньше не могли приехать. Вам ещё повезло, вы же в конец смены застряли!

Лиля не слушала его оправданий, не до них, всё на второго смотрела, смотрела.

— Да. Я, — сказал он.

Глава вторая

Нет, это, конечно, был не Петров. То есть, не её, Лилькин, Петров. Но он мог им стать лет через двадцать-тридцать. Или быть, как правильно-то? Лиля запуталась. Ну, потому что рабочий, признавшийся в том, что именно он бригадир Петров, выглядел старше как раз лет на двадцать, и очень при том походил на Лилькиного одноклассника. Как близкий родственник. Как будто они...

— Вы отец Максима Петрова? — спросила Лилька и в испуге прикрыла рот ладошкой. Вот что за вечер странный? Похоже, роль ей выдалась такая нынче — выглядеть взбалмошной дамочкой в глазах других. В лифте застряла, на поезд опоздала, до мужика докопалась — не остановить.

«Если бы я когда-нибудь, раньше, видела бы, я бы не приставала. Я бы сразу его узнала, и всё!» — оправдывалась самой себе Лиля. Но она не видела. Ни отца, ни матери. Родители Петрова не ходили в школу на собрания, кажется. А, может, и ходили, кто их знает, просто Лильке они на глаза не попадались. И в гости одноклассник никого не приглашал, никогда. Да Лилька бы и не пошла. Ей в школе хватало Петрова,

выше крыши хватало. Его шуточек и подколов. Ещё в домашних условиях краснеть — нет уж, спасибо. И вообще, если бы не очередная встреча одноклассников тогда, в феврале, ничего бы и не произошло. Жила бы себе Лилька, жила, о закрытых гештальтах не тужила бы. Так нет же. Напомнили. А теперь, как говорит бабушка Лиза, моча в голову стукнула. Загорелось, понимаешь ли, в одном месте. Лилька тряхнула копной волос — отгоняла мысли, как назойливых комаров. Рыжие пружинки тихо зазвенели. Рыжие-рыжие, рыжие-бесстыжие. Между прочим, по наследству достались, от бабушки, Елизваеты Васильевны, — сразу внучке. И рыжесть эта яркая, вызывающая, и кудрявость достались.

Она рассказывала, что ей тоже в детстве и юности житья не было. Дразнили, за косички дёргали, в которые маленькая Лиза пружинки свои спрятать пыталась от мальчишек и парней. Но с другой — среди них, надоедливых этих, она судьбу свою и нашла. На войне.

— И ты, Лилечка, найдёшь, — обещала бабуля. Гладила по непослушным локонам. А внучка тем временем до крови губы прикусывала, нещадно рвала расчёской волосы, всё мечтала их распрямить. — Обязательно найдёшь. Приглядывайся только, не беги по жизни, словно догоняешь последний вагон да пытаешься заскочить в него.

Ой... отвлеклась что-то Лилька от происходящего здесь. Нырнула в прошлое, кто просил, будто спряталась. Вынырнула. Выдохнула, она же ответа ждёт. Вот как сейчас скажет бригадир, вы что, девушка, совсем ку-ку, какой-такой Максим и будет прав. Ведь совсем ку-ку. По всем параметрам ку-ку выходит.

— А вы, значит, Лиля Крылова, — произнёс бригадир Петров, — та самая. Рыжая-бестыжая, от которой покоя нет ни днём, ни ночью.

Судьба — нечестный игрок¹, решила Лилька. Вечно у неё то карты краплёные, то крести козырем не бьются. И что теперь делать: возмущаться на чёртову сказку о рыжих, или признаваться? Или радоваться тому, что кое-кому покоя нет настолько, что даже отцу об этом известно?

Лиля с детства мечтала выйти замуж так, чтоб как бабушка Лиза — за дедушку Гришу. Конечно, не за самого, а за мальчику (в десять лет, понятное дело, о мальчишке мечтаешь) с характером дедушки Гриши. Сколько себя помнила, он души не чаял в своей Лизоньке, но любовь его проявлялась не в словах, а в поступках. И во взглядах ещё. Лилька не думала-не гадала, что и в пятьдесят, и в шестьдесят лет можно влюблённо смотреть на женщину. И когда с восторгом рассказывала подружкам, те удивлялись и не верили: «Они же старенькие!» Кака любовь, как говорится в одном фильме². Така. Лилька тоже удивлялась. Но верила.

Она выросла, а идеал не менялся. Спокойнее, рассудительнее и скромнее мужчины, чем дедушка, не знала. Нет, отец Лили — тоже замечательный и порядочный, никто не спорит, но не пример, нет. Потому что — балагур, весельчак, серьёзным бывает раз в полгода по заказу. Как мама не устаёт от его вечных шуток? Может, поэтому Лилька от Петрова и шарахалась в школе, будто чёрт от ладана?

---

1 Совпадение — любимый инструмент судьбы. Цитата из сериала «Белый воротничок», Моззи.

2 Имеется в виду фильм «Любовь и голуби».

Вот дедушка — да, другое дело. Бабушка рассказывала, что сразу понравился. «Я-то, внучка, взбалмошная, заводная сызмальства. Характер мой ни горе войны, ни тяжёлая жизнь до неё, окаянной, обломить не смогли. А Гриша и тогда, бывало, глянет, и теперь посмотрит — как одеялком в зимнюю стужу укутает. И на душе хорошо становится, тепло, прям плакать от счастья хочется. Я легкомысленная, он — основательный, на том, видать, и сошлись. На противоположности. Беда одна — нерешительный больно. А так и не скажешь. В бой ходил — не боялся, а со мной робким делался до невозможности. Пока дождалась признания, думала сама уже предложение ему сделаю, — говорила ба. — Да оно можно было бы и не спешить, если б в мирное время встретились. А так... В любой момент, раз и нет человека...».

— Бабушка, — удивлялась Лилька, — разве вам в войну до любви было?

— А и было, Лиль. Смерть она, знаешь, с жизнью рука об руку ходит, как закадычные подруженьки. А где жизнь — там и любовь, и добро, и милосердие есть. Разруха кругом, горе, страх, взрывы, пули, каждый день — как последний, а ведь умудрялись и стихи слагать, и шутки шутить, и в победу верить, и влюбляться вот. Тем и отличается человек от зверя, внуца.

Елизавета Васильевна много чего вспоминала ещё. О Гришеньке своём не одну историю излагала, а тысячи, тот только головой качал: «Ой, Лизок, ну и горазда ты болтать!», да скупно улыбался. Но и улыбки той лёгкой хватало, чтобы бабушка — Лизок, Лизонька — расцветала на глазах.

Словом, грезила Лиля о любви похожей — раз, о принце, чтоб вылитый дедушка — два, и, в конце концов: если они с бабушкой — как две капли воды, то и мужа подать Лильке такого же — три. И вдруг — Петров, из разряда: цирк уехал, а клоуна забыли. Как? Почему? Хоть спрашивай себя до посинения, ответ найдёшь ли... Как не найти и той причины, почему разоткровенничалась, почему обо всём поведала без утайки отцу Петрова. От неожиданности, что ли: свалился как снег на голову, как выигрыш в лотерею, спасателем и спасителем. Или в знак благодарности пригласила Лилька бригадира на чай? Да любопытство плюсом: разбирало, ой, разбирало девицу. Что значит «покою ни днём ни ночью нет от этой рыжей»? Когда его сын сказал, точно ли этими словами сказал? А зло говорил, или по-доброму, с улыбкой, или нет? Вопросы множились как копии в неисправном ксероксе. Помнится, заел однажды у Лильки на работе агрегат, бумаги попортил почём зря, выплёвывая лист за листом. Пока сообразили что делать — полпачки откопировал.

Андрей Сергеевич Петров слушал Лилю молча, лишь ложечкой сахар в чашке размешивал. От угощения к чаю и какой-либо еды отказался, покрепче чего тоже не просил. Хорошо хоть приглашение принял. Принял просто и без удивления. Чемодан помог донести и вообще приятным, спокойным человеком оказался. «Не то что некоторые, — мысленно съязвила Лилька в адрес сына Андрея Сергеевича, — не будем пальцем показывать...». Скачет по жизни: Фигаро там, Фигаро здесь, и в Москве тоже Фигаро, а ты тут, Лиля Сергеевна, в лифте застревай, на поезд опаздывай.

— Я могу вас отвезти.

— Что?

— Я могу вас отвезти в Москву. На машине. Я хоть так, хоть этак собирался к сыну ехать. Отпуск у меня с завтрашнего дня. Я думал денька на три махну с мужиками на озеро. На рыбалку, а потом уже и Максима проведать можно будет. Но раз уж такая катавасия получилось, то рыбалку и перенести на попозже не проблема. Соглашайтесь, Лиля.

— Да ведь я не по вашей вине застряла, что же вы планы менять будете, зачем? — изумилась Лилька.

— По нашей, и не спорьте. Хозяйство лифтовое — наше, не доглядели мы, значит, где-то что-то, не предотвратили поломку. Считайте — моральное удовлетворение и вам, и мне. Вы в Москву попадёте таки, я вину организации заглажу. А рыбалка никуда не денется. Я и в Москве найду где удочки закинуть, точнее под Москвой. Ещё и сына позову. По рукам, рыженькая? — улыбнулся Андрей Сергеевич. И так тепло от его улыбки, от «рыженькой» стало, так светло на душе, что она вздрогнула.

Глава третья

Лиля проснулась в четыре. Открыла глаза, будто приказал кто. Раз — и лупай в потолок, не пойми зачем. До подъема по будильнику два с половиной часа, до встречи с Андреем Сергеевичем — три с половиной. Спрашивается, чего не спится в ночь глухую, Лилия Сергеевна? Перевернись на другой бок, и всё — мечтай о радуге над речкой. О Москве златоглавой в утренней или вечерней дымке, в лучах солнца,

о встрече с бывшим одноклассником мечтай, представляй её в подробностях до каждой секундоочки, засыпая, но нет: сна не видать, хоть крутись до посинения.

«А у нас отчества одинаковые, — дошло вдруг до Лильки. Ну, с отцом Петрова, — вот чудо-то. Ой, чудо, тоже мне. Ещё скажи — знак! Опять — знак. Вставай уже, раз такое дело. Не уснёшь нынче!» Лиля встала со вздохом. И правда ведь — не уснёт. А делать что? Пошаталась бесцельно по квартире. Умылась, причесалась. Снова всё проверила: документы, обратный, теперь уже только обратный билет, деньги, зарядка. Накрасилась. На бал, что ли, собираешься? До Москвы пилить и пилить, хороша будешь с размазанным макиажем. Стёрла. Стрелки, брови, губы. Ресницы. Вот, дурочка. Переделалась: эти джинсы не такие, лучше брючки льняные. В машине брюки помнутся, будут как из одного места, как из задницы, короче, будут, подавайте джинсы назад. Может, шорты? Заварила чай в термосе. В другом — кофе. Чтобы выбор был. Бутерброды наклепала: сейчас аппетита нет, а в дороге появится, к бабке не ходи. И потом, вдруг Андрей Сергеевич проголодается, а у неё тут раз — и всё готово. С сыром, с колбасой. Плюсик в карму невестки. И яблоки ещё. И бананы взять, нечего им в холодильнике болтаться. Родители придут цветы поливать, коту кормить, всё равно не возьмут, не съедят, чего добро пропадать будет.

В семь утра Лиля стояла у лифта и размышляла: вызывать или не вызывать, или ну его нафиг? До встречи — полчаса, что она за это время по лестнице не спустится аккуратненько? Спустится, конечно. А лифт

— товарищ ненадёжный, спасибо, проверили вчера. Спустилась. Напротив подъезда стояла машина. Чёрного цвета, чёрт его знает какой марки. Нахальной марки, потому что перегородила всё на свете. Въезды-выезды, входы-выходы. Андрей Сергеевич где проедет, если что? Ей, Лильке с чемоданом, пройти как? К тому же сейчас бабушки с тележками, мамочки с колясками посыплутся из подъезда, как яблоки из авоськи, скандалу с утра не оберёшься. Зачем перед дальней дорогой скандал?

— Мужчина! — решительно двинулась к машине, рядом с которой, стоял спиной к подъезду курил водитель. Ну, а кто ещё, если не он? — Послушайте, мужчина, вы очень неудачно поставили свой автомобиль! Я вам говорю, вам, слышите?

Он обернулся.

Глава четвёртая

Лилька глупо улыбалась с себя вот уже часа три. Глупо — потому что утром не узнала Андрея Сергеевича. Ничего в мужчине, стоящем у нахальной тачки, в мужчине, на вид примерно лет 45; не очень высоким, но подтянутом и сухощавом, спортивного, в общем, телосложения, как принято говорить, ничего в этом мужчине от вчерашнего бригадира ремонтников не осталось. У Лили слова в горле застряли, что называется, и ноги заплелись — споткнулась на ходу, когда он вместо приветствия спросил:

— И вам не спится?

— Не спится, — буркнула Лилька в смущении. Скандал не состоится, слава богу: бабушки и мамочки

машину у подъезда не обнаружат. — Богатым будете, Андрей Сергеевич, я вас не узнала.

— Богатым — это неплохо. Хорошо бы ещё и счастливым. Гулять — так на все. Ну, что, Лиля Крылова, поедем в столицу нашей Родины?

— Поедем! — согласилась задорно. Хотела подтащить чемодан к багажнику, но Петров-старший перехватил с улыбкой:

— Позвольте поухаживать за дамой?

— Пожалуйста, милости просим, ухаживайте на здоровье, пока не надоеет, — она рассмеялась в ответ.

Нет, всё-таки как сложились обстоятельства замечательно. И не зря в народе говорят: всё, что ни делается, всё к лучшему. Кто его знает, какие бы попутчики попались Лиле в плацкарте, какой проводник, а тут вроде бы приятная компания собралась. И можно о Петрове-младшем поболтать не стесняясь. С Петровым-старшим. А то, что болтать с ним ненапряжно, Лиля уже уяснила. И глупо улыбаться несколько часов подряд — тоже можно.

— Сейчас будет большая заправка. Остановимся. Вы не против перекусить, Лиля Сергевна? Я чай взял с бутербродами.

— И я. И я взяла.

— Тогда сначала — твои, а потом каждый — свои. Ничего, что я на ты перешёл?

— В свете последнего покушения на мои бутерброды — это даже логично.

— Принято, — усмехнулся Андрей Сергеевич. — Сейчас устроим мировой бутербродный чемпионат: кто успел, тот и съел.

- Кто не успел, у того есть яблоки. И бананы.
- Хитра лиса Лиля, ой, хитра.
- Не хитра, а предусмотрительна.
- Предусмотрительна, ишь ты.
- Ишь я.

Так, с шутками-прибаутками, понарошку препираясь, подъехали к заправке. «Щёки болят уже, — подумала Лилька, — и рот до ушей, хоть завязочки пришей, сколько можно смеяться? Серьёзней нужно быть, гражданочка, серьёзней, Лилия Сергеевна. А то что об вас люди добрые скажут, какое мнение составят?» Добрый людь Андрей Сергеевич ничего такого ужасного не сказал, только предложил уничтожить сразу весь мировой запас бутербродов. До последней крошки сыра, до последней капли колбасы:

- А то задохнутся, Лиль.
- Пусть лучше утроба лопнет, как говорила моя бабушка, чем добро пропадёт?
- Типа того. Справимся?
- Должны.
- Может, в кафе придорожное зайдём? Там цивилизация: столы, стулья.
- Не хочется что-то. Насидимся ещё.
- И то верно. А стоя больше влезет. Ну что же, приступим, коллега.

Выбрали тенистое местечко под ивой, что раскинула свои ветви рядом с заправкой. Припарковались аккуратненько, вылезли из авто, багажник открыли. Внутри его (на чемодане) скатерть-самобранку из бумаги расстелили, да и приступили.

— Я не пан, я пропал, Андрей Сергеич, всё, — спустя полчаса заявила Лиля и взмолилась: — Больше не могу, смилуйтесь!

— А понадкусывать?

— Не-не! — хихикнула, подняла ладошки вверх. — Сдаёмсу. Иначе в Москву никто не доедет.

— Эх, Лиля, Лиля. Мы тебя воду возить нанимали, а ты рысаком оказалась. Придётся в таком категорическом случае прибегнуть к помощи зала. Где-то тут возле баков крутилась парочка лохматых аборигенов, я думаю они возражать не будут против угощения, — Андрей Сергеевич оглянулся и присвистнул, завидев чёрный хвост бубликом. — Эй, Барбос, или как там тебя? Ну-ка, иди, иди сюда, мой хороший, иди. На, на, и друга своего зови. Тузик, говоришь? Ну, Тузика зови. Давай-давай! Зови, не жадничай.

Лилька с улыбкой наблюдала, как две дворняги подскочили к нему наперегонки. Доверчиво нюхали руки Андрея Сергеевича, пакет с едой, припадали на передние лапы, вставали на задние, опираясь о его колени, повизгивали, поскуливали от удовольствия. Как будто нечаянно увидели старого знакомого, подумала Лиля.

— Встреча в верхах прошла конструктивно, — прокомментировал собачью радость Петров, — повар на званом обеде превзошёл сам себя, делегация осталась довольной. Надеюсь, требовать продолжения банкета вы не будете. Да, Тузик?

Будем, будем, а как же, провентилировала хвостами в ответ делегация.

— Простите, ребятки, но больше у нас ничего не осталось, не виннипушничайте понапрасну. Ну, что, Лилия Сергеевна, готова держать путь? Мимо острова Буяна к царству славного Салтана?

— Кстати, о царе, — Лилька уселась в машину,

подтвердила тем самым свою готовность. — Вот вы при первой встрече тогда сказали...

— Ты, — поправил Андрей Сергеевич, — ты сказал.

— Точно, — чуть смугилась Лиля, — ты. Так вот. Ты тогда произнёс: та самая Крылова, от которой покоя нет ни днём, ни ночью. Это Макса слова? Он так обо мне говорил?

— Нет. Оксана говорила. Жена. Мать. То есть, мне жена, а ему — мама.

Они выехали с заправки.

— Ты не думай, Лиль, что наш Макс дурака валял и цеплялся к тебе от нечего делать. Оксанка-то сразу поняла: всё, говорит, пропал сынок. Прикипел к девчонке, доставать её будет. Хоть от любви, хоть от ненависти. Чувства свои проявлять. Мальчишки — они ж такие: чем больше кнопок на девчонкином стуле, чем больше нравится, тем сильнее дразнит. И вот если бы ты замечала его, привечала, может, он бы и остыл. Может, и нет, конечно. Только дома он все уши прожужжал матери: а Крылова то, а Крылова сё. Рыжая, рыжая. Рыжая-бесстыжая. Лилька-Шпилька. Уж я к ней и так и этак, со словами и без слов, как поётся. Обломал немало веток, наломал немало дров³.

— Я думала, что Максим терпеть меня не может. И специально изводит. Шуточки эти его дурацкие. Прозвища.

— Внимание пытался обратить на себя. Вот и вредничал. Заводился, конечно, что не удавалось. Обижался на весь свет. Оксана рассказывала потом:

³ Обломал немало веток, наломал немало дров — слова из песни «Страдания». Автор текста: Танич М. Композитор: Френкель Я.

явится домой злющий. Бурчит, портфель пинает. Хорошо, хоть на тренировках пар спускал. Бывало, не спит допоздна: вроде книгу читает. А спроси о чём — не вспомнит. И винить некого. Голову ты ему не морочила, наоборот даже. А покоя хлопцу нет. Он и уехал, Лиль, из-за тебя. Мол, шансов нет. Забыть, сказал, не могу здесь. Знаю, что в любой момент увидеть могу, а сил уже нет понимать — что всё бесполезно.

— А вы не сердитесь на меня?

— Ты.

— Я имела в виду вы — вас, родителей. Ты и Оксана. Мама. Всё-таки разлука с сыном из-за какой-то рыжей девчонки.

— Лиль, глупо сердиться. Что за разлука? Он же не на другую планету улетел? Оксанка пофыркала для порядка. Целых полчаса. А потом снарядила котомку, куда делась. Теперь, думаю, только радуется. Лишний повод есть почаще в Москву наведываться.

— А почему... — Лилька едва успела прикусить язык, чтоб не сорвался вопрос: а почему сейчас нет рядом Оксаны. Почему она не поехала, но вовремя спохватилась. Что же она лезет не в своё дело? Какая ей, собственно, разница, где жена Андрея Сергеевича.

— А почему я вас не помню по школе совсем? — фух, выкрутилась вроде, ох, уж это любопытство. — Не то, чтобы я знала родителей всех одноклассников, но хоть что-то как-то да слышала, встречала. А вот вас — нет. Ну ладно, на школьные собрания многие предки не ходили, но к директору там, или к классухе, вызывали же по любому. Макс ведь не паинька.

— А твоих вызывали, Лиля?

— Ага. Пару раз случалось. Когда с урока сбежали

классом. Ну и так ещё, по мелочи. Между прочим, когда с физры свалили, Петров, Макс в смысле, заводилой был. Мы не выдали его, естественно. Поэтому всех родителей тогда директор на ковёр вызвал. Навроде экстренного собрания. Вместе с детьми. Но ни один из вас не пришёл. Я это к тому спросила, Андрей Сергеевич, что пытаюсь объяснить сейчас, почему не признала вас в бригадире. Тебя, то есть, — кажется, я слишком много болтаю, решила Лилька в ответ на молчание Петрова-старшего. И любопытничаю всё же. Ну и пусть! — разозлилась вдруг ни с того, ни с сего. Тем более, душу перед ней никто, кажется, раскрывать и не собирался.

— На то была причина, — наконец произнёс Андрей Сергеевич. — Не скажу, что уважительная, но весомая. Вы о ней, Лиля, несомненно, узнаете, но попозже. А сейчас нам нужно узнать, почему мы встряли.

— Что мы сделали?

— Встряли. Стоим в пробке уже двадцать минут. В довольно удивительной. Странной. При моей памяти впервые именно здесь и такая огромная. Мы не двигаемся вообще. Вы, Лиля, посидите, а я пойду посмотрю, что там. Да других водителей поспрашиваю.

— А я и не заметила. Андрей Сергеевич, Андрей, подожди... подождите!

— Всё нормально, Лиля. Не переживайте. Я сейчас вернусь.

Глава пятая

Андрей Сергеевич вернулся в машину минут через пятнадцать-двадцать, Лилька уже извелась вся: ну что же там случилось?

— Расклад такой, Лиля. Встретились две фуры. Одна в овраг ушла, от удара, вторую на дороге развернуло, да ещё легла на бок. И поперёк. Все полосы загородила. Проезда нет, ни туда, ни обратно. Не ясно когда возобновится движение. Через час: кран уже вызвали и службы все здесь. Или через три-четыре. К счастью, обошлось без смертельных жертв.

— Ох как хорошо. В смысле, что без жертв обошлось. Что же делать? — не то, чтобы Лиля встревожилась, или досада её взяла из-за непредвиденной задержки: просто не хотелось лишний раз торчать в летний зной в автомобиле, когда в полях подсолнушки желтеют, в небе облака сбились в кучку, как тополиный пух, упавший в какой-нибудь пруд, и плыли, плыли навстречу солнцу.

— Вариантов вижу два: присоединиться к оптимистам и продолжать стоять; либо вступить в лихие ряды партизан-обочечников, которые, вон, видишь, мчат до первой просёлочной тропинки, возвращаются назад и уходят в объезд. Потеря времени — те же три-четыре часа. Но...

— Но лучше медленно ехать, чем быстро стоять! — продолжила Лилька. — Согласна вступить в лихие ряды. Во мне проснулся дух авантюризма двоюродного деда-кавалериста.

— Принято. Мне нравится ход ваших мыслей, МарьяИванна.

— Что?

— Анекдот. Проехали. И поехали, Лилия свет Сергеевна. Мне нравится дух твоего деда. Лишь бы обочина пробкой не заразилась. Не хватало ещё в пылуке застрять.

— А что за анекдот, Андрей Сергеевич?

— Э...ммм... ну... в общем... рано тебе ещё такой рассказывать, — усмехнулся Петров. Но почему-то заёрзал на сиденье, как будто бы смутился. Кирпичный румянец лёг на плиты его скул, проступил неровно, а сам Андрей Сергеевич своей нервозностью напомнил Лильке её нашкодившего кота.

Лиля тоже: прыснула сначала в кулачок, а потом расхохоталась в голос: анекдот она знала, и даже несколько его вариаций, чай, не кисейная барышня. Но вот ведь — будто бес в ребро пихнул — вздумалось подразнить человека да посмотреть на его реакцию.

— Да ты смеёшься надо мной, ах ты ж, Рыжик! Лисий нос!

— Не думала даже!

— Так я и поверил. Ну, Лиля, держи теперь ушки на макушке. Отольются лисице крошки колобка!

— Ой-ой. Я вся боюсь, мурашками покрылась. А где мы едем, Андрей Сергеевич?

— Если не ошибаюсь, зарулили в Лискинский район.

— Лискинский? Лискинский-Алискинский. Чудеса!

— Точно! Привёз лису Лилию под Лиски. Или к лискам. Эх, не спешили бы в Москву, показал бы тебе одно место. Дивное-предивное. Светлое. Так и называется: Дивногорье.

— А кто сказал, что мы спешим?

— А разве нет?

— Нет. И да. Просто... просто не факт, что по приезду я тут же побегу к Максиму. Скорее всего, я ещё день буду бродить-гулять по Москве, с мыслями собираться, чувства в порядок приводить. Так какая разница, где я буду наводить уборку в своей голове? На Арбате или в этом... как его, Дивноморье.

— Дивногорье.

— Вот. Дивногорье. Что-то есть в его названии такое волшебное. У Дивноморья дуб зелёный. Или Мариесемёновское, что ли? Созвучное Беловодью из «Волкодава». Правда?

— Ну так. Славянское же.

— Только, чур, сейчас мне ничего о нём не рассказывать! Я хочу увидеть сама. Знаешь, Андрей Сергеевич, как? Как будто сейчас я в чёрной повязке, а приеду, она спадёт, и я получу самое верное и сильное впечатление! — Лиля по-детски оживилась в предвкушении, даже в ладоши радостно прихлопнула. И от радости той, от чуть резких движений, затряслись пружинки-кудри рыжие, зазвенели, кажется, медными колокольчиками. Отражался солнечный свет в их пламенной рыжине, и в веснушках, и в зрачках сиял он.

— Принято. Тогда о чём же будем вести беседу? Нам минимум час-полтора пилить ещё, — Андрей Сергеевич невольно улыбнулся и залюбовался Лилькой: и захочешь до волос её коснуться, да страшно — обожжёшься ещё, вон как горят. Бедный, бедный Макс. Понятно, почему сбежал в Москву. Бедный. И счастливый.

А Лилька подумала: что на неё нашло? Спонтанность — не её конёк совершенно! Ей всегда нужно, чтобы дела и мысли — по полочкам, по папочкам, чтобы не в разброс, а по очередности, по плану. Рационально, стабильно, без всяких там неожиданностей. И на тебе: импровизация вдруг проснулась, забила ключом. А вместе с ней и непосредственность, несерьёзность, что ли. Проснулись да как сбежали! Как закипевшее молоко из-под крышки. Ой, Лиля Сергеевна, ты смотри мне!

— Так о чём? — переспросил Петров-старший, и тем самым прервал её размышления.

— Я не знаю — о чём. О чём угодно, — Лилька вспомнила тут же о любопытстве своём, о недавнем разговоре про школьные родительские собрания, о том, что она должна узнать в своё время — почему отец Макса на них не присутствовал, но сама не решалась снова затронуть щекотливую, как оказалось, тему.

— Тогда о причине неуважительной, но весомой поговорим. По той, по которой... — Андрей Сергеевич затронул сам. Угадал Лилькино желание, экстрасенс прям. Или оно на лице у неё написано, вот такими огромными буквами?

— Да? Я бы хотела поговорить. Но, если это выглядит чересчур назойливо, простите. И совсем не обязательно мне что-то объяснять. Не приходили, ну и не приходили. Не могли, значит, не могли.

— Да нет уж, Лиля. Обязательно. И придётся. Возможно, у вас с Максом общая судьба сложится. Всё идёт, даже едет, пусть и не спеша, к тому, что вы оба перестанете валять дурака, обретёте счастье. Уж лучше я тебе объясню, чем какой-нибудь наш родственничек-доброхот. Да и Максим не будет испытывать неловкости при нашем общении.

«Может, он болел тяжело? Или пил до белой горячки? А, что, сколько вокруг спившихся мужчин. А, может, он служил? В Чечне? И там его ранили, и вообще...», — Андрей Сергеевич не успел и «а» сказать, как Лилькины «б», в смысле, версии уже сами по себе скакали в атаку.

— Я, Лиля, сидел.

— Что?

— Сидел. Отбывал срок.

Тихая фраза упала, ударила словно град по стеклу.

— Сидели? — машинально переспросила Лиля. А потом словно проснулась, выпалила: — За что? — И в вдогонку: — Ну и что!

Глава шестая

Нет, этой новостью её ни удивить, ни смутить, ни отвернуть. Удивило другое. То, как могут некоторые события из прошлого догнать человека в настоящем. Лильку догнать. И события, разговоры, происходившие тогда, которые, казалось, исчезли из памяти насовсем, потерявшие свою ценность, да и были ли они ценными, может так, болтовня просто — вдруг обретают новый смысл и даже кажутся какой-то подготовкой к будущему. «Если что-то случается или, наоборот, не случается, в конечном итоге оно всё предопределено заранее»⁴, как говорится.

Тюрьма да сума миновали семью Лили — повезло, но тема в разговорах всплывала неоднократно. Особенно в детстве всплывала, или, точнее, в отрочестве.

— Туда просто так не попадают, — утверждала Елизавета Васильевна. — Без вины виноватые.

— О чём ты говоришь, ба? Как это не попадают? А 37-й год? Вспомни! А после войны? Сколько было репрессированных!

— Ты времена не сравнивай, Лилюш. Кесарю — кесарево, прошлому — прошлое. Я тебе про нынешнее толкую. А если уж пуститься во все тяжкие, про карму и

4 Кажущиеся совпадения, на самом деле — преднамеренная свыше закономерность — автор Юлия Стрижкина (Сапиенти Сат).

прочие буддизмы да эзотерики, то каждому воздаётся по делам его самого или его рода. Суть не в том.

— А в чём?

— В искуплении вины, в раскаянии.

Лилька трясла в возмущённом несогласии золотыми пружинками на голове, собранными в хвостики, собиралась спорить или расспрашивать, но приходил дед Гриша:

— Лизонька, не заводи внучку, мала она ещё для твоих разговоров.

— Ничего и не мала! — переключалась Лилька на дедушку, чего тот, собственно, и добивался.

— Поди, взрослая уже, — соглашалась с ней Елизавета Васильевна. — Вон уже соседский оболтус, Вовка, третий круг на велосипеде мимо нашей калитки делает, выглядит. Того и гляди, шею свернёт.

— Ну, ба!

— Ну, Лиль, — улыбалась бабушка. — Клумбу у театра ещё не обдирал? Или мамкиной обходится? А насчёт вины да тюрьмы скажу так, внуча. Бывает разное. И несправедливость, и наговор. Только если уж попал человек в тюрьму да за дело, но не раскаялся; все кругом виноваты у него, подставили, воспользовались, наклеветали, а он, мол, белый да пушистый — бедовый то человек. И случись ситуация вновь, искушение какое, он опять сжульничает, украдёт или убьёт, не дай бог, потому что вину свою по-настоящему не признал. И ничего не понял, урока жизненного не получил, опыта не вынес. Обозлится на мир вокруг, а надо бы — на себя.

Лиля хмурилась, бровки в кучку, пропускала сквозь себя слова бабушкины. Хотелось возразить,

очень хотелось, ну вот просто до чесотки на языке. Чего это взрослые правыми себя считают во всём? Но мысли, в отличие от бровей, в кучку не собирались, уж больно тему серьёзную затронули. А разговоры о сидельцах велись не просто так, а из-за давней бабушкиной подруги, Зои Михайловны. Зоси, как называла её бабушка Лиза. Дружили они лет тридцать, наверное. Годом ранее овдовевшая Зосенька решила вдруг устроить своё личное счастье. Недолго раздумывала, написала объявление в местную газету.

— Ты с ума, что ли, сошла, Зоська? На старости? — прокомментировала Елизавета Васильевна поступок подружки.

— С чего вдруг старость? Я женщина ещё ого-го и помоложе некоторых буду! — парировала та. — На целых десять лет.

— Так и ума поменьше, выходит, Зося, на целых десять лет. В газету-то писать зачем?

— А где я тебе нормального мужика найду? У нас на районе все заняты, бабы наши не то, что дарить, на прокат даже не дают картошку выкопать! Подруги, вон, и то делиться не желают, — пыталась шутить Зоя Михайловна.

Бабушка качала головой. С одной стороны, Зоську понять можно, а с другой — Елизавета Васильевна находилась в полной уверенности, что на призыв «ищу порядочного мужчину, работающего, доброго, непьющего», претенденты, конечно, посыпятся как из рога изобилия, «но все — оттуда, Зося!».

— Откуда, ба? — Лиля не раз присутствовала при беседах давнишних подруг. Любила очень с ними

чаёвничать, слушать воспоминания о юности, рассуждения о современных реалиях. Бабушка никогда внучку не прогоняла, разговоров не прекращала. Пусть, мол, слушает. Глядишь, на наших ошибках чему научится да на грабли поменьше наступать будет.

— Из исправительных учреждений, вот откуда. Из колоний, в основном, и посыпятся. И все, как один, ни в чём невиноватые. Ты только посмотри, кто ей уже написал, — Елизавета Васильевна разложила по столу с пяток писем.

Почерк, Лилька посмотрела, закачаться можно: каллиграфический, буква к буквке. Убористый, с завитушками.

— Прям барокко. Иль рококо, — разрисованный ручкой конверт: розы, дивные птицы по краям, у бабушки вызывал лишь едкие замечания. — Какие таланты пропадают, подишь ты. Сколько охотников за счастьем!

— И ты никому из них не веришь, ба?

— Нет. Написал бы честно: виноват, согрешил. Вину искупил заключением, раскаиваюсь. Так ведь нет. Все, как на подбор, из выступления Хазанова. Велят жарить цыпочек одиноким интеллигенткам. Но дело же не в моей вере, а в Зосиной. Любой её выбор мы примем, но будем начеку.

К счастью, быть начеку не пригодилось и жарить цыпочек не пришлось. Зоя Михайловна вышла во второй раз за отставного военного. Познакомилась с ним в санатории. И ему уже не только жарила, запекала цыпочек, уточек, но и борщи варила. А уж картошку новый муж выкапывал на загляденье — одной левой.

Глава седьмая

И сейчас, когда Лилька услышала признание Андрея Сергеевича, когда он собирался с духом выложить на чистоту часть своей биографии, она желала лишь одного: чтобы Петров-старший не сказал того, что он ни в чём не виноват, что все вокруг такие-рассякие, один он хороший. В голове стучали молоточками бабушкины слова: просто так туда не попадают.

— За что сидел? Сидел, Лиля, за дурость свою. За трусость, жадность и наш родной «авось пронесёт». Не пронесло. Да и поделом мне. Виноватить некого. Только себя.

— Господи, спасибо, — прошептала Лилька.

— Что? Ты что-то сказала?

— Нет, нет, ничего.

— Точно?

— Точно.

— Ладно, принято. Моя статья 216-я, часть первая: нарушение правил безопасности при ведении строительных работ, что повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека и ущерба в крупных размерах. Прокурор попросил три года. Пока шло следствие, рабочий умер. Часть первая превратилась в часть вторую. И дали пять.

— Как умер? — Лилька всю щеку изнутри сжевала от переживаний, пока Андрей Сергеевич цитировал наизусть свою статью. Чеканил каждое слово. — Как пять?

— Вот так. Вот так, Лиля. Родне я запретил вмешиваться, взятки давать и просить какого-либо снисхождения. Гибель человека, скажу, потрясла меня настолько, что в тот момент я и сам был бы рад повеситься, но не хвати-

ло смелости. Распалась личность моя после приговора, можно сказать, на атомы. Собирал потом долго. Повезло на людей, что поддерживали, не дали сломаться. Семья помогала. Письма писали, посылки слали. Оксанка приезжала на свидания. Я говорил ей: не жди. Разведёшься — пойму. Она только материлась на меня. Щас, говорит, шнурки поглажу и разведусь. Мы ведь с ней вместе со школы. Учились в параллельных классах, а когда в девятом нас соединили, тогда мы и разглядели друг друга. Потом — в институт вместе, только факультеты разные. Поженились после первого курса. Родители — против. Что мои, что Оксаны: рано, куда спешите, нет вам ни родительского благословения, ни помощи. Никакой. А мы записались на лето в стройотряд. Денег на праздник свой слегка заработали. А на торжество явились в чём? Смех один! Я в джинсах, она в платье с выпускного, обрезала, супермини такое вышло. Смеялись: невеста — трусы наружу. Вместо букета — воздушные шарики. Вечером собрались в кафешке при парке с нашими друзьями. Напились до безобразия, но без хулиганства. Веселились как могли. Бегали на аттракционы. Пацаны выделывались, барышни визжали. Потом шарики в небо отпустили. Подарочные деньги прокутили, на теплоходе вечером катались. Дети, считай, — только-только по восемнадцать всем стукнуло!

Лилька слушала и больше не перебивала. Сначала на качелях эмоций откачалась то вверх, то вниз: то жалко, то нет. После смирилась. Ничего не изменить теперь, человека не воскресить, виновник понёс наказание. И теперь будто кино смотрела или спектакль в театре. Видела как наяву: юного Андрея в джинсах с толчка, у спекулянта купленных на свадьбу вместо

костюма; милую Оксану в мини, на длину которого бы плевались сердито все бабки у подъезда; босоножки красные на каблукке; волосы на ветру, словно флаг реют; смех вокруг счастливый, весёлый шум, карусели, брызги шампанского... Эх, от такой свадьбы и она бы не отказалась! Куда лучше, чем все эти кринолины, пупсы на машине, выкупы и конкурсы. Хоть сейчас бери и представляй, Макса и её, Лильку, в роли молодых. С шариками. Она бы, Лилька, ещё и в хвостики свою гриву собрала, как в школе. Вот было бы славно, озорно и по-настоящему! И ей очень просто было представить себя в этом воздушном, розово-зефирном образе, но представить Максима Петрова вдруг оказалось сложно. Какой он сейчас? Такой же или изменился? Когда они виделись в последний раз?

Со дня окончания школы прошло восемь лет. На первые три встречи одноклассников Макс ещё приходил. Ничуть не изменившийся со времён учёбы: высокий, смуглый шатен с причёской, как у Ди Каприо, с ехидным взглядом тёмных глаз, похожими на ягоды недозревшей черной смородины. И вылитый отец, как выяснилось. Приходил и, кажется, пытался вызвать Лильку на разговор. А она смутилась. Испугалась. Того, что он опять будет ёрничать, источать сарказм. Того, что снова поведёт себя как дурак, а она разозлится. Слово за слово и: привет, ссора. Лилька тогда как и на школьных переменах, старалась избегать Максима изо всех сил и со всех ног. Для чего, спрашивается? Для того чтобы пять лет спустя поехать в отпуск, в Москву, и найти его — ну не странная ли ты дамочка, Лиль Сергеевна?

Она повернулась к Петрову-старшему, разглядывая

его лицо. Вбирала каждую черточку: от прямого носа с едва заметной горбинкой, высокого лба, короткостриженных волос с проседью до ямочек на щеках и подбородке. Сканировала. Подобно камере сканировала, чтобы после загрузить снимок в свою память, обработать в мозговом фотошопе: в фантазиях, нарисовать портрет Макса повзрослевшего, но, конечно, не настолько как его отец. А потом вставить получившийся образ в свадебные мечты. Лилька так старалась, так старалась, что рот приоткрыла от усилий. И выглядела она со стороны, наверное, не мечтающей девицей, а испуганной курицей. Рыжей квочкой, которая бегаёт как припадочная с раскрытым клювом и зовёт цыплят. Помнится у бабушки Лизы бегала одна такая по двору.

— Я тебя пугаю, Лиля? Вид у тебя несколько...

— Ой, нет, Андрей Сергеевич. Не пугаете. Не пугаешь, то есть. Я просто чуть отвлеклась, о своём задумалась.

— О своём женском?

— Типа того. Но я уже здесь. Вернулась. Продолжай, пожалуйста.

— Ну, а потом, к концу второго курса сынок родился. Мы квартиру снимали тогда, а с ребёнком нас попросили. Не знаю, как выкрутились бы, хоть знаю точно, что выкрутились бы. Но тут родители внука увидели, сменили гнев на милость, предложили помощь. Оксанка на заочное перевелась, я на очном остался, ночами, выходными подрабатывал. Жить стали с тестем и тещей. Быт наладили, отношения с роднёй тоже. После института призвали, отслужил. Работу тесть подогнал мне. К своему знакомому на стройку.

В городе как раз бум начался, дома новые росли один за другим без перерыва. Сначала рабочим, затем бригадиром, прорабом. Через пару лет вакансия по моей специальности освободилась — инженер по охране труда и техники безопасности. Всё шло как по маслу. Работа мне нравилась, я знал её от и до! Правила, инструкции более-менее соблюдались. Чувствовал я, что не зря хлеб свой инженерский ем. Но тут объявили конкурс на строительство нового жилого микрорайона в городе. И выиграла его наша контора. Одно из преимуществ, благодаря которому мы победили, — скорость возведения. Сжатые сроки. Быстро и качественно. Не тормозни, сникерсни, — усмехнулся Андрей Сергеевич. — Дальше всё понятно?

— Понятно, — буркнула Лилька, — тебе предложили много денег, чтоб ты не лез со своей дурацкой самодеятельностью по технике безопасности и закрыл глаза на нарушения при выходе рабочих на смену, да? Они вызывались на сверхурочные, нещадно? И ведь наверняка соглашались добровольно!

— Конечно. А кто откажется от двойной оплаты?

— И по фигу на здоровье людей, на их состояние. Лишь бы уложиться в срок, который заранее был нереальным при соблюдении всех правил.

— По фигу.

— И так всегда. И везде, — мрачно заключила Лиля.

— Нет. Не всегда, и не везде. К счастью, ты не права.

— Права. Но спорить не хочу.

— И правильно. В нашем споре истина не родится. В общем, видишь, не могли мы с Оксанкой посещать родительские собрания, как бы того ни хотели. Я на зоне, жена на двух работах пахала, чтобы сына содер-

жать да мне посылки собирать. Подозреваю, что она слала всех идти лесом. Ну, может, тёща с тестем ходили. Или мои старики. Не знаю. Может, по телефону решались вопросы насчёт проделок сына.

— А Макс... он стеснялся, да? Того, что вас... тебя посадили?

— Поначалу злился. Стыдился, обижался. Было дело. Потом завёл дружков себе, спорт забросил. Гордиться, блин, стал. Но я вовремя вернулся. Объяснил парню, что к чему. Пока он с катушек не слетел окончательно. Так что всё нормально... А ведь мы доехали, Лиля, смотри. Добро пожаловать в Дивногорье!

Глава восьмая

А потом Лиля потерялась. Нет, не среди меловых скал и пещер. Не среди бронзовых от зноя степей и серебристых ковылей, что шептали свои колыбельные вместе с ветром, шелестели сладкоголосо, но — в мыслях. В эмоциях и во впечатлениях потерялась. Заблудилась. До спазмов дыхания от восторга, до горячих слёз, что вдруг навернулись непрошено, неожиданно, там, наверху. Когда, наконец, поднялись с Андреем Сергеевичем и открылся перед ними вид с возвышенности на слияние двух рек. На Дон, на сестру его, красавицу живописную речку, Тихую Сосну; на их кудрявые зелёные берега, уходящие в бескрайние пшеничные да подсолнушные поля, тающие в знойном мареве; от высоты той, простора и воли до горизонта — дух захватывало. Ветер сбивал с ног, надувал волосы, майки парусами, с такой силой, что того и гляди, как тела кораблями вслед за

ним соскользнут со стапеля-пригорка в воду-небушко и уйдут в кругосветное плавание. Уйдут ли, уплывут, а то, может, взлетят, если навстречу силе этой руки раскрыть и разбежаться.

*«Улетай на крыльях ветра
Ты в край родной, родная песня наша
Туда, где мы тебя свободно пели*

Где было так привольно нам с тобою»⁵, —

слова сами собой появились в памяти, будто бы Лилька только вчера слышала их, а не сто лет назад учила на школьном уроке пения. Но других вспомниться и не могло при этом потрясающе вольном пейзаже, разве что: любо, братцы, любо, любо, братцы жить!

До того как поднялись на гору эту чудесную по лесенке, ступеньки которой Лилька сосчитать не смогла — сбилась, Андрей Сергеевич провёл её по заповеднику. Походили по Маяцкому городищу с постройками старинными:

— Десятый, а то и девятый век, Лиль. Сколько веков пронеслось, а ты, смотри, сохранились как. Ну разве не чудо, не диво? — Андрей Сергеевич гладил камни, похлопывал их ладонью, словно по плечу старых друзей, глаза горели по-мальчишечьи: гляди какой клад, какое сокровище нашёл и бросил к девчоночьим ногам.

— Чудо, — соглашалась, — диво. Так поэтому Дивногорьем назвали?

— Не без того, — кивнул Петров-старший. — Но вообще — из-за останцев.

— Из-за чего?

— Останцев, — повторил, хмыкнул весело: ой, как

---

5 отрывок из оперы А. П. «Князь Игорь», из сцены «Половецкие пляски». «Песня половецких девушек».

нравилось ему Лилькино изумление. Ведь сбросил же десяток-другой лет с плеч. Сбросил, как старый тяжёлый ватник, под взглядом рыжей девчонки, наполненным удивлением, детским восторгом и нетерпением, таким — аж бронзовые пружинки её причёски подрагивали.

— Это что ещё за чудеса?

— Ну, слушай, деточка. Сейчас расскажу тебе сказочку.

— Давай, давай, рассказывай. Андерсен тут нашёлся.

— Давным-давно, миллионы и миллионы лет назад на землях Воронежской, Ростовской, Белгородской областей...

— Жили динозавры.

— Само собой. И мамонты. Не перебивай, Рыжик! Плескался океан здесь. Со всем, чем полагается порядочному океану плескаться: моллюсками, рыбами, черепахами, китами и тэдэ и тэпэ. Жили они не тужили, потом помирали. Останки их скапливались меловыми отложениями на дне. Затем океан ушел. Мел помаленьку, потихоньку покрылся землёй. Со временем она выветривалась, и появлялись останцы — такие как бы «пальцы», столбики на холме. Местные прозвали их дивами. Большие дивы и малые. Вот тебе и Дивногорье.

Бродили они долго. Андрей Сергеевич церковь показал Сицилийской иконы божьей матери, меловую в два этажа, с узкими проходами, с мотыльками на стенках, с пещерой, ставшей местом святым:

— Здесь, Лиля, и попустило меня. Попустило знатно. Один человек там, в отсидке, сказал... Когда совсем неспособен станешь, а тебе станешь, говорил он, я чую. Это бог прощает легко и быстро, таков уж он

наш бог, святой, что с него взять — простит, а самому себя простить тяжело. И потому на воле трудно будет ой как трудно! Потому что кажется покаяние малым, а вина — большой, и нести её всё тяжелее. Вот когда станет так невозможно, когда почувствуешь — приезжай в Дивногорье, место заветное. Намоленное. Побеседуешь и с собой, и с ним, с богом, и увидишь, и поймёшь, и почувствуешь всё сам. И простишь.

— Почувствовал?

— Да. Почувствовал. Не могу сказать твёрдо, что простил себя, но на пути к тому.

Лилька промолчала, а что тут скажешь? Да и не нуждался он ни в ответах, ни в утешениях. Лиля знала точно, как будто про себя знала, и потому просто кивнула, мол, услышала.

— Смотри, чабрец! Прямо в мелу растёт. Диво?

— Чудо! — Лилька присела на корточки, потрогала розовые соцветия.

— С тропинок не сходи. Змеи. Таблички видела?

— А я не боюсь.

— Совсем?

— Ни капли. Ни змей, ни мышей, ни тараканов.

— Да ладно. Хвастунишка. Что, даже не визжишь?

— Нет.

— А чуток, для порядка? По традиции?

— Ни граммочки.

— Скукота какая с тобой, девушка.

— Ничего подобного! Ничего не скукота! — возмутилась Лилька и заявила: — Я пауков боюсь!

— Ну хоть что-то. Принято. С тропинок не сходи, там пауки. Ясно?

— Ясно, — рассмеялась Лиля. Вот же ж, хитрец какой, обвёл вокруг пальца, своего добился: с тропинки — ни ногой.

А после они поднялись наверх. Вот тогда-то, вот там-то Лилька и потерялась. Вдруг вспомнились ей слова Андрея Сергеевича о том, как его дух распался на атомы. И здесь, под порывами ветра, со слезами на глазах она поняла, каково это — на атомы. Но красота природы, её мощь, восторг от той возможности — видеть её, землю родную, прекрасную в своей простоте, жить, чувствовать, помогли Лилькиной душе вновь собраться воедино. Спускалась будто воскресшая. Внизу обогнала Петрова.

Андрей Сергеевич шагал сзади и глядел, глядел на неё: на пламенные завитки, на то, как рассыпались они по плечам; как бились беспокойно по спине, как струились по лопаткам, сияли в солнечных лучах, горели и казались ему огненными крыльями.

— Словно птица Феникс, — прошептал себе под нос, а для Лильки произнёс погромче: — Пора к машине возвращаться. Эх!

— А разве мы всё посмотрели? — обернулась Лиля.

— Нет, конечно. На всё пару суток надо, не меньше. С ночёвкой. Тут же ещё и монастырь мужской, Свято-Успенский, есть и Церковь Рождества Иоанна Предтечи, и пещер открытых куча, заходи — любуйся. Экскурсии устраивают людям.

— Монахи?

— Волонтёры. Недалеко есть Спасский женский монастырь. В селе Костомарово. Там, знаешь, красота какая замечательная! Лепота, благодать. А мы с тобой так: по краешку прогулялись, одним глазком поглядели.

— Не хочется уезжать.

— Не хочется, — согласился. Помолчал пару минут, разглядывая камни под ногами, потом спросил: — Проголодалась?

— Да. Как ни странно. А думала до вечера есть не захочу.

— Здесь при монастыре что-то навроде столовой есть. Хлеб монахи пекут, овощи с монастырского огорода, мёд, чай разные на травах. Предлагаю затариться, а пообедать где-нибудь у речки. На берегу.

— Да, да, да! Согласна! А купаться будем? У меня купальник есть. А то ведь я ещё не открывала сезон в этом году. Ни разу. Даже пятки не мочила! А я так мечтала где-нибудь занырнуть!

— Значит, будем. Заныривать и пятки мочить. По крайней мере ты — уж точно.

— Как-то угрожающе звучит.

— Ничуть. Солдат ребёнка не обидит, Рыжик.

— Я не ребёнок, — надула губы Лилька. В шутку, конечно. Потому что (и если по-честному), то в настоящий момент она так себя и чувствовала: маленькой девочкой возле новогодней ёлки, под которой нужно найти свой подарок. В предвкушении чуда и радости. А желание возражать Андрею Сергеевичу и губы дуть — оно такое детское-предетское, Лилька понимала. Но ей нравилось: давно к ней не относились как к ребёнку.

— Мы поедem к Дону?

— Нет. Дон-батюшка в этих местах опасный: течение быстрое, водоворотов много, вода мутная. Мы поедem к Сосне. Вот её как раз не зря Тихой прозвали. Есть у меня в заначке одна заветная кладочка — м-м-м, пальчики оближешь: и рыбу ловить, и купаться, всем хороша. Надеюсь, она в целости и сохранности до сих

пор. Ну, что, по лошадам? И поехали?

— По лошадам! — расхохоталась Лилька. Господи, как хорошо! Она, наверное, годами могла так: ехать и ехать, болтать ни о чём и обо всём сразу, смеяться без остановки, наблюдать красоту вокруг, ни разу не тревожась за будущее. И ехать — всё равно куда!

— Мечты должны сбываться, — Андрей Сергеевич подмигнул ей, — и потому: мечты сбываются.

— Газпром, — закончила Лилька его фразу давно известным всем слоганом.

— Не-а. Не Газпром — Петров. «Мечты сбываются: Петров».

— Не менее круто, однако, — заметила Лиля в ответ. И пропела: — Так вперёд за цыганской звездой кочевой.

— На закат, где дрожат паруса, — подхватил Андрей Сергеевич.

— Да, да. Где дрожат паруса! А про бесприютную тоску поминать всуе не будем, ну её! Правда же?

— Принято.

*— И вдвоем по тропе навстречу судьбе,
Не гадая в ад или в рай.*

*Так и надо идти, не страшась пути,
Хоть на край земли, хоть за кра-а-ай, —*

из отъезжающей машины разносилось нестройное хоровое пение и девичий смех. Поехали. Хоть на край земли, хоть за край.

Глава девятая

У реки Лилька развила бурную деятельность. Суету, будто стая воробьёв. Слетели с кустов в придорожную пыль и давай плескаться в ней, как в воде, чистить

крылышки и чирикать на всю округу. Андрей Сергеевич только из багажника свёрток с монастырскими припасами да раскладную мебель достал, а Лиля тут как тут: и стульчики разложила, и столик поставила, и накрыла. Что нужно порезать — порезала, почистить — почистила, по пластмассовым тарелочкам поделила, по кружкам разлила. У Петрова аж в глазах затроилось от бурной деятельности.

— Мы уже спешим в Москву? — спросил, разглядывая как Лилька жадно и торопливо поглощает дивногорские дары. Сам к еде пока не притронулся.

— Да. Нет. Спешим, но не в Москву, Андрей, — Лилька прихлебнула чай, — Сергеич, не в Москву. А туда, — откусила хлебушка и кивнула в сторону воды.

— Чисто чайка. Смотри, подавишься, чайка Лилька.

— Обзывать нехорошо.

— Я любя.

— Ага. «Я любя», — передразнила. — «Я любя», — сказал Сидоров, подкладывая канцелярскую кнопку на стул Ивановой. Ну, следствию всё ясно-понятно. Андрей Сергеевич, ты тут дальше сам, ладно? А я не могу больше ждать. Я — на свидание. С речечкой дорогой. Вот только переоденусь. Чур, не подглядывать! — не дожидаясь ответа, Лилька соскочила со стула и бросилась к машине.

«Стремительным домкратом», — почему-то вспомнилось Андрею Сергеевичу выражение в ответ на Лилькины торопливые телодвижения. «Волны перекачивались через мол и падали вниз стремительным домкратом», — он улыбнулся. Откуда это? Так чётко, будто только что прочитал. Лилька — волны... И волны, и домкрат, и рыжий котёнок, несущийся вслед за клубком.

— Андрей Сергеич, присоединяйся! — она промчала мимо, взбежала на кладку, отчего та покачнулась слегка, Лилька взвизгнула. Снова позвала: — Ну, что же ты, идёшь?

Он посмотрел на Лилю, залитую солнцем на фоне светлой, зелёной речной глади, с громким счастьем в голосе; над головой её носились и пищали стрижи, тихо шелестели камыши, и время для него остановилось. Всего на секундочку, но этого хватило, чтобы сердце замерло, и лёгкие забыли как дышать. Опомнился, когда раздался всплеск — Лилька прыгнула в воду.

— Ура! Да здравствует лето! Каникулы! Ой, отпуск! — она резвилась, а Андрей Сергеевич взошёл на мостки спустя несколько минут, переодевался в шорты. Но не стал нырять к ней в воду, улёгся на деревянные доски, пахнущие сыростью, нагретые и гладкие.

Лежал на спине, смотрел в небо, на бегущие облака и старался совсем не думать о том, что Лилька со своими рыжими волосами, пусть и собранными сейчас в высокий золотой пучок, похожа на русалку. Не-не. Никаких русалок и нимф, сирен там всяких-разных — на головастика она похожа. На мальков, что беспорядочно носятся у речного дна.

— А кто у нас тут из себя морскую звезду изображает?

Андрей Сергеевич вздрогнул: как так неслышно подплыла? Не подплыла — подкралась. Или разморило его настолько, что уснул и не заметил?

— Освежиться не желаете ли, милостивый государь? Или вы из этих?

— Из этих, это из каких? — ему ни глаз открывать, ни оборачиваться не нужно: живо представил, что вот

она, плещется рядышком, придерживается за доски, на с чуть ехидной улыбкой на губах. Перекатился на живот, руки сложил сначала, как примерный ученик на парте. Потом чуть раздвинул их в сторону, а ладони соединил в замочек, оперся подбородком о них, взглянул, наконец. Ну так и есть: пучок пламенный, пожалуйста — качается над водой, что твой поплавок, хитрый взгляд, веснушки — всё на месте.

— Из таких. В детстве, на майские праздники, когда мальчишки открывали купальный сезон, всегда звали нас, девчонок, с собой. И потом дразнили, зная, что нам старшие не разрешат купаться, потому что холодно ещё, а сами мы побоимся нарушить запрет. Дразнили: айда с нами, штаны покараулить.

— И?

— Вот я и спрашиваю: вы из этих, сударь? Вы здесь купаться али просто: штаны покараулить? — Лилька сама серьёзность, и только глаза... ох уж, эти девичьи глаза, что умеют сочетать в себе невинность и наивность с огнём. Если взглядеться, шальные-прешальные, озорство в них так и рвётся наружу, как черти из тихого омута.

— Ой, ты и жучка, Лилька! — расхохотался Андрей Сергеевич. Выпростал руку, опустил в воду, зачерпнул, да и брызнул. Несильно, в шутку. Лилька рассмеялась тоже, уклоняться не стала, наоборот, плеснула в ответ и отплыла чуть в сторонку.

— А что, скажешь, нет? Я не трус, но я боюсь?

— Боюсь, боюсь. Очень. Тут, говорят, кикиморы водятся. Ещё утащуть.

— Кикиморы?

— Ага. Они самые.

— Ах, кикиморы? — переспросила Лилька. Вернулась, вылезла на берег и пробежалась, до кладки, шагнула на неё.

— Кикиморы, кикиморы. Такие зелёные, знаешь, противные, бр-р-р-р, страшные, любят с тыла заходить, коварно со спины, — Андрей Сергеевич делал вид, что не замечает Лилькиных маневров. Как лежал на животе, так и продолжал, не приподнялся, не напрыгся, головы не повернул. Только ухо, словно локаатор, чутко ловило звуки — шлёп-шлёп босые пятки по деревяшке.

— Прямо противные до ужаса? — Лилька медленно подошла, встала рядом. Кап-кап застучала вода по доскам, по спине Андрея Сергеевича.

— Страсть какие противные, — он, наконец, отреагировал: так же не спеша начал подниматься. Поднялся тихонечко, встал плечом к плечу.

— Ты бы уже, Андрей... Андрей Сергеевич, определился, кто я: лиса, чайка, жучка или... — она развернулась резко и с силой, которую тот никак не ожидал, толкнула его в воду: — или кикимора?

Он, было, устоял: за руки её схватил, в попытке удержаться, но Лилька уворачивалась. Выскользнула, мокрая, да ещё смех душил их одновременно — и деревянное сооружение не перенесло такого непочтительного отношения к себе, раскачалось не на шутку. Андрей Сергеевич потерял окончательно равновесие, и упал. В реку. Но Лильку-то, Лильку не забыл, вцепился в запястье и утянул за собой, будто водяной. Такой заправский, такой порядочный водяной из мифов. Вынырнули они вместе. Пучок Лилькин распался, и освобождённые волосы распластались

вокруг неё. Рассыпались как лепестки, разошлись по воде словно звёздные лучи или нет, не разошлись — раскинулись, словно сети. Дьявольские, золотые сети, которые хотели опутать, заплести, не дать спастись из пучины. Петров-старший осторожно отвёл от себя потемневшую прядь:

— *Есть в графском парке чёрный пруд,
В нём лилии цветут, —*

пропел, дурашливо протягивая «у».

— На что вы здесь мне намекаете, гражданин Петров, — вроде как насупилась Лилька, — своим невозможным пением?

Покривила душой, конечно, пение очень даже было возможным, голос Андрея Сергеевича — вполне приятным, но кто ж в этом признается?

— На ваш прекрасный, здоровый, прямо-таки цветущий вид всего лишь намекаю, гражданка Крылова. А вы что себе подумали?

— Именно то и подумали, — еле сдерживая улыбку ответствовала она, — но репертуарчик всё же рекомендую сменить. Во избежание, так сказать. А то — мало ли что.

Лилька подняла руку над водой и погрозила пальцем Андрею Сергеевичу:

— На более нейтральный. Настоятельно советую.

— Например? А белый лебедь, точнее в нашем случае — рыжий, на пруду качал упавшую звезду?

— Не, слишком приторно, — забраковала Лилька и отплыла к берегу. Нащупала дно ногами, встала. Воды оказалось по пояс. Чтобы собрать волосы в новый пучок: вытащила из них оставшуюся шпильку, сунула её в рот, освобождая полностью руки, чтобы скрутить

жгут, и уточнила: — Шлащаво.

— Как?

— Шлащаво. Фу-ты, слащаво! — Лилька вынула шпильку.

— *Глупый маленький мышонок*

Отвечает ей спросонок:

Голосок твой так хорош —

Очень сладко ты поёшь! —

Андрей Сергеевич приблизился вплавь к Лильке.

— Типа того, — занятая восстановлением причёски, она не заметила его уловки.

— *Прибежала мышка-мать,*

Поглядела на кровать,

Ищет глупого мышонка,

А мышонка не видеть...

— Что? Ой, мамочки! Так нечестно, так нечестно, Андрей Серг..., — больше не успела ничего выговорить: Петров нырнул и схватил Лилю в воде за щиколотки, резко дёрнул на себя. Она потеряла устойчивость и погрузилась в реку с головой, нелепо размахивая руками. А Андрей Сергеевич вынырнул и спешно ретировался на берег, как нашкодивший мальчишка. Лилька ринулась за ним.

— А я в тот пруд, где лилии⁶, ронял девчонку Лилию, я Рыжика ронял, — Андрей Сергеевич напевал и бегал вокруг машины от рассерженной девушки. — Потом девчонке Лилии, сорвал три рыжих лилии, три лилии сорвал. А вообще ты первая начала, да. Почтенного дяденьку в воду уронила, никакого уважения к его преклонным годам.

---

⁶ слова из песни Александра Айвазова, автор текста: Александр Айвазов.

— Никакого, — пыхтела Лилька, — вона, какой шустрый дядька оказался — не догнать.

— Догнать-догнать. Прости меня, Лилия свет Сергеевна, я больше так не буду!

— А меньше? — она остановилась возле капота. Отдышаться.

— И меньше не буду. Честное серьёзное! — Петров-старший тоже остановился и сложил молитвенно руки. — Если ты меня убьёшь, как в Москву попадёшь?

— Как-нибудь доеду. Я взрослая, самостоятельная женщина.

— А права-то есть? У взрослой самостоятельной женщины?

— Нету, — буркнула Лилька. Раскраснелась, вспотела от беготни, хоть снова в речку ныряй. Подошла к боковому зеркалу, взглянула на себя: причёска — взрыв на макаронной фабрике, щёки горят, как у Марфушеньки-душеньки из сказки, будто их свеклой нарумянили, на плече лист прилипший зеленеет эполетом. Хороша, нечего сказать. — Ладно, Андрей Сергеевич. Как ты там говоришь? Принято?

— Угу.

— Ладно. Извинение принято.

— Мир?

— За мышонка в воде. Так что перемирие. Ещё ж кикимора осталась. Так что, тётя-кошка, то есть, дядя-кот, готовься. А ля гер ком а ля гер. Чур, не усугублять вот сейчас, всякими намёками на Мосек и словов, — Лилька приложила палец к своим губам.

— Молчу, молчу, — Андрей Сергеевич, когда надо — на лету схватывал. Понятливый, однако, мужчина, чего уж там.

— Что у нас по плану дальше? — спросила Лилька уже в машине. Они привели себя в порядок, убрали за собой на берегу, пора в путь-дорогу.

— Возвращаемся на трассу. Липецкую область, надеюсь, пересечём без проблем, ну а в Тульской — поглядим. Как масть покатит.

— А что, может, не покатить?

— Да чёрт его знает, Лиль. Ночь наступит уже. Не будем загадывать наперёд.

— Принято. Не будем загадывать. Трогай, шеф. Липецк на проводе, как говорит мой папа-связист.

Глава десятая

А потом они поругались. Поссорились, едва пересекли границу Тульской области. Лиля считала, что поссорились, поругались, а Андрей Сергеевич говорил, что разошлись во мнениях. У страха глаза велики, а у молодости — эмоции, так что прав был скорее всего Андрей Сергеевич: плюрализм случился с ними, и только. Но поди докажи то деве юной. Она всплакнула даже сгоряча, но потихонечку, чтоб не дай бог не увидели некоторые. Кто бы знал, что простой вопрос, Лилька уж точно не ведала, иначе бы не задала, породит такую бурю. И хоть потом Андрей Сергеевич уверял потом себя, да и Лилю, что — бурю в стакане воды, но слово — не воробей, не птица, как в народе говорят, вылетит на волю, назад не воротится. Всего-то рыжая любопытница варвара спросила, не думал ли Андрей Сергеевич о возвращении на прежнее рабочее место, о дальнейшей карьере на строительном поприще?

— Не думал.

— Неужели тебе нравится быть просто бригадиром ремонтников и всё?

— Нравится, — сказал, как отрезал. Лилька услышала стальную ноту в голосе, и решила, что на этом следует и закруглиться на всякий случай. Но её, изнутри, вот честное слово, изнутри, будто подзуживал кто, будто она — старик, которого бес в ребро толкал продолжать разговор.

— Не вижу ничего предосудительного в своей работе. Кто-то же должен и лифты чинить. И даже тротуары подметать, клумбы высаживать и судна за больными выносить.

— Я тоже не вижу, — старалась сохранить спокойствие Лилька, чувствовала, что почему-то заводится от последней фразы Андрея Сергеевича. То, что в ней, фразе той, расцвёл неприятный и непонятный сарказм, зазвучала язвительная подколка в адрес Лили, как пить дать. Слово Лилька высокомерный сноб какой, через губу не переплюнуть, а что такого-то спросила, а? — Но почему бы не вернуться в профессию, которую любил, ты же сам говорил, что любил, в которой больше возможностей?

— Возможностей для чего?

— Для роста, хотя бы. Личностного. И материального.

— Ты это серьёзно? Для роста? Прямо личностного?

— Серьёзно.

Андрей Сергеевич аж скорость сбавил:

— Вы сговорились, что ли, все?

— Кто, все?

— Все — значит, все.

— Ага! — восторжествовала, слегка, правда, совсем чуток, Лилия. — Значит, я не первая поинтересовалась,

да? Наверняка Оксана тоже спрашивала, да?

— Спрашивала.

— Вот видишь!

— Очень настойчиво спрашивала.

— Ну, я уверена, что твоя жена настойчивость проявляла, потому что ты ей небезразличен. Вы же вместе были, и в горе, и в радости. Потому что она хотела лучшего для тебя, и вообще для семьи. Дело не в том, что твоя нынешняя специальность плоха, просто ты для неё слишком хорош.

— Конечно. Хорош. Великолепен и роскошен, не меньше. А не приходило ли в твою рассудительную рыжую голову, что мне действительно нравится моя работа, я не хочу ничего менять? И имею на это полное право?

— Ты и жене так отвечаешь?

— Как так?

— Можно сказать — грубо.

— Зато честно.

— И? — на аргумент про честность Лилька не нашлась чем возразить.

— Да ничего. Доспрашивались, доотвечались, — Андрей Сергеевич зарулил в дорожный карман, видимо высматривал его, оттого и скорость снизил, резко затормозил. — Доотвечались до развода.

Лилька прикусила губу.

— Извините.

— Да ладно. Дела недавно, но всё же минувших дней.

— Но как же так? Вы же столько вместе пережили испытаний?

Картина, которую Лилька представляла во время его рассказа о знакомстве с женой, о свадьбе, на которой

Андрей в джинсах, Оксана в платье с выпускного и с воздушными шарами, лопнула. Треснула как старое зеркало, которое упало со стены. Картина-мечта, которую пыталась примерить на себя с Петровым-младшим, разбилась вдребезги, и у Лили перехватило дыхание, выступили слёзы от огорчения. Она отвернулась от Андрея Сергеевича, чтобы скрыть их.

— Вот так. Испытания пережили... это верно, пережили. И Крым прошли, и Рим, да на медных трубах споткнулись. Но, видишь ли, Лиля... Пережить семье вместе трудности и горести — сложно, но можно, а пережить счастье и спокойствие — не проще, а, может быть, и не всегда возможно. Как в нашем случае.

— Но разве нельзя было поговорить, обсудить, прийти к компромиссу?

Лильке, которой примером отношений служили да и служат до сих пор семьи родителей, и бабушек-дедушек, трудно было понять позицию Петрова. Петровых. Бабушка Лиза всегда говорила, что коли любовь меж мужем и женой — навек не поссоришься. Достучаться всегда можно, договориться, услышать друг друга. А папа заверял, если уж супруга на мозоль на любимый наступила, так ей надо прощения попросить, а ему — «свою копыту под ноги жене не совать в другой раз, и тоже извиниться, на всякий случай...». Он шутил, конечно, но в каждой шутке есть доля шутки, остальное — всё правда.

— Можно. Только к компромиссу должны стремиться обе стороны, а из нас, пожалуй, уже никто не стремился.

— Но почему?! Что стоит уступить друг другу?

— Много ли ты уступала в своей жизни? Впрочем, можешь не отвечать.

— А я всё же отвечу. Почти никому. Ничего хорошего в этом нет, и гордиться нечем. Оправдание одно: необходимости уступать не было. Я ни с кем семьи не строила, хоть отношения случались, и строить не собиралась. Пока не собиралась. И вы знаете почему! Что ужасного в том, что жена спрашивала вас о будущем? Беспокоилась о том, что вы похоронили свои способности, свой профессионализм и любовь к делу, ради которого окончили институт? Ведь не со зла же она проявляла настойчивость, наверняка хотела как лучше для вас!

— Беспокоилась, — фыркнул Андрей Сергеевич, передразнивая, — настаивала не со зла. Теперь так называется? Я одного не пойму, это — женская солидарность, что ли? Почему вы: ты, Оксанка, и ещё куча знакомых баб решили, возомнили, что больше меня знаете, чего я хочу, что и как для меня лучше?

Лилька вздрогнула, и предательские слёзы снова подступили, а ведь она только успокоилась. Зацепило её слово «бабы», которое она терпеть не могла и то, что их была целая куча, да все знакомые. Настолько знакомые, что, как и Оксана, жена, могли позволить себе указывать Андрею... то есть, Андрею Сергеевичу как поступать!

Петров её эмоций не заметил, к счастью, продолжая свой монолог.

— Вот ты сказала личностный рост. Что это такое? С чем его едят? И не надо мне тут цитировать лекции по психологии. О взаимосвязи карьеры, развития и прочей белиберды. Мол, карьера и достаточное материальное положение, читай — зарплата, позволят не думать о расходах на то, чтобы специально обученные

люди занимались, скажем, домашним хозяйством. Или купить супер навороченную технику на кухню, тем самым освобождая время для развития личности. Хобби, курсы, изучение литературы, познания себя.

— А разве нет?

— Нет. В строительстве, да и не только, если ты человек ответственный и хочешь, чтоб всё на совесть было, и в срок, то пашешь, не отходя от кассы, на телефоне висишь сутками, без выходных и проходных. Постоянные авралы, то одно, то другое. Сил ни моральных, ни физических, какое там хобби, какие курсы? Тут бы выспаться. А про делегировать полномочия — прекрасно. Делегируйте. И добивайтесь, растите. От меня отстаньте! И вообще. Что мешает мне развиваться на своей работе? Да, выше бригадира или мастера участка мне там не прыгнуть, но интересоваться миром, книги-то читать кто мне не даёт? погоди. Дай уж мне досказать. Теперь деньги. Мне — достаточно, ясно? И сейчас, и тогда было, когда существовали «мы». Хватало нам. Оксана же стала мечтать, что займусь более подходящим для меня делом. Но я-то не мечтал. Постоянно штаны просиживать за компом где-нибудь в офисе, до рези в глазах, до шума в башке — нет уж, увольте. Ну, нравится мне моя работа, физический труд, что теперь казнить и казниться? Нравится мозговать над этой железякой чёртовой, укрощать её, запускать, причину искать. Нравится с начальством ругаться за снабжение, на помощь застрявшим людям спешить. Ну моё это, понимаешь? А вообще — бесит.

— Бесит? Что? Разве плохо строить карьеру, стремиться к какой-либо цели, и вообще ставить цели? Добиваться? Двигаться? Растить над собой?

— Не плохо. Местами даже отлично. Рай для души и тела. Но ты меня слышала, нет? Бесит то, что меня за шкуру, за шиворот, тянут в этот рай. Если вы желаете развиваться личностно и материально, если занимаетесь спортом или там йогой какой, или стали вегетарианцем – флаг вам в руки! Ради бога, кто не даёт? Но не надо мне навязывать ваш образ жизни! Раз за разом, убеждая, что я закостенею, застыну, что живу как-то не так, и моя жизнь превратится в болото. Это – чёрт возьми, моё болото и мне оно нравится! Достало!

«Достала!» — конечно, ну конечно же, услышала Лилька, и тут уж дала чувствам волю, не удержалась — всхлипнула: так обидно ей стало! Обиделась на Андрея Сергеевича: не доставала она никого. Спросила на свою беду. Обиделась на себя: вечно лезет, куда не просят. Будто бы взяла игрушечный автомат, нажала на спусковой крючок, но тот настоящим оказался, и пули тоже самыми настоящими. И ранили они до крови!

— Лиля, ты чего это? Ревёшь, что ли? — Андрей Сергеевич, наконец, заметил, что с ней творилось что-то неладное. — Вот малявка, глупая девчонка! Прости, ну прости старого дурака, не хотел психовать и пугать тебя!

— Я не реву! — разревелась и разозлилась на себя за слабость ещё сильнее Лилька. — И я не доставала! Это ты достал со своими монологами!

Она уворачивалась от рук Андрея Сергеевича, тот пытался ладонью вытереть ей щёки, погладить по голове, словом, утешить всячески, но Лилька героически сопротивлялась: мол, не надо теперь её жалеть. Всё же Петров-старший поздравее девчонки будет.

Скрутил рыжую, обнял, прижал буйную головушку к своему плечу, гладил по кудряшкам, произнёс куда-то в Лилькину макушку:

— С чего ты решила, что достала меня?

— Ты сказал.

— Когда?

— Только что!

— Я сказал: достало! До-ста-ло!

— Правда?

— Честное серьёзное!

Лилька потихоньку успокаивалась. Отстранилась от Андрея Сергеевича, глянула на лицо, бледное, нахмуренное, тот взгляда не отвёл. Не врёт, поняла.

— И ты прости. Я не хотела задеть. Я не хотела ссориться.

— Да мы и не ссорились. Разве это — ссора? Так, диспут. Кое-кто просто слишком чувствительной барышней оказался.

— Я не чувствительная! Всё любопытство моё дурацкое. Не спросила, а — на рану соли насыпала. Бабушка так говорила. Болит? — она коснулась груди Андрея Сергеевича.

Тот отвернулся.

— Ты, наверное, любишь её до сих пор...

Глава одиннадцатая

«Ты, наверное, любишь её до сих пор...» — ну, опять, опять! Опять: сначала сказала, потом подумала — где твои мозги, ЛильСергеевна? Где ты их растеряла? В пруду, то есть, в речке, там где расцвели рыжие лилии? Андрей Сергеевич смотрел в окно и молчал. А

Лилька вдруг перестала нервничать. Успокоилась. Почувствовала: в его молчании нет ни злости, ни укора. И тоже посмотрела в окно. Туда, где нынче вечер, этот растрёпа-художник расплескал свои алые да багряные краски по небу, до горизонта; туда, где чернели тонкие, словно нарисованные тушью силуэты деревьев; где дорожка фар проезжающих мимо машин напоминала млечный путь своим светом. В сумерках глаза Андрея Сергеевича приобрели пугающий тёмный цвет. В них отражался и электрический свет автострады, и сияние заката. Будто зажгли костры на берегу, подумала Лилька, и теперь их огонь отражается в воде.

— Так странно, Лиль, — вымолвил, наконец, Андрей Сергеевич. — Ещё три дня назад я, наверное бы, ответил «да» не задумываясь. Именно потому, что — не задумываясь. Чувства к Оксане были моей неотъемлемой частью, как рука вот, или нога. Я просто знал, что они есть, всегда, со мной. И да: им, руке ли, ноге — короче, мне нанесли рану, я сам помог нанести и, вот: мучаюсь. Привык мучиться... Но ты спросила сейчас, как по лбу стукнула. Я прислушался к себе, чтобы ответить, и что я понял? Что их нет. Ампутировали! Вероятно, давно. А всё, что терзало, саднило, мучило — всего лишь фантомные боли. Это так странно, удивительно, но, чёрт возьми, это — здорово! Понимаешь, о чём я?

Лилька лишь таращилась наивно в ответ, словно глазастенький лемурчик.

Андрей Сергеевич рассмеялся и махнул рукой:

— Ладно. Главное, я сам для себя понял. Спасибо, Лиля.

— За что?

— За оказание первой помощи пострадавшему, так сказать, — с этими словами он открыл дверь и вышел из машины.

Лилька не решилась выйти за ним. Наблюдала за огоньком сигареты в руках, как мелькал — туда-сюда, туда-сюда — рыжий светлячок в ночном воздухе. «Ну и день выдался сегодня!» — устало облокотилась Лилька на спинку сиденья.

— Ох, и денёк получился сегодня! — Андрей Сергеевич вернулся в машину. — Пожалуй, нужно будет поискать какой-нибудь придорожный мотельчик. Отдохнём часиков до пяти утра и тогда снова в путь. Не возражаешь, Лиля?

— Кто я такая, чтобы возражать тебе. Как говорила моя бабушка деду, когда тот приносил билеты и объявлял, что они едут на море.

— Принято, — улыбнулся Андрей Сергеевич. Включил зажигание, — по коням. Музыкачку включить для увеселения?

— А как же, включить, — согласилась Лилька. «Всё лучше, чем я со своими вопросами». — Только сильно не гони, Андрей Сергеевич. Опасно по темноте гонять.

— Боишься?

— Побаиваюсь.

— Как скажешь, Лиля Сергеевна. Поедем помаленьку. Спешить не будем, обещаю.

Лильку склонило в сон, она и не заметила когда. Ехали, ехали — и на тебе. Задрыхла. А ведь дремать она не собиралась, скорее наоборот, бдеть. Бдеть за водителем — сколько аварий случалось в позднее время, потому что они засыпали за рулём, особенно, если

целый день в движении. Дорога — коварная нянька: убаюкивает на раз-два.

Очнулась Лилька от того, что они остановились.

— Что случилось? — вскинулась. За окном — чернила пролили. Темнотища, жуть.

— Ничего, Лиль. С нами — ничего, но на обочине мужчина голосует возле своей машины. Вот там кажется что-то случилось. Нужно пойти посмотреть. Хорошо, что ты проснулась сама, а то так жалко было тебя будить.

У Лильки сердце сжалось. «В дурном предчувствии, прям душа захолонула» как сказала бы мама. Она всегда так говорила, когда отец задерживался на работе. Или когда бабушка долго не отвечала на звонок. Интуиция маму не подводила: папу с аппендицитом увезли на скорой в больницу, бабушка упала и сломала руку, а дедушка вышел в магазин на пять минут. Но то мамино шестое чувство срабатывало, словно сигнализация, а у Лильки с ним туго было. Точнее, его совсем не было. И вдруг, пожалуйста — сердце сжалось. А потом заколотилось неистово, как сумасшедшее.

— Не ходи! — Лиля схватила Андрея Сергеевича за руку. — Не надо!

— Ты чего, Лиль? — изумился тот.

Знала бы она сама — чего, не испугалась бы.

— А если это мошенники? В газете писали, и в интернете я читала. Притворяются, что им нужна помощь, а сами нападают, грабят, машины угоняют. Пожалуйста, не ходи! — тревога в душе разлилась как на плите убежавшее кофе из турки.

— Так нельзя, Лиля! — Андрей Сергеевич строго посмотрел на неё. — А если там действительно нужна

помощь? Я проеду мимо, тот проедет, что ж теперь из-за преступности одних страдать будут другие?

— Но...

— Я понимаю тебя, Рыжик. И ты пойми. Поставь себя на их место. Ночь. Нужна помощь, ты голосуешь, но напрасно. А время идёт. Время для помощи истекает. Как тебе? То-то же. Не волнуйся, мы примем меры предосторожности.

Чем больше Андрей Сергеевич говорил, тем больше пугалась Лилька, будто назло ему получалось, но то не зависело от неё, нет. Она не нарочно!

Лиля посмотрела в зеркало заднего вида: к машине бежал мужчина.

— Андрей! Там!

— В бардачке шокер лежит, возьми! Давай, Лиль, давай, в эту руку. А в правую — на, телефон. Держи, набирай.

— Что? Что набирать? Кого?!

— Да кого угодно, хоть папу Римского. Подругу, маму — неважно. И громко разговаривай. Звони! И продолжай смотреть на нас, когда я сейчас выйду. Если что блокируй двери, переключайся, вызывай полицию. Вон, указатель видишь? Место, где мы находимся.

— Вижу, — клацнула зубами Лилька. Тревога грозила превратиться в панику, уж первые признаки её появились — здравствуйте, я — озноб, и только спокойный голос Андрея Сергеевича удерживал Лилю от истерики.

— Всё. Не дрейфь. Не дрейфь, Лиля!

Андрей Сергеевич выскочил из машины. Мужчина приближался, Лильке показалось — со скоростью света, будто вампир из кино, пальцы не повиновались

ей, дрожали и не попадали в цифры. «Да что ж такое! — рассердилась на себя Лиля, приказала: — Прекрати! Не дрейфь, ну!»

Глава двенадцатая

Раз, два, три, четыре... десять. Десять ступенек вниз, до ещё тёплого от летнего зноя асфальта, десять ступенек вверх до входа в больницу. Раз, два, три, четыре... семь. Семь шагов от одной стены к другой, семь туда и обратно. За матовым стеклом приёмного покоя тускло светит лампа. Тени от объявлений, которые висят на дверях, расчерчивают плитку на полу. Ощущения — под ногами шахматная доска: чёрный квадрат, белый, чёрный, белый. Лилька шагала из угла в угол, стараясь не наступать на чёрные, словно от этого зависел исход ситуации. Как в детстве идёшь по тротуару, перепрыгиваешь трещины в асфальте, ведь если наступишь: всё. Считаешь, проиграл. Обязательно что-нибудь нехорошее случится. Ох, уж эти детские приметы! И как некстати всплыли в памяти — без них тревожно!

Раз, два, три... вахтёр предложил Лиле подождать внутри, но крашенные стены, больничные запахи давили и оптимизма не прибавляли. Лилька отказалась.

Шесть, семь, восемь... спустилась на пяточок перед больницей с аккуратной клумбой, по краям которой стояли лавки для посетителей. В цветнике отчаянно пахли розовые флоксы, словно пожилые кокетки надушились последними каплями старых духов. Пахли настолько отчаянно, что у Лильки закружилась голова. Она присела на скамейку и чуть не раздавила

спящего на ней кота. Надо же, кот! Или кошку, кто их разберёт в темноте, но Лиля так обрадовалась нечаянному соседству, что даже воспрянула духом, будто хорошую весть получила. «Скорее бы уже, сил нету ждать!» — она погладила соседа, большущего (всё-таки, кот, наверное, и морда вон какая хулиганистая), пушистого и такого же рыжего как она сама. Его тепло и мурчание успокаивали Лильку, а то все нервы совсем расшатались. Потерялись. Ни одного нерва не осталось, правда.

Всё пошло не так, ну всё. Закружило, да не в ту сторону. Вот с того момента, как Лильке напомнили о существовании Максима Петрова, и пошло. Нет, она, конечно, и не забывала его, просто память о нём затолкала в самый-самый дальний угол души. Но разговор о делах Макса вытащил его образ на свет божий как фокусник несчастного кролика из шляпы. Или с её решения срочно-обморочно в отпуск ехать в Москву закружило? Чтобы, как выразились подруги, закрыть гештальт: либо оставить одноклассника в прошлом, либо строить с ним будущее. А может, всё происходит стало наперекосяк с той минуты, как Лилька с чемоданом зашла в лифт, а он возьми и поломайся. Поломался для того, чтобы приехали её спасать ремонтники, бригадир которых — получите-распишитесь — отец Макса, собственной персоной. Знакомься, Лиля: Петров-старший. И завертелась история, закрутилась, как в горной реке забурлила. Да так забурлила, что только успевай набирать воздух в грудь, чтобы дышать да оглядываться в поисках чего-нибудь спасительного, чтобы вцепиться и не утонуть. «Да какая разница, — мурлыкнул кот, — ну не так всё и не

так. Мур-мур с ним! Главное же — шло-пошло. Хуже, когда не идёт. И зачем теперь разбираться, когда да где? Следуй за жизнью, беги по дорожке, плыви по течению, авось выгребешь куда-нибудь, не к одному берегу, так к другому».

— Ага, выгребешь. Я так не могу. Простой ты, как пять копеек: беги. Плыви по течению. Оно, знаешь, может вынести совсем не туда, куда хотелось бы. Не к тому берегу. И вообще, если тебя несёт, а не ты сам плывёшь, значит, прощай контроль над жизнью. Прощай ответственность, планы и, если угодно, — даже исполнение желаний.

— А импровизация? Спонтанность? Всплеск эмоций? Отсутствие контроля — порой неплохой шанс получить немножечко свободы, стать выше обстоятельств, приручить хаос. В нём, в беспорядке этом, кроется куда больше возможностей получить счастье, чем в порядке. В приручённом же хаосе — ты точно поймашь счастье за хвост. А контролировать всё и всех, себя в первую очередь, — невозможно: иллюзия. Иногда нужно просто отпустить ситуацию.

— Как отпустить, если не отпускается?

— Как, как... — кот вытянул передние лапы, зевнул и замурчал, затарахтел как заправский трактор. — Побудь ребёнком. Следуй навстречу приключениям и не задавай глупых вопросов.

— Не, ты нормальная, Лиля Сергеевна? Дожили! С котом вслух разговаривать. И за кота отвечать тоже, ну и ну! — Лилька тихонько рассмеялась с себя. — Или мне приснилось?

Нормальная или нет, приснилось или нет, но почувствовала, как тревога ослабила свои объятия, а потом

и вовсе пропала: соскользнула будто шаль с плеча на землю. Правильно папа считает, что разговор начистоту, по душам с умным человеком, то есть, с самим собой, принесёт пользы и успокоения больше, чем выпить пол-литра с другом. Даже если беседа ни к чему не приведёт и никаких выводов сделать не получится. Только, не врать себе, доча! Никогда не врать... Лилька вздохнула: легко сказать — не врать. Себе со врать — проще пареной репы. А потом и поверить. Эх. Ладно, разговор с собой нескончаем, пожалуй. До пенсии будет вестись, а то и до смертного одра. А вечер, в отличие от разговора, когда уже закончится этот? Или, скорее, ночь? Первый час уже, наверное? Телефон разрядился, ни времени не узнать, никому не позвонить. Вахтёра тревожить не хотелось. Ему и так досталось, когда они беспрерывно сигналив въехали во двор больницы. Сигналили, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы не терять драгоценного времени. Напугали всех, а сами боялись ещё сильнее. Вернее, Лилька боялась. А Андрей Сергеевич — ни капли. Твёрд, спокоен, уверен. По крайней мере, внешне. Вышел из машины без колебаний навстречу опасности, навстречу незнакомцу, который чуть ли не бросился под колёса.

Иван, так звали опасность, то есть, незнакомца, на самом деле бежал к ним просить о помощи. Подскакивал и от радости, что хоть кто-то остановился, и от беспокойства, страха за жену. Махал руками, жестикулировал, казалось, всем телом, пытаясь объяснить, что случилось. Его Надюшка рожает, как же так? Схватки начались неожиданно, ещё два месяца до срока, ничто не предвещало, как говорится. Нет,

они, конечно, осторожничали и аккуратничали: документы с обменной картой брали везде с собой, и, собственно, старались не выезжать уже никуда. Но к тёще на день рождения, в соседнее село — святое дело, хоть он, Ваня, и не хотел. Да Надя заладила, поедем да поедем. На чуть-чуть. И поехали. А назад — начались проблемы. Машина заглохла. Свой телефон Надя забыла у матери, а Ванька и вовсе два дня как без мобильного обходился, уронил в ведро его. Ну разобрал, теперь сохнет, вдруг заработает, новый покупать не с руки. И всё вот так одно к одному сложилось, что очутились они на трассе, в заглохшей машине, без связи, Надюшке приспичило рожать, а никто не тормозит, едут, гады, мимо.

Иван на эмоциях рассказывал Андрею Сергеевичу. Но Лилька же их не слышала. Зато видела в зеркало. Видела жесты Ивана (угрожающие, естественно), ей даже показалось, что он толкнул Петрова. Тут уж усидеть и не вмешиваться у Лильки не получилось. С шокером наперевес, как мушкетёр со шпагой, она бросилась на помощь Андрею Сергеевичу. Хорошо, у мужчины реакция быстрая: Лилькину руку схватил на лету, над плечом Ивана. Тот обернулся в изумлении. Потом Андрей Сергеевич вернулся в автомобиль, а Лилька осталась на обочине, теперь её черёд настал слушать сбивчивые объяснения и благодарности. Она краснела, щёки рдели как знамя от смущения и стыда. Еле успела вставить словечко, что ей-то как раз спасибо говорить не за что: будь её воля и они промчались бы мимо, ведь струсила Лилька, как ни крути. Но Иван то ли не понял, то ли сделал вид, что не услышал. Тряс Лильке руку и всё спасибкал, пока Петров

сдавал назад — подгонял поближе машину. Все вместе они помогли перебраться Наде в неё. Решили самим добираться до больницы, скорая пока приедет — разродиться можно.

— Вы всё-таки вызовете, пусть навстречу едет, — попросила Надя между охами и ойками.

Вызвали неотложку по телефону Андрея Сергеевича, и тронулись, наконец.

— Значит, доставляем Надю в больницу, либо по пути скорой передаём, как получится. Ты, Лиля, остаёшься с ней. В больнице. Мы с Ваней вернёмся за машиной, отбуксируем по адресу, в смысле домой. А потом за тобой приедем. Если будут какие новости насчёт Нади, тебе скажут, а ты уж Ване передашь, — Андрей Сергеевич не предлагал, не спрашивал, а решал и постановлял. Единогласно. — Ты, Надежда, если что невмоготу терпеть будет, сразу говори.

— Роды принимать будете? — прошелестела та, но Лилька поняла, что она улыбается напористости Петрова.

— А и будем, куда деваться с подводной лодки!

— Нет уж, я до врачей как-нибудь постараюсь сдержаться.

— Если захочешь кричать, не стесняйся, кричи.

— Да, Надя, ты, пожалуйста, не строй из себя героиню, — подал голос Ваня.

И вот теперь Лилька то шаги со ступеньками пересчитывала, то с котами разговаривала. Родит ли Надя или удастся остановить преждевременные роды? Где эти несносные мужики, сколько, интересно, нужно им времени, чтобы отбуксировать тачку и приехать сюда? Уже когда Надежду погрузили на каталку, (со скорой они так и не встретились, сами довели, пото-

му и сигналили как сумасшедшие, въезжая во двор), Иван снова бросился с благодарностями, Андрей Сергеевич не выдержал:

— Да хорош уже, Ваня, достал, — похлопал по плечу. — Неловко как-то, ей-богу. Ты лучше скажи: душ, подушку и три корочки хлеба где тут можно организовать?

— Да у нас дома, конечно же! Вы чё, это даже не обсуждается. Надя вчера такого борщеца наварила, шашлыки в машине, пирог с дня рождения тёщиного везли, и подушки вам с женой найдутся!

— Ну и добре. Принято.

Ни Андрей Сергеевич, ни Лилька почему-то не кинулись поправлять Ивана и открещиваться от «вам с женой», лишь переглянулись. «Ой, — сказала себе Лилька, — оно ему, в смысле, Ване, надо, кем мы друг другу приходимся? В первый и в последний, наверное, раз видимся, детей нам не крестить, и до наших ли ему объяснений, кто есть кто? Не всё ли равно ему, когда у самого жена в роддоме?» А что сказал или подумал на этот счёт Андрей Сергеевич неизвестно, лицо его хранило непроницаемость как взгляд у сфинкса.

— Мы скоро вернёмся. Жди и ничего не бойся. Но лучше внутри, нечего на улице торчать, — произнёс он на прощание.

— А я и не боюсь.

— Ага. Я понял, — Андрей Сергеевич кивнул серьёзно, как бы соглашаясь, как бы веря, но потом заявил:

— Конечно, чего тебе бояться, у тебя же шокер есть, о храбрейшая из храбрейших женщин, — и юркнул в машину, захлопнул дверь перед носом возмущённой Лильки.

Она вздохнула, снова погладила кота и хихикнула, вспоминая выпад Андрея Сергеевича в свой адрес:

— И никакие мы не храбрейшие из храбрейших, а просто немного уставшие и очень ждущие, как зверята у Чуковского, помнишь:

*Они лежат и бредят:
«Ну что же он не едет,
Ну что же он не едет,
Доктор Айболит?».*

Говори за себя, вильнул хвостом кот, он-то как раз храбрейший да неждущий, не то, что некоторые. Вильнул и наострил уши: послышался шум мотора, больничный двор осветили фары.

— Скорая или наши приехали? — Лилька вскочила с лавочки.

Глава тринадцая

Нет, Лиля не собиралась объедаться на ночь глядя: третий час, мыслимое ли дело? Ни позднеужинать, не раннезавтракать, как ни назови. Не собиралась. Чтобы потом противный внутренний голос укорял: посмотри в зеркало, что за спасательный круг на талии, джинсы трещат уже, а она всё лопаает и лопаает, а потом на диете сидит. Калькулятор дать, Лиля Сергеевна? Калории считать вместе будем, ворчал. Вот вернёмся, я всё девчонкам расскажу, Ленке с Ксюхой, пожалуюсь на твоё поведение пусть они тебя уму-разуму научат, управу-то найдут для обжоры. Проще не есть, короче, чем выслушивать нытье этой ябеды. Но Надин борщ так распахся, когда его подогрел Ваня, прямо прилип к Лильке всем своим чесночно-пряным, бульонным

ароматом. Щекотал ноздри помидорной заправкой, манил запахами болгарского перца и свежей петрушки. Удержаться от того, чтобы не слопать тарелочку — воистину невозможно. Когда же хозяин-искуситель ко всему прочему ещё и достал баночку сметаны (домашняя, гляньте-ка), Лилька сдалась окончательно. Ела, ложкой о дно тарелки стучала и чувствовала себя голодным волчонком, ну, чуть ли не рычала.

— Ешь, ешь, Лиля, — приговаривал Иван, — так приятно смотреть, когда человек ест с аппетитом, а не носом крутит.

— Молодой растущий организм, — поддакнул Андрей Сергеевич, пододвигая к себе солонку. — Вот и не крутит. Ты сам-то чего не присоединяешься?

— Да не до борща мне, Сергеич. Не до борща, — махнул тот рукой, присел рядом с Лилей. Оно и понятно. В больницу Ваню не пустили. Спасибо, что вещи для Нади вахтер принял. И прогнал: мол, нечего тут толочься, домой поезжайте, видишь, спокойно вокруг, никто не бегаёт, криков нет — значит, в порядке твоя Надежда.

— Шуруй отседова, не действуй на нервы. Чуть что — позвонят.

— Так телефон у меня навернулся!

— На мой позвонят, — Андрей Сергеевич встрял в диалог, попросил вахтёра: — Запишите, пожалуйста, мой номер.

Тот записал, да выдворил всех окончательно. Теперь Ваня гостей кормил, а самому ни крошки в рот не лезло. От мяса и трёх корочек пирога Лиля отказалась, куда ж ещё (налопалась борща под завязочку), и

выцыганила себе право первой ночи с душем: девочкам надо уступать. К тому же, душ — прелесть какая — уличный! Самый настоящий. Стоял себе в саду среди вишнёвых деревьев и розовых кустов, ждал Лильку, точно-точно. Четыре столба, три стены из досок, вход за шторкой, да бак наверху возвышался, словно «хала» у работницы советского ЗАГСа на голове.

— Совсем как у бабушки! — воскликнула Лиля. — Я будто в детстве оказалась.

— Вещи, полотенце, можно здесь повесить, вот крючки, — пояснял Иван. Он решил проводить девушку, да и показать заодно «как оно что у нас тут устроено». — Смотри, не забудь — с этой стороны. Чтоб водой их не забрызгало, лампочка тоже — снаружи, но всё видно. И нестрашно.

— Никаких бабаек? — пошутила Лиля: очень хотелось отвлечь Ваню от тягостных дум.

— Никаких.

— А пауки?

— Пауков не держим, — хмыкнул Ваня. — Надя их боится — жуть. Ладно, давай. Наслаждайся как в детстве.

— Есть, сэр! — Лиля задёрнула шторку, а руки вдруг опустились: Ваня ушёл и будто энергию с собой забрал. Или просто она устала за эти сутки? Лилька постояла, собралась с духом, включила душ, и прохладная вода, словно первый весенний дождь — землю, освежила и взбодрила девушку: — Как хорошо! — не удержалась, воскликнула от восторга, и подставила лицо навстречу потоку.

Чудилось Лильке, что стоит она не в самодельной кабинке уличного душа, где-то в Тульской области, а в пещере какого-нибудь тропического острова, не мень-

ше. Вроде Баунти из рекламы. Стоит под летящими струями хрустального водопада, что падает с высоты. Как какая-нибудь гаитянка или таитянка, с белой орхидеей в тёмных волосах. Непременно — с орхидеей. И не купается банально с розовой мочалкой в руках, а причудливо изгибаясь танцует под холодными каплями, вдыхает воздух, наполненный ароматами самшита, иланг-иланга и плюмерии; слышит там, вдалеке, шум прибоя — то ворчит старик-океан на юного озорника — солнце...

— Тук-тук-тук! Товарищ русалка, гражданочка Крылова! Вам не кажется, что вы ушли в заплеск? Это — даже неприлично, — раздался голос Андрея Сергеевича.

Достаточно ехидный для того, чтобы новоиспечённая гаитянка поперхнулась попавшей в нос, в рот водой да покинула Лилькину пещеру, в смысле, воображение. А орхидею смыло в слив, прямо под решётку в полу душевой кабины...

— К-куда? — пискнула Лилька, отфыркавшись. Как только что проснувшаяся курица на жёрдочке.

— Алкоголики уходят в запой, спортсмены в заплыв, а рыжие купальщицы — в заплеск. Заплескались вы, однако, ЛильСергеевна. Вода в бачке, чай, не резиновая, имеет свойство заканчиваться, — стена пошатнулась, скрипнула всеми своими рёбрами-досками: это Андрей Сергеевич опёрся спиной о деревянное сооружение.

А Лильку вдруг охватило смятение, бросило в краску, в жар, с ног до головы. Ей показалось, что даже кончики ногтей на руках порозовели: она ночью одна, незащитная, обнажённая, мокрая, а разделяет их всего лишь тонкая перегородка. И несчастная шторка,

которая — предатель, потому что взлетает, взмывает при малейшем дуновении ветра, открывает картину маслом «Лилька в душе». А вещички-то и полотенчико — снаружи. Висят себе спокойненько рядом с Андреем Сергеевичем, и чихать они хотели на Лилькино смущение и кажущуюся безмятежность Петрова-старшего.

— Ничего мы не заплескались, — возразила Лиля, спустя минуту. Нашла таки в себе силы, вот что юмор животворящий делает. Закрутила кран, добавила: — А купаемся мы по гостам, положенным товарищам русалкам. Будете отвлекать — ни воды, ни времени вам не останется.

— Хотелось бы конкретики, гражданочка, или правильнее, русалочка Крылова: через сколько пять минут освободите помещение?

— Вот именно. Пять минут. Через пять минут. Вот немножечко вам терпения не хватило, гражданин Петров.

— Ну, смотри, ЛильСергеевна... Принято. Время пошло, — предупредил шутливо Андрей Сергеевич, и отлип, наконец, от стены. Зашуршал гравий — Лилька выдохнула: ушёл. Протянула дрожащую руку из-за занавески, сдёрнула одёжку — скорее одеться. На волосы полотенце чалмой накрутила, готово. Можно возвращаться: вооружена спокойствием до зубов.

Веранда, словно маяк, светила среди тёмных силуэтов раскидистых деревьев. Вокруг розового абажура лирично вились мошки. На столе так и осталась стоять неубранной посуда (совсем не лирично, не романтично, а очень даже прозаично), но ни Ивана, ни Петрова она ни капельки не смущала: сдвинули в сторону, да и всё. Управились. Продолжали неспешный разговор в ожидании Лильки.

— Чья? — кивнул в угол Андрей Сергеевич. Там в кресле полулежала, полустояла гитара.

— Надина. Она ж у меня педагог. Класс фортепиано. В музыкалке нашей детей учит, — с гордостью в голосе за жену ответил Ваня, — а на гитаре — так, дома, для гостей или для меня-себя играет.

— Хороший инструмент, — похвалил Петров. Потянулся, взял инструмент в руки, тронул струны. Те мгновенно отозвались чистым звуком.

— Музицируете? — Лиля появилась на пороге неслышно. Поправила на голове съехавший по дороге махровый тюрбан, с любопытством посмотрела на Андрея Сергеевича. — Ну, если ещё и на машинке строчить умеете, то цены вам нет.

— Могём. Но пока коротаем, так сказать, времечко в очереди за омовением, Лиля Хоттабовна, — усмехнулся Андрей Сергеевич. — Без песен, танцев и «Зингера».

— Без чего? — переспросила, не расслышав, Лиля.

— Почему Хоттабовна? — удивился Ваня.

— А разве нет? Вылитая. Ладно, пионер Волька, покажи даме опочивальню, а я покину вас, пока вода не закончилась, — он аккуратно вернул гитару на место да вышел. А Лильку и вовсе без ответа оставил.

— Чего это с ним? — Ваня посмотрел след уходящему Андрею Сергеевичу. Тот шёл и сбивал ладонью попавшие под руку листья с подстриженных кустов. — Разнервничался, что ли?

— Я думаю, что устал, — высказала Лиля версию. Вспомнила, как на неё саму, когда принимала душ, усталость накатила. Хотя уверенности на сто процентов в озвученном варианте не было. Но и обидеться,

разозлиться Петров кажется не мог, ни с того ни с сего. Или мог? Или — с того и с сего, а тогда из-за чего... И вообще. Это ей впору обижаться: сам он старик Хоттабыч, вот! Обидеться и я могу, если что, — пришла к выводу Лилька, пока за Ваней плелась по дому.

— Я вам в нашей с Надей комнате постелил. А сам в зале на диване лягу.

— А, может, мы на диване? Неудобно как-то занимать место хозяев.

— Не, Лиль. Диван — обманка, не раскладывается. И на полу, извини, я вас положить не могу. Так что без разговорчиков. Не спорь, ложись. Уже первые петухи откукарекали, а мы до сих пор вошкаемся. Ещё и с больницы не звонят... — Иван вздохнул.

— Значит, всё в порядке. Тебе ж говорили, — Ваню сейчас не успокоить, конечно, но напомнить лишний раз слова охранника не помешает.

— Вот плед. Ещё один, на всякий случай. На! — он сунул Лильке плюшевый комок. — Не знаю, как вы, а мы с Надькой под двумя спим, потому что одного одеяла нам маловато было. Ну, я пошёл, — Ваня потопал к выходу, закрыл за собой дверь. А Лилька застыла столбом на несколько минут посреди комнаты.

Потом встрепенулась, положила плед, присела около — на краешек кровати. Оглянулась. За спиной в лунном свете белела простынь, будто лёд на зимней реке. Лиля провела ладонью по ровной глади: здесь в скором времени будет лежать человек. Мужчина. Со всем рядом. Чужой. Нет. Не чужой. Не совсем чужой. Отец Макса. Петров, чёрт возьми, старший! «И что дальше? — спросила Лилька неизвестно кого, — что дальше?».

Глава четырнадцатая

Её разбудило солнце. Оно вспыхнуло тысячью золотых искр в рыжих волосах. Тёплой ладошкой коснулось век, скользнуло по щеке, пощекотало пятку. Лилька хихикнула, ресницы дрогнули и всё, она проснулась окончательно. Вместе с ней проснулось блаженство и чувство беспричинного счастья. Такое счастье иногда наступает человека в юности, ещё не отягощенной жизненным опытом и житейской мудростью, в юности наивной души. Оно, это счастье валит с ног, как волна во время шторма, но при том хочется нырнуть в неё с головой, а потом взмыгь вместе с брызгами в небо, взлететь навстречу ветру и кричать от восторга. Лилька ещё полежала, наслаждаясь, а потом открыла глаза. Счастье счастьем, но утро никто не отменял. Обвела взглядом комнату: бежевые обои в мелкий белый цветочек, у одной стены, если лежать на правом боку и в упор её разглядывать — прелестный шифоньер. Отец такой называл «гражданин из бывших, из советских, то есть». Трёхстворчатый и рыжий как Лиля, он приветственно блестел полировкой на своих боках и дверцах. Рядом с ним раскапустилась кружевными листами детская кроватка и важничала тумбочка-комод. Напротив, слева — два открытых в сад окна, нежный, кремового цвета тюль оставлял тени-узоры, чем-то похожие на татуировки племени маори и... пустота, странная пустота. Как будто никто и не спал рядом с Лилькой. А, может, и вправду не спал, судя по аккуратно сложенному пледу, взбитой подушке. Лилька встревожилась: не случилось ли чего?

Она поднялась в тревоге, снова села. И только тогда увидела, что на тумбе лежит себе, полёживает телефон, и даже кто-то поставил его на зарядку. Кто-то, ухмыльнулась с себя Лиля, действительно, кто бы это мог быть? Прямо не догадаться. Значит, всё-таки приходил? Под мобильником белел вчетверо сложенный бумажный лист. «Рыжик, позвони как проснёшься. Я уехал с Ваней по делам. Скоро будем. А. С.» — скоро так скоро, спасибо, не забыли сообщить. Только, что же ты самого главного не написал, А. С.: как там Надя? Родила, нет? Лиля схватила сотовый, разблокировала. О, господи, сколько непринятых звонков от родителей, непрочитанных сообщений. Она совсем забыла, что обещала держать их в курсе своей поездки; что по их подсчётам она должна уже приехать в Москву и отзвониться не менее десяти раз, а лучше — ста. Но она... она лежит тут королевой где-то в Тульской области, как будто так и надо. Совесть ни разочка не ёкнула, сердечко ни стукнуло.

«Лиля, почему ты не берешь трубку? Ты доехала?» — мама, как всегда: уже беспокоится. Как будто дочь — несмышлёный подросток. 15 лет.

«Лилёк, не нервируй мать, позвони или напиши», — это папа. Ага, а он как будто и не волнуется.

«Я, конечно, понимаю, личные границы и прочая Ксюшкина ерунда, но где тебя черти носят? Можно же хоть словечко шепнуть», — возмущалась Лена.

«Лилька, ау-у», — поддерживала её Ксюша.

«Если ты не выйдешь на связь, мы с отцом пойдём в полицию, сегодня же», — ага, в ход пошёл шантаж.

«Лиля, угомони мою дочь, будь добра, помереть не даёт спокойно», — улыбалась смайликом бабушка

Лиза. Ладно, ладно, согласилась Лиля, угомоню. Только сначала позвоню Андрею Сергеевичу.

— Привет, соня! — он ответил мгновенно, словно сидел и ждал с телефоном в руках.

— Как там Надя? — Лилька, понятное дело, знала, что сначала поздороваться нужно. Но так растерялась от своей радости; радости — потому что слышала его голос, хотя чей же ещё она могла слышать — что совсем забыла о вежливости.

— Родила! Всё хорошо, все здоровы и в порядке!

— Ой! Ура! Ну, почему вы меня не разбудили?

— Двойняшки, представляешь? Мальчик и девочка.

— Обалдеть, Андрей!

— Не то слово. Ванька совсем ополоумел от счастья, я его буквально за майку в калитке поймал. Пешком собирался идти и в больницу, и к Надиным родителям. В общем, всё очень быстро происходило, настолько быстро...

— Что вы решили не будить и не ждать, пока соберусь.

— Ну, примерно так. Не обижайся, Рыжик.

— И когда вы вернётесь? Каков наш план?

— Пока не знаю. Мы сейчас в Туле. Тут Ванькины знакомые пообещали ему вторую кровать отдать. И коляску. И ещё нужно купить кучу всего, Надя целый список прислала. А Ванька совсем от эмоций не сообщает ничего, да и машина же его в ремонте. Помочь надо ребятам. Получается, мы опять задерживаемся. Прости, что ставлю тебя уже перед фактом, но по-другому никак. Надеюсь, ты не сильно сердисься? И не против?

— Не против. Совсем не сержусь. Наоборот, я... А скажи, Андрей Сергеевич..., — Лилька замялась, но решила всё-таки спросить, ведь иначе любопытство,

которому пока нос никто и никак не прищепил, замучает. Надо было родителям её Варварой назвать. Не угомонится, вся в маму, что и говорить. — Ты где спал? Ты вообще спал? Я не слышала, как... ты пришёл.

— А это важно?

— Это не важно, это интересно.

— Много будешь знать, скоро состаришься. Интересно ей, ишь ты. На коврике в прихожей спал. Ты так храпела, что...

— Врёте! — завелась Лилька с пол-оборота. Чуть не поперхнулась от возмущения: храпела — надо ж такое выдумать! — Я не могла храпеть, я не храплю!

— Храпела, храпела. Крыша поднималась, спроси у Ваньки.

— И спрошу! Клевета и поклёп, я в жизни никогда не храпела! Вот вернёшься, вызову тебя на дуэль.

— По храпу? Ой, ЛильСергеевна, до чего ты скандальная женщина, и пошутить нельзя. На самом деле, ты не храпела, а дрыхла без задних ног, хоть пушкой стреляй. Даже полотенце с головы не сняла. Такая смешная — вылитый маленький Мук, только босой. И, конечно, конечно, я был рядом, как настоящий рыцарь. Сражался с тридцатью пауками и двадцатью драконами, защищая тебя и твой сон.

— А чего не с тыщей? — маленького Мука Лиля пропустила мимо ушей, точнее, добавила к пункту про кикимор. Галочку, так сказать поставила. Размером с гору: она зла не помнит, просто записывает. Ну, погоди, Андрей Сергеевич, уж отольются тебе кикиморы, Муки всякие, маленькие да большие, и храп с задними ногами.

— Как истинный рыцарь, я считаю, что хвастаться

нехорошо, и потому с присущей мне скромностью джентльмена я слегка преуменьшил количество противников.

— Балабол ты, Андрей...Сергеевич, Трындычиха, одним словом. Только в брюках.

— Тогда уже Трындычих. А чего б и не потрындеть с хорошим человеком? Ладно, Лиль, Ванька сейчас меня взглядом убьёт. Слушай, чуть не забыл. Мама Нади приедет, Тамара Никитична, так что не пугайся.

— Я-то — нет. Не дождётесь. А она не испугается меня?

— Не должна. Мы предупредили. Всё, давай. Не прощаюсь. До встречи.

— До встречи.

— Лиль!

— А.

— Б. Ты чего не отключаешься?

— А ты?

— Я первым спросил, — рассмеялся он и всё же отключился, а Лилька ещё минут пять сидела на кровати с идиотской улыбкой на лице. Потом опомнилась, быстро набрала в телефоне: «Со мной всё в порядке, пока не звоните, сама вас наберу», отправила пяти адресатам. Первой, разумеется маме. А то с неё станется — возьмёт и пойдёт в полицию.

Тамара Никитична оказалась приятной и простой в общении женщиной. Но её милая словоохотливость и мягкость чудесным образом, без всякого противоречия, сочетались с энергичностью и командирскими замашками. Она появилась через полчаса после разговора, когда Лилька домывала посуду после ночного «дожора» и раздумывала над тем, чем бы ещё

полезным заняться. Надина мама взяла парад в свои руки, и дальше Лилькины размышления испарились. Потому что дом и всё вокруг него надо отгенералить, Надьке потом с двумя младенцами не до хозяйства будет. Перестирать горы, перемыть доли, вспахать сады-огороды, урожай собрать, приготовить праздничный ужин — за здоровье матери и детей, чтоб им в больнице легко лежалось, за знакомство с хорошими людьми выпить: ой, Лилечка, если б не вы, не знаю, чем бы дело закончилось. Лилечка внутренне, но опять покраснела, и теперь уже не Ване, а его тёще, пыталась объяснить, что Андрей — хороший человек, а Лилька — трусиха, и её благодарить не за что.

— И правильно, что трусиха, — согласилась с ней Тамара Никитична, — а кто ж должен бояться, если не женщина? Её страх мужика остужает, он тогда головой работать начинает, а не лезет куда не надо без разбору, в горячке. Про безопасность и осторожность вспоминает. А Сергеич у тебя — золото. Береги и держись его. Хороший, тьфу, чтоб не сглазить.

— Да, — согласилась Лилька с «хорошим» и с «золотом», и с «беречь»... А вот про «держаться» и что не у неё это самое «золото» — оставила за кадром. Некогда вообще-то тары-бары тут разводить, дела не ждут, и время — тоже. А впереди ещё один вечер, ещё одна ночь.

Глава пятнадцатая

Ну, праздничный ужин, так праздничный ужин, как скажете — Лилька решила нарядиться. Отчего бы и нет. До Москвы пока доскачет — минус три дня из отпуска: три платья уже, выходит, не ношено, что же зря

они в чемодане место занимают? То-то же. Выбирала недолго, любимый сарафанчик взяла, лёгкий, воздушный, юбка — оборки в три яруса, сам на бретельках с крылышками — не жарко. И не помпезно, несмотря на покрой. И цвет любимый, жёлтенький. Как пух цыплят. Или утят. Бабушка Лиза, когда дарила сарафан, так и сказала: ну чисто птенчик. Лильке, конечно, повзрослее хотелось выглядеть, посолиднее, но с другой стороны — этот самый лучший: и по фигуре, и к лицу. А лицом в грязь ударить как раз не хотелось.

— Наряжаешься? — в комнату зашла мама Нади.

— Ага. — Лилька покрутилась перед зеркалом. — Как вам, Тамара Никитична?

— Хороша девка. Сергеич твой растает за пять секунд. Не ревнивый?

— Н-нет, — слегка замялась Лиля: откуда ж ей знать, ревнивый или нет. Но ведь — нет же, смело можно предположить. Не может добрый человек быть Отелло. Лилька не сомневалась, вот и другие пусть не сомневаются. — Андрей Сергеевич хороший.

— Да кто говорит, что плохой? — не дослушав, рассмеялась Надина мама. — Только такие смиренные да тихие, ох, и горячи могут быть. Ну, главное, чтоб не обижал. А поревновать немножко — на здоровье, крепче обнимать будет. Ладно, Лиль, ты давай тут, недолго. Собрались почти все.

— Ой. Много людей? Как-то мне неловко, мы ж совсем...

— Да все свои, — опять перебила её Тамара Никитична. — Я да ты, да мы с тобой. Ванькины родители, да Катя, сестра его старшая, да соседи. Со всеми вы уже познакомились, какие тут могут быть вопросы да неловкости?

Лилька улыбнулась: правда-правда, познакомились. С некоторыми мельком, с другими — поближе. Пока порядки наводили, калитка одно хлопала: люди кто мимо шел, а кто и специально — заходили, поздравляли с новорождёнными. Ванины родители ближе к вечеру, после работы пришли. Ваньку с Андреем Сергеевичем на вахте помощи сменил отец, а Татьяна Фёдоровна, мать, — девчат отпустила. Так и сказала:

— Всё девчата. Давайте-ка, дуйте прихорашиваться, а мы тут с Катькой сами управимся: за мясом приглядим, на стол накроем. А то мужики, вон, в порядок себя приводят, а вы тут золушками до сих пор ходите.

Золушка Лилька в принцессу через полчаса превратилась, долго ли умеючи, особенно если в настроении.

— А я готова, Тамара Никитична.

Посмотрела ещё разок на себя в зеркало: щёки разругнулись, глаза блестят. Принцесса и есть, какая ещё там Золушка? Чтобы сбить волнение, пошутила:

— Как Наташа Ростова на первый бал.

На веранду мама Нади первая вышла, Лилька вслед за ней. Словно солнышко из-за тучки выглянуло, оно и понятно, цвет сарафанчика подходящий. Немедленно произвела фурор, уж на Андрея Сергеевича точно: глаз от Лили не отводил. И вообще, растерялся. Будто ему шешнадцать, как сказала Тамара Никитична, лет, рыжую девчонку в первый раз увидел. Растерялся и тут же попал под обстрел шуток.

— Ты, глянь-ка, Сергеич ослеп, наверное, от красоты такой.

— Да не, наоборот. Прозрел, аж про еду забыл.

— Ты теперь, Андрюха, бди всюю. Чуть зазеваешься — уведут из-под носа красавицу.

— Вот бы все так на своих жён смотрели, как Андрей на Лилечку, правда, Василий?

— Поглядим, как через 30 лет оно будет, Тома. Молодожёном и я так на тебя паялился.

— А сейчас что мешает?

— Дак очки я дома забыл, Тома.

— Да ты и с очками не очень-то глазеешь.

— А я исправлюсь, ты вот у Лильки платёе напрокат возьми.

Надины родители препирались понарошку, Ванины — подсмеивались, Катя хихикала, а Лилька не знала, куда деваться от такого количества внимания, да и взгляды Андрея Сергеевича смущали. До невозможности. Сидела как на муравейнике: вместо того, чтобы есть, то оборку поправит, то пружинку свою рыжую, выбившуюся из причёски, за ухо заправит, то вилку уронит.

— Слушайте, — не выдержала Ванюшкина сестра, — отстаньте вы от людей, дайте поесть спокойно. Мы зачем здесь собрались, лясы точить?

— И то верно, Кать, — Тамара Никитична подняла бокал. — Давайте — за Надю, за детишек, за Ванюшку, за врачей...

— Э, э, э, погоди, Тома! Ты чего, решила всё в одном тосте уместить? Сначала — за детишек. Дай бог им здоровья хорошего и нрава спокойного! А потом уже — за всех остальных. Куда спешишь-то? Вздрогнем.

Зазвенели рюмочки и бокалы. Вздрогнули, а как же. И не раз. Никого не забыли. Ужин потёк своим чередом. Вроде как Андрей Сергеевич от Лильки отвлёкся, да и она сама смущаться перестала. Оживилась снова. Тосты перемежались с беседой и воспоминаниями.

О Наде маленькой. О том, как рожала Катюха. О том, как Ванька из армии вернулся и яблоки решил покрасть в саду местного фермера.

— Чтобы впечатление произвести, — хихикала Тамара Никитична, обнимая зятя, — да не на дочку, а на мать. Добытчик.

— А произвёл на сторожа, — сказал Ваня. — Надо было не за яблоками лезть, а ноты выучить и на сольфеджио к Наде записаться. Тогда быстрее бы дело пошло.

— Надо было, надо. А помнишь, как вы в первый раз на Голубые озёра с палаткой поехали и спальник там забыли? Сергеич, у нас такие озёра, куда там той Швейцарии. Не бывали?

— Это в Кондуках, что ли? — уточнил Петров-старший.

— В них самых.

— Бывал. Но пока без Лили.

«Пока» — вздрогнула Лиля. Пока... Как много в этом слове для сердца девичьего слилось, так сказать.

— Это, Сергеич, прям упущение твоё. Прям ты не прав.

— Исправлюсь.

— Обязательно исправься. Обязательно свози туда жену. Ну ты что? Лиля, там такая красота у нас, глаз не отвести. Пейзажи заморские, природа, мамочки мои! Тебе понравится. Надя с Ванькой ещё полгода после поездки в себя приходили. Фотки до сих пор нет-нет, да и пересматриваем. Эх, жаль, что вы проездом, задержаться бы, да смотаться туда, хоть завтра. Мы ж, туляки, не одними пряниками живы, у нас столько всего поглядеть можно, Лиля.

Тамара Никитична рассказывала, Ванька подхватил, Катюха поддакивала. Лилька слушала, улыбалась. В груди тепло поднималось. Выше, выше. Всё

выше поднималось, к горлу комочком, слёзы наготове: как они любили свою маленькую родину, эти чудесные люди! И беседой своей, рассказами напоминали Лилькину семью. Родителей, бабушку с дедушкой, которые так же искренне любили донской край, гордились им, всегда знали, чем удивить приезжих гостей. Лиля окончательно расслабилась, как в кругу давних друзей, и уже удивлялась недавнему волнению — чего, спрашивается, волноваться, когда все свои вокруг да рядышком? Правильно Тамара Никитична сказала. А Ваня упросил Андрея Сергеевича взять гитару в руки. Какое же застолье да без песни? Петров ломаться не стал, чему Лиля очень обрадовалась. Не любила, когда кокетничают, цену себе набивают. Умеешь — делай, раз поведал об умении. Ну, если только человек в действительности не в настроении, а так — почему бы и не спеть? Лиле медведь на ухо наступил, потоптался хорошенечко: ни петь, ни играть не умела, а вот слушать — запросто, с удовольствием. Подперла лицо ладошками, ушки наострила, глазёнки вытаращила, будто в детстве, когда бабушка с подружками заводили песню. Вдыхала по нотке музыку, голоса, слова, пропитываясь ими. До дондышка, как говаривал дед.

Часов в десять родители Вани заявили, что пора и честь знать, закругляться: завтра кому на работу, кому в поездку, кого дела ждут. Засобирались в общем. Сватов, Надиных маму с папой, к себе ночевать зазвали. Катя заявила, что поможет Лиле, а потом сама придёт. На том и расстались. Со стола девчата прибрали, посуду перемыли в два счёта. Ни Ваню, ни Андрея Сергеевича к хозяйству не подпустили, без вас, мол, обойдемся.

— Вы лучше продолжайте петь да играть, нам веселее и вы при деле, — сказала Катя. — Давай, Ванёк, ты конференсье, Андрей — артист. Порадуйте публику чем-нибудь весёлым.

— Есть чем-нибудь весёлым. Давай, Андрюха, нашу любимую.

— Это какую, Вань?

— А вот эту:

*Мы вышли из дома,
Когда во всех окнах*

*Погасли огни
Один за одним.*

*Мы видели,
Как уезжает*

Последний трамвай⁷.

Давайте, подпевайте. Достаточно весело, девчонки?

— И ездят такси,

Но нам нечем платить,

И нам незачем ехать,

Мы гуляем одни.

На нашем кассетнике

Кончилась пленка, мотай! —

подхватили девчонки. Да и Андрей Сергеевич тоже не подкачал.

А потом у Лили зазвонил телефон. «Ксюша» — увидела и решила ответить, мало ли что.

— Извините, — она прижала мобильник к уху и спустилась с веранды в сад.

— Алё, — почему-то шёпотом произнесла Лилька.

— Малё, — тут же отозвалась подруга. — Ты чего шепчешь?

---

7   песня группы «Кино». Автор: Виктор Цой

— Не знаю. Не шепчу, — произнесла уже погромче. — Что случилось, Ксюша?

— У меня? Ничего. А вот что у тебя творится? Мне твоя писулька, эта филькина грамота «не звоните, потом сама наберу» абсолютно не нравится. И плевать на всякие там личные границы, которые перехожу. Перейду и не поморщусь. Ну-ка, колись, что происходит, ты где и с кем вообще?

Сама того не ожидая, Лилька взволновалась. И что ещё неожиданней — раскололась. Выложила начистоту события последних суток. Взхлёб. Ксюше даже наводящих вопросов не пришлось задавать. Лильку прорвало так прорвало, будто плотину, и эмоции понеслись гигантской волной. Переживая приключения заново, Лилька бродила по дорожке туда-сюда, от калитки, ведущей на улицу и обратно, к веранде. Не отвлекаясь от разговора, кивнула уходящей Кате: пока-пока, спасибо. Обнялись. И Лилька продолжила откровенничать.

— Да уж, — вздохнула Ксюша, в ответ на Лилькины откровения. — Ну, и поездочка. Это увлекательный был аттракцион, как говорится. Так ещё никто не шутил, как я и он⁸. Но дело пахнет керосином, Лиль. Со всем не шутики!

— Почему?

— Потому. Не прикидывайся. Хорошо, что завтра вы уже расстанетесь. Слушай, давай без глупостей, а? Ты ещё один гештальт не закрыла, с Максом, как уже на второй нарываешься, с его отцом.

— Ничего подобного! Ни на что я не нарываюсь! —

---

8 Слова из песни Л. Успенской. Автор слов: Регина Лисиц. Композитор: Игорь Азаров.

вспылила Лилька. — Что вам чуть что сразу везде романы мерещатся? Я с тобой просто поделилась тем, какой у Петрова отец замечательный, добрый, отзывчивый, настоящий мужчина... И как это здорово. Значит, Макс есть в кого пойти... То есть уже пошёл, а ты...

— А ты? Что ж тогда не призналась твоим, новым знакомым, что не жена Андрею Сергеевичу?

— А...а... оно им надо? — Лилька аж задыхаться начала от возмущения. Нет, какова? Подруга называется, сразу в точку бьёт, доверяйся ей потом. — Признание?! Сразу не получилось, сейчас-то к чему?

— Во-о-от. Я ж говорю, я ж чувю: керосинчиком попёрло. Манит, манит карусель. Да не заводись, Лиль. Жизни учить не собираюсь. Просто прошу. Не теряй. Голову. Договорились?

Глава шестнадцатая

Андрей Сергеевич весь вечер следил за Лилькой. За Рыжиком. За огоньком. За его маленьким Муком. Хотя нет — Мук как раз и не его. Едва она появилась, в своём цыплёночьем сарафанчике, со смущённой улыбкой на губах, он всё понял про себя. Вот так сразу и понял. Да. В одну секунду. И в множество моментов одновременно понял, что произошли с ним ранее и которые вспыхнули теперь, словно роса под лучами солнца. Вспыхнули сотни маленьких кадров-воспоминаний, и как капли дождя наполнили душу, словно чашу. Боль острая, жалящая, и в то же время приятная, от которой щемило сердце, и без которой уже он не сможет существовать, родилась вместе с понима-

нием. Чёрт возьми, Андрей Сергеевич, ну как так-то? Два дня, и — готов, спёкся. Куда ж так гнать? И что теперь делать с ним? С чувством? С чувством, которое так некстати, которое и счастье, и беда, победа и поражение. Оно, словно рябина зимой — яркое, прекрасное и противоречивое. Манит: сорви, попробуй, вон как на солнце пламенеет. Ягода вкусная, полезная, горечь в ней после мороза еле-еле ощущается, но всё же есть горечь эта, никуда не делась. Рябина — она такая, терпкая... Ну почему, почему же — Лилька? Почему к ней — смешной тёплой девочке, которую он сам, сам вызвался отвезти в Москву? К сыну...

— Сергеич, Сергеич! Ты чё, уснул?

— Нет, Вань. Задумался.

— А сыграй ещё чего-нибудь, а? Спой напоследок. И спать. Только такую, душевное-предушевное. Или любимую свою. Или... Лиле ты же играешь? Вот сыграй, как для неё, а?

Андрей Сергеевич на Ваню посмотрел, тот в ответ — просяще: во взгляде тоска по Наде. Понятное дело, переживает. И ужин праздничный не развеял тревоги, как она там, как детишки новорожденные. Потом Петров в ночь, на сад посмотрел, прищурился: Лилька светлым пятном мелькала, ходила по дорожке. И всё говорила, говорила, говорила. Долго уже. О чём, с кем? С кем? В пору самому затосковать. Эхом Ванькин голос в голове: «Лиле ты играешь? Вот сыграй, как для неё, а?»

Сыграю — решил. Вот пока её нет, и сыграю. Тоже, знаете ли, эмоции покоя не дают. Несёт Сергеевича. Ох и понесло, ребята!

— *А я шёл к тебе, милая, шёл лесами тёмными.*

Я блуждал, я искал, я «ау» кричал,

*Но на зов выходили всё кикиморы болотные,
Обещали грусть прогнать да печаль.*

*Обнимали меня, ноги путали, но не верил им.
Но не верил, милая, в их речи сладкие.
Всё твердил: отпустите меня, что за звери вы,
Пути резал, отче наш читал — растаяли.*

*Их рассвет спугнул, развеял, милая, да по чащам.
Засмеялся им во след, но упал без сил.
Я упал и пополз, по траве навстречу счастью нашему,
Там, где солнца луч, там где след его не остыл.*

*Там, я знаю, милая, ты живёшь — всё меня ждёшь,
Заплетаешь в косы облака, на заре румянишься.
Я нашёл. Доползу теперь хоть по снегу, хоть в дождь,
Я кричу тебе: милая, отзовись... — отзываешься!⁹*

Лиля разговор закончила с досадой — слова подруги зацепили. Так всегда ведь: правда царапает. Только Лильке от того не легче. И зачем она ответила на звонок? Надо было выключить телефон, да и дело с концом.

Она подошла поближе к веранде, остановилась у сирени. Точнее, за сиренью. Будто спряталась. Да и не будто, а — спряталась. Потому что Андрей Сергеевич пел песню незнакомую, но дело даже не в том. Он как-то по-особенному играл. И пел. Лильке почему-то показалось, что если она сейчас появится, то он и бросит, перестанет играть: было в песне, в голосе его что-то личное, как будто секретное. Или запретное.

---

9 Стихи Н. В. Литвяковой.

Ванька уснул на диване, всхрапнул как раз на «их рассвет спугнул, развеял».

— Колыбельная получилось, надо же, — усмехнулся Андрей Сергеевич, но продолжил. Для себя он играл и пел скорее, для себя, не для Вани, если уж по-честному:

— Там, я знаю, милая, ты живёшь-меня ждёшь,
Заплетаешь в косы облака, на заре румянишься.
И нашёл. Доползу теперь хоть по снегу, хоть в дождь,
Я кричу тебе: милая, отзовись... — отзывается! —
повторил куплет в конце Андрей Сергеевич.

И увидел жёлтый сарафан за кустом. Гитару выронил:

— Лиля!

Он вскочил, испугавшись за неё, почему прячется, не плачет ли? Кинулся:

— Лиля!

Лилька бросилась навстречу, господи, что случилось у него:

— Андрей! Андрей Сергеевич!

Глава семнадцатая

В машине Лиля старалась не смотреть на Андрея Сергеевича. Совсем. Вот с тех пор, как проснулась, встала, собрала вещи, вышла на веранду. Он сидел за столом, пил кофе. Готова? Поехали. Оставил чашку даже не допив. Вот с тех пор и не смотрела. И не разговаривала.

Небо упало и придавило серым пасмурным брюхом. Дышать было нечем. Но оно ещё ночью упало, когда светило белой от счастья луной. Когда они столкнулись на пороге, и Лилька чуть не улетела назад, в тёмный,

благоухающий раем сад, но Андрей... Андрей Сергеевич подхватил её. Успел. Подставил руки под спину, поймал. Зачерпнул в ладони её тело, словно снег, в пригоршню.

Небо упало, когда Лилька всем, что только в ней есть, кожей в мурашках, кровью закипевшей, лопатками почувствовала его прикосновение. Особенно лопатками, ведь там, где он коснулся их, под его пальцами вдруг стало больно и горячо, будто у неё начали расти крылья, пробиваясь наружу. И чтобы спастись от этой боли, от этого жара и тяжести растущих крыльев, чтобы Лиля вцепилась, обвила руками плечи, шею Андрея, прижалась к нему. Приклеилась намертво. Сколько они так простояли? Секунду или век? Лилька глаза закрыла в ожидании: вот сейчас он её поцелует, вот сейчас... она и на цыпочки встала, отстранилась чуть от него, чтобы он увидел её лицо, губы, обращённые к нему, манящие своим трепетом, блеском. Ей показалось, что она дышать перестала, а сердце — стучать в эту минуту. И только его сердце она слышала, как чьи-то громкие, быстрые шаги в пустом коридоре. Только его дыхание слышала, не подозревая того, что в этот момент жила с ним унисон, одним дыханием, одним пульсом на двоих. Она предлагала в дар всю себя, а он понял, что не хочет, не смеет отказаться от неё. Не сейчас, нет. Не сегодня... Он захмелел, он сошёл с ума, он... Он наклонился и поцеловал. И если б Лилька соображала в тот момент и что-то могла произнести, она непременно бы воскликнула: ну наконец-то! Но если целуют с нежностью и страстью одновременно, бережно и с жадностью, неистово, беспорядочно от ключицы до макуш-

ки, внося хаос в чувства, в эмоции, в желания — ни соображать, ни восклицать невозможно было, даже тогда, когда поцелуи прекращались на секундочку, чтобы перевести дух...

А потом упал Ваня. С дивана. Почти как небо, но только громче. Как-то они забыли, что находятся на веранде, что стоят на её пороге и самозабвенно целуются под стихи и звуки чудесной ночной поэзии: поющих сверчков, шелестящих листьев от ветра, и совершенную прозу жизни — Ванюшкин храп. Ванька, парень на вид вроде средненький, а шуму произвёл — богатырь с печи навернулся. Не меньше. Он тут же всполошился, собрал себя в кучку, вернулся на диван, сел. Сел и сонно хлопал глазами, пытался понять где он, что да как. Обвёл туманным взглядом веранду, сосредоточился на гостях, отпрянувших друг от друга словно старшеклассники, застуканные завучем за углом школы.

— Продолжайте, продолжайте, я не буду вам мешать, — пробормотал Ваня, завуч из него так себе получил, — простите.

Лилька уткнулась в грудь Петрову, он зарылся носом в копну её волос: прятали смущение и смех. Ну, точно: школьники и есть!

— Не простим, — шепнула счастливая Лиля, а Андрей Сергеевич отодвинул её слегка, развернул к себе спиной:

— Ступайте в душ, ЛильСергеевна, — ласково подтолкнул, — не морочьте людям голову.

— Избавиться хотите? — обернулась она.

— Хочу.

Лилька моментально покраснела ещё до того, как он продолжил ответ, столько всего она услышала и навображала себе за долю секунды в его «хочу».

— Хочу. Но не избавиться. Ваню, пожалуй, нужно до кровати довести. Проконтролировать.

— Н-не н-надо меня кронтол-лировать. Вировать, — подал голос Иван. — Я сам.

И завалился на бок. Сам, естественно.

— Вишь, чего творится? — кивнул в его сторону Андрей Сергеевич. — Ну, не смотри на меня, не дуй так губки, Рыжик.

— Как?

— Капризно. И очень сексуально. А то ведь...

— Что?

— Спать Ваньке на полу, неподнятому, позаброшенному, вот что. Не дразни гусей, ЛильСергеевна. Иди. Иди-иди. Полотенчику на верёвке не забудь.

— Какая заботушка, — она всё-таки спустилась с веранды. Вприпрыжку. Всё внутри гудело, билось, звенело пульсу в такт: Ан-дрей, Ан-дрей. И уже не слышала как он уговаривал Ваню пойти прилечь по-человечески.

— Хорош-ый ты чеавек, Сергеич, пррравда, — заявил тот по дороге в зал. — От Над-дюха как хоч-чет доч-доч-ку называет. А с-сына я назову. Андрррр-рюхой. Ты сог-гласс-сен?

— Что?

— Андрю-хой. Сы-на. Наз-зову.

— Сына? — Петров-старший вдруг застыл на полпути.

— Да. У т-т-тебя есть сын?

— Есть.

— И у меня теп-п-перь есть. Т-твоего как звать?

— Максим. Макс.

— А м-м-мо-е-го — Андрррюхой. Ты ж не прротив?

— Нет, Ваня, не против, — ответил Андрей Сергеевич. Они с Ваней дошли кое-как до «кроватки», и Петров бережно уложил хозяина спать. Укрыл, поправил подушку. Вернулся на веранду.

«Сын, — звучал Ванькин голос вдогонку, — у тебя есть сын?».

«Вы отец Макса Петрова?... Я еду к нему в Москву... то есть должна была ехать... но застряла в лифте...», — а это Лиля... Лиля пригласила его на чай, после того, как они починили лифт, вызволили из него девчонку. Как она обрадовалась! И спасению, и знакомству.

«...Я завтра еду к нему на машине и могу вас отвезти, Лиля...».

«Я вдруг поняла, почему у меня не складываются отношения с другими мужчинами...».

Андрей Сергеевич без сил опустился на стул. Вытащил сигарету из пачки, лежащей на столе.

Глава восемнадцатая

Лилька очень торопилась и переживала, сама не знала чего. Переживала. Впопыхах чуть гель для душа не забыла смыть. Вспомнила, слава богу. Смыла. Полотенчико-то взяла — да не вытерлась, сарафан на голое тело натянула, запуталась. Распсиховалась, оделась кое-как, выскочила из душа. Побежала. Оставила на крючках и полотенце, и бельишко своё. Бежала сообщить Андрею

Сергеевичу, то есть Андрею, конечно же, Андрею теперь, о том, что надумала, пока мылась. Что решила. А решила: ни в какую Москву она не поедет. Всё. Приехали. Ничего ей выяснять больше не нужно — выяснила! Добежала, запыхавшись, остановилась у ступенек отдышаться и поняла, что под сарафанчиком-то ничего и нет. Вот те раз. Оно-то, может, и ладно. Ну, пусть Андрей Сергеевич увидит, ему и не такое предстоит сейчас узреть, а если — Ванька? Проснётся раньше, пойдёт в душ, а там... Лилька топталась у сирени, металась в мыслях: вернуться, не вернуться, вот же ж дура, прости господи! Плюнула, помчалась назад. Полотенце — чёрт с ним, схватила бельё, не заметив, что только — лифчик, и степенно уже, павой, пошла назад, к веранде. Будто не носилась тут по саду, как сайгак, как дурень со ступой — со своим барахлом.

Петров сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку дивана. В пальцах тлела сигарета. Пятая, десятая? Неужели уснул, огорчилась Лилька. Подошла поближе, коснулась ладонью щеки.

— Андрюша, — позвала тихо. Несмело ещё. Непривычно ей, но так хотелось произнести его имя по-новому. Без отчества. — Андрюша, Андре-ей. Андрей Сергеевич!

Он вздрогнул, открыл глаза, уставился на Лильку.

— Я пришла, — сказала она, чтобы хоть что-нибудь сказать, потому что вдруг, вдруг ей стало неловко и даже страшно как-то.

Петров затушил сигарету, поднялся, не отводя пристального серьёзного взгляда от неё. Больше чем серьёзного. Сумрачного. Вот какого. Лиля отступила.

«Может, ему не нравится, когда его называют Андрюшей?» Или что? Что могло произойти здесь, с ним, за то время, пока она отсутствовала? Петров наступал и молчал. Лилька пятилась. Пятилась, пятилась, да упёрлась в столб при входе, что поддерживал крышу веранды. Прижала к груди лифчик, поняла, что только лифчик, слилась с цветом своих волос. Андрей Сергеевич глянул на дрожащие ручки, пальчики, вцепившиеся в кружавчики, на пылающее лицо, хмыкнул. Сгрёб в охапку, прижал к себе и ну целовать. У Лильки аж от сердца отлегло, вот напугал! Целовал, лихорадочный, так быстро, что она отвечать не успевала. А потом, когда перестал, шепнул в ушко:

— Зацеловал бы до смерти. Да нельзя.

— До смерти — нельзя, а до жизни — можно.

— Принято. До жизни... Иди ложись, Лиль, — он вздохнул тихонечко, убрал кудряшки со лба, чмокнул в него. Улыбнулся: — Воду-то не всю расплескала, товарищ русалка?

— Не всю.

— Уже хорошо. Иди ложись, — повторил он настойчиво. И, спускаясь со ступенек, произнёс непонятно для чего, о чём: — Утро вечера мудренее.

«Что он хотел этим сказать?», — размышляла Лиля. Ложиться она вовсе не собиралась. Нетушки, Андрей Сергеевич. Не дождётесь. Лилька села на кровать, лифчик на тумбочку положила — паинька снаружи, внутри — пожары, взрывы. Ждать ей не переждать.

Петров через полчаса где-то вернулся. Дождалась Лилька. Вошёл в комнату неслышно, потоптался у порога, но потом всё же приблизился к кровати. Присел на пол, рядом у ног Лили, плечом касаясь бедра. И всё.

Молчание как туман над рекой разлилось, тревожный туман, таящий опасность в том, что скрывал.

Лилька замерла: что случилось? Мужчина, что появился сейчас перед ней совсем не походил на того Андрея, с которым целовалась полчаса назад. Что-то произошло. Что-то, что изменило его мнение, что погасило желание. Он вдруг решил уйти в монастырь? Стать монахом, дать обет целомудрия? Узнал о ней зловещую тайну?

— О чём ты молчишь, Андрей? — нарушила тишину Лиля, разорвала туман в клочья, она вырвет их из его плена, ибо нет ничего хуже неизвестности и недоговорённости!

— Прости меня. Прости! — он в ответ взял её прохладную ладошку, подрагивающую от внутреннего напряжения, приложил к щеке, потом к губам.

— Почему?

По тому как она поставила вопрос, да и вообще, потому что прозвучал он не к просьбе о прощении, Петров понял, что Лиля догадалась, что произойдёт дальше. Вернее, что ничего не произойдёт.

— Давай поговорим об этом потом. Завтра.

— Нет. Сейчас. Сейчас!

— Сейчас? Ладно. Знаешь, как говорят? Лучше сокрушаться о содеянном, чем сожалеть об упущенном. Но в нашем с тобой случае, Лиль, лучше сожалеть. Об упущенном. Понимаешь?

— Нет. Нет!

— Жаль. Подрастёшь — поймёшь.

— Ты... Вы струсили, Андрей Сергеевич?

— Да, — он поднялся с пола, отпустил Лилькину ладонь. Постоял несколько секунд, потом отошёл от

Лили к дверям. Опёрся о косяк. — Да. Струсил. У нашей с тобой истории слишком большая цена.

Господи, как звучит, как он это говорит: в нашем с тобой, в нашей с тобой... Лилька не сердилась, не могла сердиться на него. Вот странность: когда Ксюшка сказала ей правду, она вспыхнула. Сейчас Андрей ей ответил честно, подкупающе честно, то есть поступил ровно так же, как подруга, но она не злится ни капельки, лишь пытается в его словах услышать надежду для себя. То есть, для — «нашей с тобой» истории.

— Ты... Вы о чём? Какая цена?

— Цена — Макс. Мой сын. Вашим отношениям, незаконченным отношениям почти 15 лет, нашим — 3 дня. Не слишком ли дорого за столь короткий срок?

— У нас нет с Максимом никаких отношений, и не было, в том-то всё и дело!

— Правда? Сын любил и любит тебя. Уехал в Москву из-за тебя. И кто помчал вслед за ним, бросив всё и всех?

— Я не бросала. И не помчала.

— Ты поехала. Чтобы убедиться. И готова бросить, если что, разве нет? Знаешь, чего я боюсь? Что если то, ради чего ты затеяла это поездку не состоится, если вы не встретитесь, не объяснитесь, ты так и не поймешь своих подлинных чувств. Ко мне или к сыну, не суть важно. Я боюсь быть заменой, и того, что свои эмоции к Максиму ты перенесла на меня: просто я оказался в нужный момент рядом, и мы ведь так похожи. И допустим, я осмелюсь, я встану между вами. Заплатим эту цену, не думаешь же ты, что он простит? Но всё равно мы с тобой будем жить долго и счастливо, до тех пор, пока вы однажды не столкнётесь. И ты пой-

мёшь, что вот он — настоящий, а я — эрзац. Я боюсь, что потеряю и тебя, и сына, и что испорчу вам ваше будущее! И ещё я боюсь, что это произойдёт завтра. Завтра ты встретишься с ним и поймёшь. Завтра, а не потом, поймёшь, что ошиблась, оставшись со мной. Но лучше раньше, чем позже.

«Я думала, это привилегия девушек накручивать ситуацию. Как можно столько всего смешать в одну кучу? Невозможно столько ерунды придумать за тридцать минут. Я просто хотела, чтобы мы любили друг друга сегодня. Я не успела тебе сказать, что... Я не знаю, кем себя чувствовать теперь: то ли падшей женщиной, то ли роковой, то ли всё вместе...» — Лилия перебирала мысли, не зная какую озвучить первой, какая из них поможет достучаться до Петрова и в то же время осознала, что ни одна не поможет! Если уж Андрей Сергеевич вбил себе в голову что-то, то с места его не сдвинуть, уж ей-то известно, ознакомилась за пару дней с характером.

— Андрей, Андрюша! Зачем, зачем думать о том, что может и не произойти? Зачем думать о завтра? — и всё-таки Лилька попыталась достучаться. Не могла не попытаться переубедить. — Ведь сейчас... Сейчас мы здесь, сегодня, вместе!

— Лиль. Не может быть никакого сегодня, пока вы не встретитесь. Вспомни начало разговора, вспомни: нам лучше сожалеть об упущенном. Если ты решишь остаться с моим сыном, тебе не в чем будет себя упрекнуть. Нам. Нам не в чем будет себя упрекнуть.

— Ах, вот оно что..., — Лилька с силой вцепилась в оборки сарафана, того и гляди — оборвёт. И оборвала бы, будь у неё силы и знай она, что это хоть что-нибудь

изменит! — Какое благородство, Андрей Сергеевич! — что ж, съязвить у неё силы нашлись.

— Нет, — он оторвался от дверного косяка подошёл к Лиле. — Не благородство. Сплошное коварство, Рыжик, сплошное коварство. Знаешь, что ещё люди говорят? Дольше всего помнят тех, с кем могло бы быть, но ничего не было, — Петров вытащил что-то из кармана и вложил ей в руки.

Лилька подумала — носовой платок, взяла. И чуть сквозь землю от стыда не провалилась: трусики. Её тридцать три, как говорится, бежевых кружавчика, нечаянно забытых в душе. «Значит, всё же — падшей женщиной», — промелькнул лихорадочный ответ на свои же мысли. Чувствовать себя. И немедленно почувствовала. Кружева жгли ладошки, а его слова — сердце.

Андрей Сергеевич, видимо, чтобы разрядить обстановку (знал бы кто, сколько ему пришлось приложить усилий вести себя в трезвом уме и твёрдой памяти) добавил, добавил-добил:

— Я до свадьбы — ни-ни.

Лилька против своей воли улыбнулась: ну что ты будешь делать с ним. Превратить драму в комедию — похоже, это у Петровых семейное. Но Лиля снова собралась с духом, отчаяние всё ж подступало комом к горлу:

— Вы решили за нас двоих, Андрей Сергеевич.

— На сегодня — да, — отрезал. Вышел из комнаты, почти выбежал. И дверь за собой закрыл.

— Так нечестно! — крикнула вслед. Он не услышал.

Опять, значит, небо упало. Но Лилька уже подготовилась, сдержала удар. Всё же молодость — пластичная

штука, много чего пережить, пережевать может. Не смотря на максимализм и горячность. «Не поеду, никуда не поеду. Домой вернусь. Завтра же. Командир какой нашёлся. Дулечки! Вот уснёт, заберу чемодан, и поминай как звали!» — рассуждала Лиля, прислушиваясь: но ни шагов, ни каких других звуков не слышать. Сколько уж времени прошло? Не знала, но казалось, что много. Андрей Сергеевич не возвращался. Вот, и где он? На веранде, на диванчике прилёт, честь свою мужскую оберегает? Как же узнать, когда сбегать можно...

Она слезла с кровати, осторожно открыла дверь. В зале только Ванькин храп раздавался. На цыпочках прокралась мимо, партизаном миновала кухню, коридорчик. На веранде горел свет. Лилька выглянула из-за занавески. Петров сидел на стуле, спиной к ней. Не спит. Так ему и надо! Ну, ладно, подожду, решила и вернулась в спальню. Когда-нибудь же уснёт, а тут она с вещами наготове, ищи-свищи. Решила. Но едва голове до подушки донесла, бац — и утро. Хмурое небо. Чашка Петрова на столе. Москва на горизонте. Пропала ЛильСергеевна всё на свете. Сбежала домой, называется. «Да и чёрт с ним, будь что будет!» — допила холодный кофе за Андреем Сергеевичем, молча в машину села. Тот на Лильку пасмурную глянул — сердце сжалось.

Ничего не сказал, не спросил. Отвернулся: чего рассоливать. Ему, что ли, легко? Одна половина души требовала немедленно развернуться на трассе и мчать в обратную от Москвы сторону — украсть Рыжика. Ныла и пилила, ты, мол, дурак: отказываешься от счастья, может быть, последнего для тебя. А вторая половина

Петрова грустно вздыхала, утешая: правильно поступил. Правильно, хоть и трудно. Что ты себя не знаешь, что ли? Будешь потом подвох искать там, где его нет. И себя изводить, и Лилю. Поэтому заткнись.

Тучи строили чёрные воздушные замки на горизонте. Ветер, хулиган, ерошил макушки вишням в деревенских садах, деревьям в лесопосадках, мимо которых проезжали. Пугал птиц, отрывал и раскидывал листья повсюду. Природа готовилась к дождю. Видимо, ей тоже хотелось плакать, как и рыжей девчонке в машине: никогда, никогда Лилька не испытывала столько счастья и несчастья одновременно, а жить в таком противоречивом состоянии ещё не приоровилась.

Глава девятнадцатая

Тишина в машине Лилю сначала ни граммочки не напрягала: она, как тот дурак из пословицы — думками богатела. Молчание, собственно она же его и затеяла — только на руку получилось. И не из вредности, не нарочно затеяла. На душе просто так муторно, тоскливо было, обидно — не до бесед. Да и чего говорить? Нечего. Всё уж ночью сказали друг другу. Время отсчитывало минуты, автомобиль — километры, а мысли, запертые в клетке молчания, вдруг требовали свободу, чтоб обернуться словом-воробьём и вылететь — не поймаешь. Загомонили, зазудели, как комариный укус в пятку: вроде и достать можно, чтобы почесать, да — бесполезно, не начешешься, слишком кожа грубая. А Андрей Сергеевич — молчит. Нет, ну ладно, она, Лилька, молчит, ей положено: девочка, обиделась, отвергли, между прочим. Неважно из

каких благих намерений, но Петров мог бы и поутешительней себя вести, ну как-то... виноватым себя, что ли, почувствовать, разговорить Лилю. Так нет же! Никаких признаков страданий, раскаяния, попыток разрядить обстановку. Наоборот, всем своим видом демонстрирует позицию: мол, не хочешь, ЛильСергеевна, общаться — принято. Тишина — залог спокойствия.

Лиля поёрзала на сидении, поправила ремень безопасности, ох, что-то давит сильно, и впервые за утро посмотрела на Андрея Сергеевича в упор. Тот, истукан истуканом, пожалуйста вам: ни эмоций, ни лишнего движения, только костяшки пальцев побелели — вцепился в руль, словно впервые вёл машину да желваки перекатывались. «Бесчувственный человек, деревяшка, тоже мне принц нашёлся, — завелась в мыслях Лилька, — молчит, как будто так и надо, что за мужчины нынче пошли. Ну, не мне же первой начинать общаться, в самом деле?» Сидит неприступный, что твоя царевна в тереме, платочек выставил, а ей, Лиле, выходит, нужно на коняге скакать, платок тот добывать: в Москву ехать, что-то там доказывать. Ой, зря Андрей Сергеевич надеялся на тишину. Забыл, видать, что она — предвестник бури. А погода выдалась под стать настроению Лильки с самого утра: тучи сгустились, опустились ещё ниже, небо почернело. Ветер поднялся, швырял на дорогу сухие ветки, листья.

Петров остановил автомобиль на обочине. Вышел. Из багажника в салон переложил какую-то сумку. Лиля обернулась посмотреть — «господи, скажи хотя бы слово, первый» — встретились с ним взглядами.

— Кофе с бутербродами, — пояснил Андрей, будто услышал её, — Ваня собрал. Если ливень пойдёт, а он пойдёт, и сильный, возможно придётся долго стоять. Будет чем заняться, — и улыбнулся.

Вот как он так умеет: улыбнуться одними глазами, а губы даже не дрогнули? Но лицо озарилось, прямо по-светлело, у Лильки аж под ложечкой заныло, и кобры все внутри свернулись, сложили капюшоны, словно под дудочку заклинателя змей. Буря миновала, не начавшись. Лиля кивнула — да, будет, чем заняться — и отвернулась, чтобы спрятать радость. А вообще... вообще — за окном, пейзаж, несомненно, интересней, чем ясный взгляд Петрова. Честно-честно! При чём тут какая-то радость?

Ливень начался без всяких прелюдий, в виде крупных капель. А через пять минут, едва машина тронулась с места, обрушился на землю резко, быстро, словно перевернул великан сразу несколько бочек с водой. Словно природа пол-лета копила-копила дождь, собирала его, как рачительная хозяйка, в одну емкость, да разозлившись, опрокинула все запасы разом на землю. На пару с великаном поработала: сплошная стена воды. И он, ливень, никак не прекращался. После первого сильного, будто тропического потока, всплеска, не превращался, как обычно, в дальнейшую противную морось, нет. Всё лил и лил. Дворники не справлялись, елозили натужно по лобовому стеклу и, казалось, падут под напором дождя смертью храбрых. Скорость движения на трассе снизилась, машины не ехали, плыли. Только большегрузы не сбавляли хода, неслись, что твои пиратские корабли на всех парусах, рассекая лужи, которые мгновенно образовались на

дороге. И когда проезжали мимо — обдавали огромными грязными волнами, такими, что автомобиль качало. Лилька невольно ойкала, представляя, что он опрокинется, смоев его с дороги этот девятый вал, летящий из-под колёс камазов. Кое-как доползли до заправки и даже — невероятное дело — местечко для стоянки нашлось свободное.

— Есть хочешь? Пить?

— Нет.

— На нет и суда нет, — пожал плечами Андрей Сергеевич.

Чуть развернулся, протянул руку назад, между сидений, пошарил за её спиной. Достал олимпийку и плед. Последний подал Лильке: — Держи. Вдруг продрогнешь. А я подремлю, пока дождь не закончится.

Откинул кресло, олимпийку как одеяло на себя накинул, закрыл глаза. Пара минут — и по тихому сопению Лиля поняла, что заснул. Делать нечего, пришлось ей последовать его примеру, не сидеть же сиднем, просто уставившись в окно. Она закуталась в плед под самый подбородок. Подремлем так подремлем, если получится, конечно. И не заметила, как и когда получилось. Но шум дождя — та ещё колыбельная песня, кого хочешь убаюкает.

Глава двадцатая

Лильке снилась Португалия. Странное дело, просто мистика! Никогда она в ней, в Португалии той, не была, не интересовалась. Не мечтала, да и упоминаний в последнее время не слышала, чтобы вот так, в подсознании ни с того, ни с сего всплыть незнакомой

стране. А вот, подишь ты, — всплыла. Лиля точно знала, что она прогуливалась по узким улочкам именно Лиссабона, и никакого другого города. Красные черепичные крыши домов, будто леденцы блестели и таяли под жарким солнцем. Плавилась под ногами брусчатка.

— Калсада, — кто-то тихо признёс во сне. Лилька не разобрала, чей голос, — португальская мозаика мостовых.

— Калсада, — послушно повторила.

Камни брусчатки, чёрные, белые, напоминали пряди, заплетённые в косы. Старинные дома, похожие на дам в нарядных платьях, сияли разноцветной плиткой.

— Азилежу.

— Азилежу, — азилежу манила Лильку потрогать глянцевые узорчатые стены. Касалась их в надежде на прохладу, но они обжигали, нагретые зноем, гладкие, горячие. Лилька всё шла и шла, куда-то вперёд, потому что точно знала — где-то там, в конце пути, за красивыми яркими домами, её ждал океан. Он шумно дышал, ворочался в своей колыбели, он пронзительно смотрел своими синими глазами и обещал спасти от жары прохладными солёными объятиями. А ещё ждал человек на берегу, мужчина. Лиля видела его так явственно, будто у неё не взгляд, а — рентгеновский луч. Вот только лица рассмотреть не могла, сколько ни старалась. Она вздохнула и... проснулась.

Дождь прекратился. Более того, из-за посветлевших, опустошённых туч кокетливо выглядывало солнце. Оно пускало рыжих зайчиков и расправляло лучи. Прихорашивалось из последних солнышковых сил, разглядывая себя в мокром асфальте, в лужах, в стёклах, как девчонка перед зеркалом. В машине стояла

духота, Лилька решила приоткрыть окно. Мало того, что дышать нечем, так под пледом и зажарилась, не то, что согрелась. Спеклась как яблочко. Она пошевелилась. Выпростала правую руку, нащупала кнопку на двери, надавила слегка. Стекло бесшумно опустилось, на чуток, сантиметров на пять, но в эту маленькую щель ворвалось столько свежего воздуха, наполненного ароматом мокрой земли, листвы, что у Лили закружилась голова. Вдохнув его, решила потянуться, расправить затёкшее тело, и тут уже голова закружилась второй раз, а сама Лилиа замерла, как кошка на охоте за голубем: Лилькину левую руку держал в своей Андрей Сергеевич. Ладонь в ладони, пальцы с пальцами переплелись. Лильку обдало горячей волной, сердце обрадовалось, заколотилось неистово — не унять.

Нет, ни за что она не уберёт первой свою руку, ни за что! Пусть Андрей хоть сутки ещё проспит, а она превратится в мумию — но будет чувствовать его, и себя. Украдёт эту маленькую ласку с его стороны, даже если он сам не осознаёт её. По изменившемуся дыханию, лёгкому движению Лилька поняла: проснулся. И испугалась, что сейчас он всё поймёт, разожмёт ладонь, отпустит её, и волшебство закончится. Тогда она решила, что первая разрушит его, волшебство это, дурное волшебство (раз суждено ему пропасть) и ослабила пальцы, попробовала выдернуть ладонь. Но Андрей лишь крепче её сжал.

— Выспалась? — он и не думал чего-то там отпустить.

— Да.

— И я. Вырубил, будто трое суток не спал, а теперь дорвался бесплатного. Кажется, и сон видел.

Сон! — встrepенулась Лилька, сон, а как же! И она

видела. Станный сон о Лиссабоне, с его калсадой и азилежу, с его красной черепицей. Сон об океане, о мужчине... а вдруг им снилось одно и то же? Вдруг — это Андрей ждал её на берегу.

— А что тебе снилось? — Лиля, любитель символов и знаков, способная углядеть, нафантазировать в любом событии пророчество, ну или хотя бы неслучайные совпадения — могла ли она остаться в стороне и не спросить? Конечно, не могла!

— Не помню.

— Совсем? Совсем-совсем?

— Совсем. Ни капельки не помню. У меня так постоянно: как только глаза открыл, так сон — из головы вон.

«А я помню», — хотела сказать Лиля, но подумала, что какая разница, собственно теперь, помнит или нет, раз Андрей Сергеевич свой забыл. Уже расстроиться собралась, но тут её осенило. Что называется — зашла с другой стороны:

— А ты был в Португалии?

— Где-где? — изумился он и чуть не выпустил, но спохватился, удержал Лилину ладошку в своей.

— В Португалии. Был? — Лилька уставилась на Андрея, затаила дыхание в ожидании ответа, будто от него, ответа этого, зависела — ни много ни мало — сама жизнь.

— Ну... ЛильСергеевна, ты это... того... умеешь поставить в тупик, — Андрей Сергеевич заморгал в растерянности, ресницы — хлоп-хлоп. «Как у девчонки», — умилилась про себя Лиля.

— Вот этот вот вопрос к чему сейчас? Что творится в твоей голове, гражданочка Крылова? — и Петров, сбитый с толку, тут же возмечтал обладать хоть капелькой

способности Ника Маршалла из фильма «Чего хотят женщины»: слышать то, о чём они молчат на самом деле. Капелькой — чтобы понять одну. Рыженькую. На большее и не претендует. Пока мечтал, Лилька сама раскрыла свои мысли.

Рассказала про сон, про мужчину на берегу, про то, что хочет понять, кто же он. Что Португалия ей приснилась не просто так. О надежде рассказала на то, что это — знак: если уж не один сон, не один океан в нём на двоих, то хотя бы посещение Петровым Лиссабона в реальности — вот та ниточка, нет, — связующая нить судьбы между ними. В её существовании хотела убедиться Лиля, и потому как на духу всё поведала. Бесхитростно.

Андрей Сергеевич слушал с лёгкой, какой-то непонятной ей усмешкой на губах. И Лилька вдруг почувствовала себя беспомощной маленькой девочкой, убеждающей ужасного в своей серьёзности, но вместе с тем снисходительности к ней взрослого. Отчего возникло желание вести себя соответственно: реветь и топтать ногами. Будто ей в магазине отказались родители конфету стопяцотую покупать. Лилька кулачки сжала, насупилась, но... отступила. Продышалась. Глянула исподлобья на молчавшего Петрова и просто спросила:

— Ты не веришь в знаки? В судьбу? В то, что случайности и совпадения не случайны?

— Ну почему же не верю? Верю, — ответил он и отвернулся от Лили. — Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам¹⁰. Но ещё верю в то,

---

10 У. Шекспир

что девяносто девять процентов из ста жизнь создаётся делами рук человеческих — поступками, словами, желаниями людей. И потому нет смысла искать какие-то там знаки, совпадения, счастливые или несчастливые. Нельзя на них полагаться и судить по ним.

— Почему? Почему! — даже не спросила, а воскликнула Лилька.

— Потому, — отрезал Петров. И всё-таки добавил, пояснил: — Под стремлением разглядеть какой-то там перст судьбы, вещей сон и тэдэ и тэпэ, зачастую прячется желание уйти от ответственности за свою жизнь. Особенно в случаях неудач или крушения надежд.

— Но...

— Без но, Лиль. Сегодня давай без но! — и напомнил, чтобы не расстраивать: — Я оставил один процент, помнишь?

Один процент! Один процент! Возмущение снова поднялось в Лильке. Она трянула волосами. Рыжие пружинки ударили по плечам, упали на лоб, на глаза. Она убрала их нетерпеливым жестом, приготовилась сражаться за свою правоту, открыла рот и вдруг поймала взгляд Андрея Сергеевича. Он, наконец, перестал рассматривать боковое окно, повернулся к ней и уставился на её губы. Отчего Лиля вспыхнула, смутилась, а слова, с горячностью и с силой готовые сорваться, вылететь, будто бы с размаху ударились о зубы и рассыпались, исчезли. «Да ведь он отвлекает меня, он не хочет говорить, — промелькнуло в мыслях, — так и не сказал, насчёт Португалии, зато развёл на спор...» — к Лильке вернулась способность соображать после минутного замешательства и смущения. И если б она знала, насколько приблизилась к разгадке,

то непременно бы возликовала. А Петров... ну что Петров? — раздумывал: ответить честно или нет?

Врать терпеть не мог, хоть и приходилось, не святой человек он, увы. А Лильку, Рыжика простодушного, милого, обманывать, даже в таком пустячном вопросе — последнее дело, лучше уж отрубите голову. Но и правда здесь совсем ни к месту. Совсем. Не сейчас. Ни к чему. Нынче любой ответ, слово, воспоминание или её стремление увидеть знак, может перевесить чашу весов Лилькиных чувств. Перевесить в пользу ли его, Андрея, или в пользу Макса — неважно. А важно дать Лиле возможность, в чистом виде возможность — определиться. Без влияния, без вмешательства этих всяких божественных провидений, совпадений и прочего, прочего, прочего. Важно удержаться и не накинуться на неё с желанием обнять, не отпускать, целовать. Целовать так, как целовался в юности на последнем ряду в зале кинотеатра или в тёмном подъезде на прощание — упоительно. Удержаться сейчас, когда тесно сердцу в груди, телу в одежде, душе — на земле. В воздухе быть, жить — тесно! Какая, твою ж дивизию, тут Португалия? Когда губы земляничные маячат, манят, и солнце, пробиваясь сквозь бронзу волос, щекочет нос, щёки будто бы её, Лилькиным дыханием, как вчера, на веранде.

— Андрей Сергеевич! — пока он боролся с собой, удерживался и решал, что важно, что неважно, и кому, Лиля окончательно пришла к выводу, что Петров морочит ей голову. И решила таки добиться своего, в смысле, его ответа. Вот из принципа. Прямо добиться, прямо взять быка за рога. — Так вы были в Порту...

— I Like To Move It Move It, Ya Like To! — зазвонил,

завопил телефон Петрова и спас его, ну точно, — спас от Лильки. С готовностью утопающего схватился Андрей за мобильник, как за соломинку, вытащил из кармана: — Да! — и выскочил из машины, был таков, аж дверь не закрыл.

Осталась ЛильСергеевна у разбитого корыта: вроде бы повод есть опять загрустить. Но вместо огорчения она удивилась: за всё время, что находились вместе, впервые услышала звук его телефона. И неожиданный выбор Андреем рингтона поразил и развеселил. Лиля прижала ладошки к щекам: «I Like To Move It Move It» — ну надо же! Может, ещё и на заставке у него танцует король Джулиан со всей своей мадагаскарской братией лемуров? С Петрова станется! Но кто же ему позвонил? Лилька вылезла из автомобиля и поискала взглядом Петрова. Тот вышагивал туда-сюда вдоль дорожки, ведущей к заправке, и, судя по серьёзному выражению лица, внимательно слушал собеседника. Лиля тут же встревожилась: что-то случилось? Что? С кем?

Андрей Сергеевич закончил разговор и вернулся к машине:

— Не пора ли нам, ЛильСергеевна, принять ванну? Выпить чашечку кофе, ну, или какавы с чаем?

— Что? — оторопела Лилька. Потом выдохнула: значит, ничего плохого в звонке нет, раз шутит цитатами из фильма.

— Пойдём, говорю, носики припудрим. Да выдвигаться будем. Никак мы что-то не доберёмся до столицы нашей Родины. Совсем распоясались.

Конечно, Лилю распирало любопытство: кто звонил, и зачем (ну, не виновата она в том, что её всё-всё интересовало, связанное с Андреем). Конечно, язык

чесался, да ещё ой как чесался, продолжить: и что там, собственно, с Португалией, но удержалась. Удержалась, и чтоб соблазна не было, припустила почти бегом к заправке, пудрить носик, оставив Петрова позади.

А тот и не думал спешить вслед за ней, догонять. Лишь смотрел, как задорно, в такт быстрым шагам подпрыгивают, бьют по спине кудри — эти рыжие пружинки. Мозг тут же подсунул калейдоскоп воспоминаний.

Лилька в Дивногорье. Стоит на вершине холма. Лилька в речке. Смеется, брызгается, волосы плывут, распускаются вокруг неё по воде.

Лилька гоняется за ним вокруг машины и грозитя отомстить ужасной «мстёй».

И хотелось запустить руки в эти прекрасные волосы, огненные, словно небо на закате, предвещающем сильный ветер. Остановить её, закинуть на плечо и утащить куда-нибудь подальше от людей... В пещеру, например. Чтоб никто и никогда. Кроме него. Вот так, вздохнул Андрей Сергеевич, среднестатистический сорокапятилетний мужчина превращается в маньяка. И нахмурился. Пещера не светит ему в ближайшие сутки, а, может быть, и — никогда. Никогда не светит.

Глава двадцать первая

В машину Лилька вернулась, разумеется, первая. А его всё не было. Когда Андрей Сергеевич появился, Лиля успела уже и бутерброды достать из сумки, и термос, и посуду. И кофе в неё налила.

— Какава с чаем! Как просили, — стукнула радостно кружками друг о друга.

Петров взглянул на неё. Нет, не взглянул — зыркнул с мрачностью:

— Не хочу.

Лиле показалось, что произнёс чуть ли не со злобой. Как будто она нанесла ему смертельное оскорбление, а после, как ни в чём не бывало, предложила мировую.

— А можно повежливее? — огрызнулась. Не привыкнуть ей, наверное, к его перепадам настроения. Никак не привыкнуть. Никогда. Да и нужно ли?

— Спасибо, не хочу, — повторил Андрей Сергеевич повежливее. Плюхнулся на сиденье. Включил зажигание. — Я передумал.

Лилька поставила кружки на панель, открыла дверь. Снова взяла. И... и вылила из обеих кофе на землю. Медленно. Затем сложила посуду и нетронутые бутерброды обратно в сумку, закинула её на заднее сиденье. Пристегнулась. И всё — в полнейшем молчании.

— Молодца, — одобрил с невозмутимостью Петров её демонстрацию. Бровью не повёл.

А когда уже вырулил на трассу, произнёс равнодушным голосом:

— Я был в Португалии. Только это ничего значит, Лиля. Я был там не один. С семьёй.

«И зачем?» — тут же укорил-спросил себя в мыслях. Зачем сказал, зачем напомнил Лиле о поездке в Португалию против всякой своей же логики, против своих же размышлений — не затрагивать тему, дать девочке возможность без вмешательств извне определиться со своими чувствами, не поминать всуе ни о чём, ни о ком. И на тебе. Получи, Лиля гранату. И ты, Петров, тоже получи, потому что сейчас начнётся.

Лилька пару секунд назад решила для себя: всё хватит. Никаких разговоров. Только о природе, о погоде, а ещё лучше — помолчать. Не зря же в народе говорят: молчание золото, и когда молчишь, то умнее выглядишь. И вдруг здрасьте вам: я там был, только это — ничего не значит! Как в таких условиях соблюдать тишину, спрашивается?

— Может, для тебя и не значит, а для меня — очень даже! — вскинулась Лилька. И повторила его слова: — Один процент, помнишь?

«Начинается...» — улыбнулся про себя Андрей Сергеевич.

— Расскажи про неё, про Португалию. Там действительно всё такое, как мне приснилось?

— Действительно, — Петров обрадовался, что ошибся и ничего не начинается. Лиля не зациклилась на том, что он ездил в Португалию не один, а с семьёй, и нет необходимости говорить ни о бывшей жене, ни о сыне. О Максе. Из-за которого, собственно, и весь сыр-бор у них с Лилькой произошёл, и кошка пробежала.

— Дома в плитке? И тротуары?

— И красные крыши. И улицы идут то вверх, то вниз. А на одной, слишком высоко поднимающейся в гору, есть уличный эскалатор. Он начинает двигаться, если нажать кнопку. Наблюдали мы, как рабочие таскали мешки наверх. Включил кнопочку и поехал с грузом, а не на себе волочешь. Красота! — Андрей Сергеевич с готовностью откликнулся отвечать Лильке, удивляясь самому себе, насколько живы, оказываются, в нём эмоции и впечатления от путешествия по Португалии.

И с энтузиазмом Остапа Бендера, рисующего картину будущего и ослепительные перспективы перед

васюкинскими любителями, Петров старший стал рассказывать Лиле о чудесной жакаранде, которая, будто сиреневой шалью, укрывает город в мае своим цветением; об историческом маршруте трамвая номер 28 и том, что до конца в нём едут только русскоязычные туристы. По крайней мере у Петрова сложилось такое впечатление: к конечной остановке у кладбища в трамвае не осталось ни одного португальца, ни одного иностранца; о том, как весело трезвонят эти старинные желтые трамвайчики на поворотах, и кажется, что сейчас они не впишутся в него — такие узкие и кривые переулочки Лиссабона; о том, как можно объесться в португальском ресторане, потому что порции в них совершенно гигантские, и к мясу совершенно не нужно заказывать гарнир, мясо и так подаётся с овощами, с картошкой; а они не знали и в первый вечер просто выкатились колобками с ужина, отказаться и не доесть — не нашли в себе сил...

«Красноречие его было необыкновенно», — вспомнил цитату Петров из романа и усмехнулся над самим собой — ну и понесло же его, ну и понесло опять. Утешало лишь то, что в отличие от шахматного гротесмейстера, он ничего не придумывал. Наоборот, рассказывал о Португалии только правду и ничего кроме правды. И во время беседы в нём родилось желание повторить поездку в Лиссабон, что совершенно естественно и неудивительно — ну, что оно родилось, — это желание. И повторить, конечно, не одному, а привезти Лилю. В жаркую, солнечную летнюю страну, такую же рыжую в знойном мареве, как и сама Лилька.

— И давно? Давно ты ездил? — вернула она Андрея Сергеевича на землю.

— Давно.

— Как давно?

— Макс заканчивал первый курс — наш запоздалый подарок на его совершеннолетие, — нехотя ответил Петров. Нет, не избежать упоминания о сыне. Не избежать.

— Значит, мальчишка, юноша... — протянула задумчиво Лиля, — не то, не то. Я не видела молодого парня во сне. Не он меня ждал на берегу, понимаешь?

— ЛильСергеевна, душа моя, ты опять?

— Ага. Снова, — кивнула она. «Душа моя!» — станцевала от ласкового обращения эта самая Лилькина душа, с маракасами или, возможно, с бубном — не суть. А потом сомлела, растаяла, но собралась в кулак: не время таять, продолжай, гни свою линию, Лиля: — Подожди. Не перебивай, не насмешничай. Не может быть, чтобы мне ни с того, ни с сего, просто так приснилась страна в которой я никогда не была, а ты всё-таки был.

— Может.

— Нет!

Но как же она прекрасна, когда вспыхивает, горячится. Нет, конечно, она всегда прекрасна! И когда злится, дерзит, и когда теряется. И когда спокойна, как воздух в безветренную погоду; и когда смотрит доверчиво или с восхищением, от которого душа дрожать начинает. Но в моменты, когда не согласна и хочет доказать свою правоту, прекрасна как-то по-особенному: внутренний жар освещает её личико, и она дышит вся этим жаром и он передаётся ему, Андрею, искорка за искоркой. Словно бенгальский огонь у него загорается в душе вслед за ней.

— Нет, — повторила Лиля. — Может, ты сам не заме-

тил, не понял или забыл, но что-то случилось там с тобой, с вами, может внутри тебя, семьи, отчего ваша жизнь стала складываться по-иному.

— Стало быть, сон твой — вещей, и не духота в машине повлияла на подсознание? Иллюстрация к тому, что встретиться нам предопределено. И это — точно какой-то знак.

Лилька посмотрела на Андрея Сергеевича: насмехается таки? Но ни тени сарказма на лице, ни его нотки в голосе Петрова не виделось, не слышалось. Он, может и хотел вложить добрую насмешку в свои слова, но вдруг, погрузившись снова в те моменты, когда путешествовал по Португалии, увидел себя на берегу. В Синтре? Да, да, кажется, в Синтре...

Глава двадцать вторая

Небольшой, но древний мавританский город недалеко от Лиссабона, под завязку набитый достопримечательностями, привлёк лично его, Петрова, не столько ими, сколько самыми известными ресторанчиками, в которых подавали с пылу-жару свежие морепродукты. «Тебе бы только пожрать», — вроде пошутила тогда Оксана, но как-то грубо прозвучало замечание из её уст. У него и аппетит пропал, и желание любоваться этими дворцами всяких там Пенон и Регалейров¹¹. Но

---

11 Quinta da Regaleira — имение Регалейра, дворцово-парковый комплекс неподалёку от Синтры, на территории которого находятся романтический дворец в стиле неоготики, часовня и парк с озёрами, гротами, фонтанами и различными архитектурными капризами; Дворец Пена (Palácio da Pena), летняя королевская резиденция находится на высокой скале над Синтрой, на месте маленького заброшенного монастыря в стиле мануэлино.

послушно таскался за домочадцами по парку и замкам. А потом пришли в бар «Do Fundo». «Где, между прочим, Петров, столик надо бронировать заранее, потому что там подают самых вкусных осьминогов в Португалии», — эхом прозвучал наставительный тон бывшей жены.

После ужина он вышел из зала на террасу с видом на океан, спустился по деревянной лестнице на пляж, к самой кромке воды. Волны наперегонки с ветром бежали к ногам, слизывали камушки и ракушки с песка, баловались, плескались солёными брызгами, как сто, как тысячу лет назад — вот что незыблемо и постоянно — природа, её мощь, красота, и нежность, и опасность — дела им нет до страстей человеческих, до людских счастья и горя.

И посреди чуть грустных, но светло таких грустных мыслей, всплыла одна неожиданная. Настолько неожиданная, что Петров споткнулся то ли о камень, то ли о корягу. Всплыла как подводная лодка, мысль о том, что их браку с Оксаной однажды придёт конец. Что он не из тех браков о которых пишут: жили они долго и счастливо, и умерли в один день. Андрей с Оксаной стали совершенно чужими людьми и единственное, что их связывает — сын, ради него они сохраняют видимость семьи. Ну, и ради внешних приличий: мол, у нас всё хорошо, примерная семья, прошедшая испытания, а на самом деле они давно уже ведут себя и относятся друг к другу как бывшие друзья-одноклассники, что были в школе не разлей вода, но время утекло и общаться уже неинтересно. Обида на жену, видно, заговорила в нём, решил Андрей и прогнал думы тяжкие прочь — что ты ещё выдумываешь?

— Так не бывает, — сказал сам себе Петров. «Может, ты сам не заметил, не понял или забыл, но что-то случилось там с тобой, с вами, может внутри тебя, семьи, отчего ваша жизнь стала складываться по-иному», — вспомнил Лилькино. Так не бывает! То размышление было первой ласточкой, и хотя развелись они с Оксаной ещё не скоро, но...

— Что не бывает?

Оказалось, он произнёс фразу вслух, а Лиля тут же ухватилась за неё с цепкостью маленького ребёнка.

— Бывает, Андрей Сергеевич, бывает. Судьба! — пусть она даже предположить не может, что там, в прошлом, разглядел он, что вспомнил или о чём догадался, ясно одно: на её, Лилькины суждения, посмотрел по-другому.

Некоторое время они молчали: Петров сосредоточился на дороге, Лиля боялась спугнуть зародившееся в нём согласие с её точкой зрения. Ещё бы как-нибудь повлиять на его манеру откладывать важные вещи, разговоры, да что там — саму жизнь — на потом. Придавать большое значение тому, что произойдёт в будущем — и не замечать настоящего. Не перевоспитать, ни-ни. Ни в коем случае, но чуть-чуть изменить, разве она не права: разве люди не меняются? Но времени, времени совсем не осталось. Москва неотвратимо приближалась.

— Ишь ты, — тем временем (и наконец), произнёс Андрей. — Принято, ЛильСергеевна. И в кого ты такая умная родилась?

— В себя, — заважничала та и прыснула. — А папа говорит, что я вылитая бабушка Лиза. «Дочка у меня —

тёща в квадрате» — любимое папино выражение. Значит, я права, да?

— Права. Немножко. На один процент.

Вот вредный мужчина! Лилька вздохнула. Вредный и упрямый. «Со стержнем», — припомнилось бабулино выражение.

...Лиле лет десять, она влюбилась в соседа, восьмиклассника (вот сегодня и навсегда), и, конечно же поделилась с бабушкой.

— Дай бог, Лилечка, чтоб тебе попался человек со стержнем.

— Как в шариковой ручке, ба? Писатель? Вовка — пишет и пишет, у него тетрадок, видела, сколько?

У дедушки газета в руках затряслась и очки со лба на нос свалились от смеха:

— Лизок, а ты чуть что уже честным пирком да за свадебку.

Бабуля грозила ему украдкой кулаком, не смейся над нами, а Лилька всё равно заметила, и на деда не обиделась.

Бог его знает, что там из Вовки выросло, но Андрей Сергеевич со стержнем, однозначно. Иначе бы не сохранил в себе доброту и юмор, силы жить дальше после пяти лет тюрьмы, не обижаться на всё и всех, особенно на женщин, не держать зла после развода, — загордилась им Лилька.

— Въехали в Московскую область, — сообщил ничего ведавший о своём стержне Петров. — Если на МКАДе не будет пробок, доберёмся совсем скоро. «Что мало вероятно», — уточнил сам себе и повеселел.

«Хоть бы случилась! Пожалуйста, пожалуйста, пусть случится такая огромная, такая долгая-предолгая, только без аварий, пробка, чтобы подольше оставаться наедине!» — взмолилась Лилька.

Но нет, нет, не случилась. Не случилась пробка. Сглазил кто, что ли? Но хоть Москва, хоть Подмоскowie, будто сговорились проявить своё гостеприимство и благосклонность: расстелили ковёр, включили зелёный свет, приготовили каравай, распахнули объятия. Как нарочно. Ни одной порядочной пробки — максимум минут на пятнадцать постоять. Безобразия одно. Наверное, так бывает раз в тыщу лет, и надо же, что именно сегодня. Лиля отсчитывала километры, разглядывая синие указатели, читая названия: Кашира, Видное, Домодедово, Барыбино, Ступино. И вдруг осенило, то есть, дошло до неё, как до жирафа на третий день: она едет не к маминой знакомой, бывшей однокурснице и теперешней москвичке, на квартиру, о которой мама заранее договорилась. И не в гостиницу какую-нибудь, как хотела и настаивала сама Лилька, чтоб не обременять знакомых и ни от кого не зависеть. Благо, интернет всемогущий их поможет и найти, и забронировать, не отходя от поезда. Как, собственно, и планировала Лиля, чуть ли не в марте ещё. А везёт её Андрей Сергеевич напрямик к Максиму. Он даже упоминал, куда. Кажется, в какое-то Ясенево. Сюрприз-и-из!

Глава двадцать третья.

А, впрочем, сюрприз для всех получился. События давно уже вышли из-под контроля и развивались не по плану. Ни один пункт не совпал. И цели уже иные, и ситуация, и чувства, и она, Лиля Крылова, другая... Едет.

И едет вроде бы как в гости. В такие странные гости. Едет снегом на голову или обухом по голове. Как ни назови — всё странное. Может, надо хоть к чаю что-нибудь купить, чтобы хоть как-то странность перевести, направить в обычное русло? Чтобы хоть какой-то контроль и уверенность возродить. Да и не привыкла в гости с пустыми руками приходить. Это Андрею Сергеевичу, может, удобно и привычно, прилично — он к сыну приедет. А она с Максом сто лет не виделась — это раз, Петров-младший после работы будет — это два, может, у него и на ужин ничего нет, это — три.

А вообще, Лилька как себе поездку воображала? Что приедет в Москву, поселится в отеле или у маминой знакомой. Вызвонит Макса, пригласит его погулять, а там: кафе, чашечка кофе или бокал вина, или прогулка на теплоходе. Дальше — будем посмотреть, как говорится, на реакции. Смотреть же теперь придётся в другую сторону. И, очевидно, в сторону какого-нибудь супермаркета. А реакции... — реакции подождут.

— Андрей, давай в магазин заедем.

— Зачем?

Лиля не успела ответить, он тут же согласился:

— Хорошо, заедем. Кажется, там на районе «Ашан» есть, недалеко от дома. Или «Перекрёсток», не помню. Сойдёт за магазин?

Ей не понадобились объяснения, где это там и возле чьего дома, и так всё ясно. Как впрочем, и Петрову-старшему не требовались, если честно, объяснения, зачем Рыжику в сельпо.

В свете того, что московские пробки объявили забастовку, а те, небольшие задержки и пробками-то называть стыдно, и приближался час X, Андрея Сергеевича

ну вот вообще не интересовало, зачем. Хоть за манной небесной, хоть за пером жар-птицы.

— Сойдёт. Ой, смотри, какое смешное название, — вдруг рассмеялась Лилька, — там, на указателе. Ближние Прудищи! Не Пруды, а Прудищи, как будто целые моря! Океаны.

— Океанища.

— И живут там людищи в домищах, — подхватила игру Лиля.

— В хоромищах, — хмыкнул Андрей Сергеевич, — или в палатищах. Во дворцищах.

— В хоромищах — царищи. Попивают кофеище, едят пирожища. А людищи пахут в огородищах да по выходным ходят ловить рыбищу. На Ближние Прудища. Правда же, почему так? Кто придумывает эти названия, чему посвящает... А помнишь, мы где-то видели тоже необычное, чудаковатое такое Конь-Колодец, кажется?

— Конь-Колодезь. В Липецкой области. Там попроще дело. Название по реке Конь-Колодезь. Она, между прочим, в наш Дон впадает. Колодезь — родник. А вот почему Конь — чёрт его знает. Может, из-за конных дозоров, они как раз в том месте стояли. Может, ещё из-за чего. Ходит легенда, будто бы конь самого Петра I, когда тот ехал в Воронеж, у колодца сломал ногу. Версий хватает. Вполне возможно, и про Ближние Прудища какой-нибудь миф существует.

Болтая прибыли в Ясенево. Андрей Сергеевич уточнил у Лили:

— Ашанище или Перекрёстище?

Та прыснула:

— Ашанище. Там не выбор — выборище!

— Принято, Лиль Сергеевна.

В супермаркете разбежались по разным отделам. Как фигуристы из парного катания разъехались в противоположные стороны и каждый эту часть произвольной программы исполнял сольно. Андрей Сергеевич заявил, что пойдёт к мясу приценится: от рыбалки (рыбалищи, ухмыльнулся) с друзьями уже не отвертеться, пообещал клятвенно, забодали трезвонить, значит, шашлыки-машлыки никто не отменял.

— Что-нибудь к чаю — это не ко мне. И вообще, чья идея, пусть тот и отдувается, — закончил речь и был таков. Сбежал.

Лилька взяла тележку, раздумывая: обидеться или простить и отпустить? Она-то на другое надеялась. Вздохнула и поплелась в кондитерский отдел.

— Мужчина, вы долго выбирать будете? — какая-то женщина пыталась обойти Петрова-старшего, застывшего на месте у холодильника. Андрей Сергеевич вздрогнул и как-то дико посмотрел на покупательницу, почувствовал себя тем самым мужиком из анекдота, который про «кто здесь?».

— Простите, — отодвинулся. Шашлык, конечно же, шашлык! Свинина, баранина. Шейки, рёбра, корейки, лопатки, окорока слились в единую красную ленту, в конвейер. Он здесь — прицениться к мясу. А не за тем, чтобы стоять столбом посреди Ашана и размышлять. О том, почему сейчас-то он удрал от Лильки, когда истекают минуты, отведённые для них двоих. Почему чувство, что он поступает неправильно, при том, что на его взгляд — по совести, но против своего желания — почему гадкое чувство того, что совершает ошиб-

ку — не оставляет? Его сын любил, любит эту девушку много лет. Да, много лет. Да, безответно и потому потерял надежду, устал бороться. Оставил её в прошлом. Сам оставил, не дождался каких-то три года. Макс уехал. У-е-хал! И, значит, его Андрея Сергеевича, не в чем будет упрекнуть. Тем более... тем более, Лиля — она же отвечает ему, Андрею, взаимностью. А он... Ему всё кажется, что он взрослее, что мудрее и лучше знает жизнь. И совместное будущее уже расписал от и до. Расписал согласно своему опыту, своей боли, своему страху, не прислушиваясь к Рыжику, только потому, что она — ровесница сына. Девчонка! И что она понимает в жизни?

Андрею Сергеевичу вдруг пришла в голову мысль о том, что Лилька-то как раз и понимает, а он — дурак. Молодость, порой, видит яснее, чем зрелость. Потому что использовать опыт и мудрость в чувствах сердечных — не всегда хорошо, не всегда правильно. Они иногда как взвесь, как муть, загрязняют воду, и ты не понимаешь того, что на самом-то деле она — прозрачна, потому что нет никакой взвеси: придумалось. Но ослепляют людей, заслоняют чистоту, красоту, которые жизнь подсовывает тебе под нос. Они убивают смелость: ты уже не можешь решиться и броситься в омут с головой, рискнуть. Да, рискнуть! Пусть ему с Лилей достанется месяц, или год, или три дня, или тридцать лет, но они будут вместе. А после этого — хоть потоп, хоть Макс. Но у них будет это время счастья. Сейчас, а не потом. Лилька права, черт возьми. Он всегда относил себя к тем безумцам (и носился с убеждением, как дурень со ступой, цитируя Шварца, при том только первую часть цитаты, подходящую

для него, но опуская продолжение), которые живут себе, как будто они бессмертны. И смерть иной раз отступала. Он позволял себе думать о будущем, будто ему гарантировали, что оно непременно наступит. А Лиля — не безумец, она — из тех храбрецов, «которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец»¹². Может прийти в любой момент. И потому... потому надо сгрести Лильку в охапку и уезжать. Валить. Пока не поздно. Где же она? — Андрей Сергеевич рванул из отдела. Понастроили тут супермаркетов, кому они нужны эти продуктовые стадионы с полками под крышу человека потерять — раз плюнуть. То ли дело маленькие магазинчики, где и товар на виду, и покупатель. Всё мило, душевно, по-семейному. Где ж эту лисичку-сестричку носит, за каким колобком, ворчал Петров, плутая между стеллажами.

Глава двадцать четвёртая

Лиля бродила вдоль полок. Разнообразие выбора, как и его отсутствие, тоже, знаете ли, выбивает из колеи. И проще жизнь не делает ни разу. Выбирала и пыталась вспомнить из школьных лет, что предпочитал Макс. Пирожные? Печенье? Шоколад? Ничего не помнит. Как тут выбрать что-нибудь к чаю! Терялась и раздражалась. Но видится ей, что корзиночке или эклеру Петров-младший предпочтёт бутерброд с колбасой. Хотя что это происходит с ней? Какая разница, что предпочитает Максим? Не должны волновать её, Лилю, предпочтения Макса! Не должны, но почему-то волнуют...

---

12 Цитата из фильма М. Захарова «Обыкновенное чудо».

А вдруг Андрей прав, и его страхи, что он — эрзац, не беспочвенны? Получается, что прав: прежде чем кидаться в омут новых отношений, нужно выбросить все скелеты из шкафа. В смысле из старых отношений. Но их же не было вроде? Выходит, что были. Пусть вот такие, не совсем обычные. Подружки правы: закрой один гештальт, начни жить с чистого листа, а тогда уже и строй другой. Гештальт. Или новый мир.

Лиля вздохнула. Нет, не будет она вспоминать, что там любит и предпочитает Максим Петров, а пойдёт и купит то, что она хотела бы получить на ужин, быстрое в приготовлении и вкусное. Пойдёт сейчас и купит пельмени, да. Обрадованная решением, Лиля бросила тележку, нафига она вообще её взяла, резко развернулась, и врезалась в человека, стоявшего сзади. Как выяснилось — тоже спиной к ней. От толчка он едва не пересчитал носом все пачки с печеньками и конфетами на полке.

— Простите, — пролепетала Лилька. — Простите, пожалуйста, я нечаянно. Задумалась и не заметила вас. Вы не ушиблись?

— Нет! Аккуратнее нужно быть, блин! — человек развернулся и уронил покупки: — Крылова?! Ты что здесь делаешь?

Лилька отшатнулась от него, потеряла равновесие и, наверное бы, упала, но тот схватил её за руки и удержал.

— Вот всегда с тобой так, Крылова! Лиль, не падай. Очнись, это же я!

Андрей Сергеевич вывернул из-за очередного стеллажа и остановился, пораженный. Громом. Молнией. Током. Нет — картиной! Картиной, что увидел перед

собой. Лилька стояла. Стояла, и её рыжие волосы сияли в электрическом свете, словно гирлянда на новогодней ёлке. И, может, не только волосы. Может вся она светилась от радости, кто знает, ведь она стояла не одна, рядом с ней стоял Максим. Чёрт возьми, его сын! Стоял и держал Лильку за руки... Он-то точно сиял. Сверкал улыбкой на весь Ашан. Улыбищей, твою мать. На весь Ашанище. Держал Рыжика за руки! Опоздал. Он, Андрей Сергеевич Петров, чёрт возьми, опоздал... И так ему и надо, куску идиота!

— Макс, — пробормотала Лилька, — Петров...

Отступила на полшажочка, окинула взглядом, удостоверилась: ну, да. Точно. Максим Петров собственной персоной. Стоит, улыбается и держит её за руки. Она осторожно высвободила их, вцепилась снова в тележку. Осторожно, чтоб не выглядеть невежливой, высвободила. Уж больно горячо прикосновение, уж больно радость свою выражал, а ведь тут где-то Андрей Сергеевич неподалёку шастает, не ровен час узрит, лишнего напридумывает.

— Ты как здесь? Вот чудо-то какое! Лиль, ну вообще, это ж надо... — Максим окинул её взглядом. — Ты совсем не изменилась, Крылова.

— Ты тоже. Не изменился. Разве что ещё подрос, — наконец, она видела его настоящим, без этих его штучек, шпилек. Дурацких шуточек и сарказма. Он же не ожидал её встретить, не ожидал! И времени у него подготавливаться, нацепить маску, включиться в роль эдакого злого клоуна, превратиться колючку и паясничать, пытаясь скрыть свои настоящие чувства — не оказалось. Искренняя радость, растерянность, смущённая улыбка придали его облику задорной обаятельности и до-

броты. Вылитый отец, только повыше ростом да помладше возрастом. Просто копия! Игра природы, как выразилась однажды про героя, любимая бабушкина писательница в своём ироническом романе.

А где же подлинник? Где Андрей Сергеевич? — Лилька посмотрела налево, даже на цыпочки привстала, потом — направо, и вот же он, вот Петров-старший, стоит в конце прохода, руки в карманах. Как давно стоит, почему ничего не делает, не подходит, будто не рад увидеть сына.

Лиля несмело тронулась с места, навстречу Петрову-старшему, в надежде, что и он — тоже. Тронется. Пойдёт. Но Андрей Сергеевич не двигался, будто бы прилип. Лилька пройдя половину пути остановилась. Развернулась лицом к полкам. Ну раз так... кажется, кажется — вот это печенье подойдёт к чаю, она взяла разноцветную пачку. Слева, остался удивленный её поведением Макс, всё так же справа — Андрей. Лиля посередине с дурацкой пачкой в руках. Посередине. Между. Один, два, три, четыре...кто из них первый сделает шаг?

— Отец! — Макс разглядел таки за ней Андрея Сергеевича и бросился к нему. — Пап, смотри кого я здесь встретил!

По дороге он подхватил её за талию и подвёл к Андрею Сергеевичу, — это же Лиля, па. Крылова! Моя одноклассница, помнишь? Представляешь, здесь встретились! А ты чего так долго ехал? Что за приключения? Лиль, знакомься — мой отец, Андрей Сергеевич. Правда, мы похожи? — Максим метнулся к Петрову-старшему, стал рядом, скопировал его позу и насупился так же.

— Одно лицо, — пробормотала Лилька, — у тебя не мама, а женщина-ксерокс.

— Я ей тоже так говорю, — ухмыльнулся Макс. — Ну, что вы не знакомитесь? Застыли как неродные?

— Мы знакомы, — взял таки на себя смелость признаться Андрей Сергеевич.

— Да. И более того, мы вместе приехали в Москву, — подтвердила Лиля. Обрадовалась, расхрабрилась вслед. — На машине.

— Как это? — оторопел Максим.

«Как это, как это... А вот так это, вот так», — Лилька мешала в кастрюльке пельмени, которые уже всплыли и с минуты на минуту готовились закипеть. То есть, не они, конечно, — вода. Да Лиля и сама закипала, а мысли её плавали как те пельмени, кружились по кругу под шумовкой. От встречи в Ашане — до квартиры Макса. В конце концов, в Андрее Сергеевиче щёлкнул какой-то тумблер, он перестал изображать из себя каменное изваяние и оживился. Обнял сына, похлопал его по спине со словами:

— Сюрприз, сынок, получился. Сюрприз.

И предложил поехать всё же к Максиму домой, а не выяснять удивительные обстоятельства прямо в супермаркете.

— Всё расскажем, всё покажем, правда же, Лиль-Сергеевна?

Правда же, правда, кивнула она. Провизию купили, и вина. Настоял на том Макс: ничего себе, надо же отметить сюрприз. Сели в машину, поехали. Чемодан Лилькин Андрей Сергеевич, не спрашивая, поднял на седьмой этаж. Сразу в квартиру, как будто дело решённое, что Лиля останется у Макса. Она заметила, разозлилась

и... не стала спорить. Не стала и всё. А теперь варила пельмени. За спиной сидели оба Петрова и беседовали. У Лильки — ушки на макушке — ну-ка, ну-ка, что там за версию выдаст Андрей Сергеевич. Тот довольно сухо, почти без эмоций рассказал историю знакомства:

— ЛильСергеевна застряла в лифте. Наша бригада вызволила её, так сказать, из плена. Но на поезд она всё равно опоздала. И, кстати, сын, Лиля меня узнала, ну, что я — твой отец. Разговорились. Сказала, что в Москву собиралась в этот вечер уехать. Я и предложил подвезти, раз такое дело, поскольку тоже к тебе намылился, да к друзьям.

Лилька перестала прислушиваться. Ничего интересного и нового. Снова погрузилась в свои думки. И зачем попросила в магазин её отвезти? Если бы не дурацкое желание, приехали бы к Максиму сразу, а его — дома нет. Пока ждали бы его в машине, глядишь, Лиле удалось бы переубедить Андрея Сергеевича, точнее убедить. Может, они уехали бы уже, не встретив Макса. Бы, бы, бы. Одни сплошные «бы»: если бы да кабы — в лесу выросли грибы! Ну, и кто тут уверял, что никакой судьбы, никаких совпадений не бывает? Но. Но поездка-то в магазин, точнее, просьба заехать — дело рук человеческих! Её, Лилькиных, рук...

— Ну, а цель визита в Москву и все другие подробности тебе сама гражданочка Крылова поведаёт. Верно, ЛильСергеевна? — услышала она реплику Андрея Сергеевича, и показалось ей, что прозвучала фраза с толикой язвительности.

— Верно, — вскинулась она, потрянула волосами. — Но только после ужина, не раньше. И попрошу за едой особо не болтать. Когда я ем, я глух и нем, все помнят?

Глава двадцать пятая

Лиля очень надеялась на чудо. Не знала на какое. На какое-нибудь. Ну, например, Максим заметит, как они с Андреем Сергеевичем смотрят друг на друга, что не договаривают о чём-то. Спросит, мол, что это с вами, и тут... И тогда... А как «тут» и что «тогда» произойдёт Лилька сама не придумала и не понимала. Не понимала, кроме одного: она изъявила волю разобраться, поставить точку, определиться, как и просил Андрей. Ну, и на! Разбирайся, определяйся. Бойтесь своих желаний, как говорится, — они исполняются. Сколько твоей душеньке угодно. Аж аппетит пропал от того как угодно. Лиля вяло ковырялась в пельменях.

Максим же не замечал ничего. Только знай одно — вина подливал себе да Лильке. За встречу, за школу, за отца, за красивых девушек.

Лиля пила, вкуса не чувствовала. Как воду, а, может, и вместо воды. Не то, чтобы хотела напиться да забыть, скорее храбрости набраться да к себе прислушаться. Говорят же, что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Так ведь и с сердцем — то же самое.

Андрей Сергеевич от вина отказался, мол, туда-сюда и за руль. Вот и прекрасненько, взбесилась Лилька, видать, вино разыграло, взбрыкнуло ретивое:

— Ну, за рыбалку-то мы ещё и не пили! Наливай, Макс.

— Ага, щас. Пап, можно тебя на минуточку. Тет-а-тет срочно надо.

— Секретничать будете, — нахмурилась Лиля, погрозила пальцем, — нехорошо, товарищи Петровы, вы себя ведёте. Я думала, мы доверяем друг другу.

— Ой, Лилька, ты такая смешная, когда...

— Пьяная?

— Когда выпьешь, — улыбнулся Максим. — Мы немножко посекретничаем, обещаю. Ничего серьёзного.

Вернулся один.

— А где Андрей Сергеевич?

— Уехал.

— Уехал?

— Ага. Его же ждут.

Лилька сникла. Отодвинула от себя стакан.

— Ты чего, Лиль? Не хочешь больше? А пойдём в комнату, там хоть сесть нормально на диван можно. Ты ж устала с дороги. Поговорим заодно. Расскажешь, как обещала, зачем в Москву пожаловала.

Ну что ж, ну что ж. Сколько верёвочке не виться, а признания не избежать. Никогда Лиля не боялась трудных разговоров, наоборот, стремилась выяснить всё и сразу, но теперь стало страшно. Страшно — как в прорубь на Крещение нырнуть: ещё не скинула одежду, а кровь стынет, дыхание перехватывает от одной только мысли окунуться в ледяную воду. Взаправду.

В комнате на диван садиться не стала, хотя Максим плюхнулся сразу и приглашающе постучал рукой, мол, падай рядышком. Нет, она прошла к письменному столу, что стоял у окна. Оперлась об угол, чуть сдвинула в сторонку стопку каких-то бумаг. На стене отражался жёлтый круг электрического света от бра, словно луна сияла в ночном небе. В полумраке не разглядеть было лица Максима, и, ей-богу, от этого полегчало на душе. Ещё бы слова подобрать поточнее для объяснения, взмолилась Лилька.

— Понимаешь, Максим. В Москву я ехала... Нет, не так. Я думала, что еду в Москву к тебе. Потому что

вдруг решила, что у меня ничего не получается в личной жизни из-за того... — остановилась и шумно вдохнула воздух. Не хватало ей ни его, воздуха, ни слов, ни смелости. — Но в пути произошло кое-что...

— Крылова! — Макс вскочил, не дослушав. Преодолил расстояние между ними в один шаг. Схватил Лилю за плечи, взглянул в лицо пристально, словно обжёл. Что он там увидел, что рассмотрел — одному ему известно, да только прижал Лильку к себе с силой, а потом и вовсе полез целоваться.

А она неожиданно для себя ответила. Вместо того чтобы увернуться, залепить пощёчину, оттолкнуть.

Целовался Макс Петров хорошо. Прекрасно целовался. Лиля голову запрокинула, открыла шею, с незащитной жилкой, бьющейся тревожно. И как же чудесно, как маняще это — укутаться в чужие чувства, словно в тёплую шаль зимой, согреться любовью, нежностью; ни о чём не думать, не бояться, не решать, лишь ощущать себя нужной, любимой, защищённой. Как трогательно. Словно уснуть под колыбельную в мягкой уютной перине. Лиля отвечала Макс на поцелуи. Да, отвечала, чёрт её, эту рыжую дурёху, возьми. Отвечала, пока перед глазами вдруг не возник образ Андрея Сергеевича, а в ушах не зазвучала песня, голос его:

*«Там, я знаю, милая, ты живёшь-меня ждёшь,
Заплетаешь в косы облака, на заре румянишься.
Я нашёл. Доползу теперь хоть по снегу, хоть в дождь,
Я кричу тебе: милая, отзовись... — отзываешься!»*

И зачем же я целуюсь с Максом? — укорила себя Лилька, очнувшись. Потому что глупая да пьяная? И обиженка? Обиделась на то, что Андрей уехал, бросил

её. Но Максим... как же он похож на Андрея, как же похож! Да если б не был похож — разве позволила бы она себе целоваться с ним? Чувствовать на теле горячие ладони его, руки гладили плечи, спину, жадные...

— Андрей, — прошептала.

— Что? — не расслышал Максим.

Да вот же оно, Лилька! Её как водой колодезной из ведра окатили. Она поняла. Поняла и оттолкнула Макса:

— Нет! Прости, не могу.

— Лиль, Лиля, Лиля! Ты здесь, со мной, мы вместе... чего же ты не можешь, скажи?

Вместо ответа — вырвалась, зацепила стол, тот пошатнулся. С его поверхности упали на пол бумаги, разлетелись, что твои листья с дерева, по комнате.

— Прости, прости, — снова извинилась Лилька и бросилась их поднимать.

— Да чёрт с ними, — воскликнул Макс. — Что произошло, Лиль, что случилось? Почему ты отталкиваешь меня?

— Я не могу, Максим. Не могу. Это неправильно, всё не так, ты не дослушал меня! — она собирала листья.

— Мы не должны... Я не должна, я не хочу! Прости...

Ой, смотри, мы рассыпали твои документы. Что это? — она поднесла к глазам листочки, вчиталась. Посмотрела на парня: — Ты уезжаешь? В Венгрию?

— Да, — нехотя признался тот и отобрал у Лильки документы.

— Надолго?

— На год контракт подписал. А там — как пойдёт.

— Поздравляю. И когда?

— Через неделю.

— А родители... Знают?

— Мать — да. Отцу я хотел признаться сейчас, но...

Тут завертелось так, ты приехала, и...

— А мне бы ты когда сказал? И сказал бы?

— Лиль, ну ты чего? Я бы сказал. Конечно, сказал.

— Ага.

— Лиль, не усложняй. Не придирайся.

— Я не усложняю, — она обошла Макса и вернулась на кухню. Он двинул за ней.

— Лиль... Ну что случилось? Что за драма?

Лилька стояла у окна, крутила в руках стакан. И молчала.

— А чего ты хотела от меня? Считала, что я вечно буду ждать, умирать от любви к тебе? Тосковать? Ты же знать меня не хотела, бегала как от прокажённого!

Лучшая защита нападение, кто же не знает? Максим — вон, знал. Да и что оставалось делать парню, как не защищаться.

— Ну, а я выбрал жить, извини. Выбрал строить карьеру, раз с личной жизнью ничего не получается. Я же не знал, что увижу тебя снова, что ты приедешь в Москву! — Он подошёл к ней, взвинченный. Отобрал стакан. Почти выдернул.

— Не надо, не надо, Макс. Ты прав! И что карьеру решил строить, и что не стал ждать меня. Прав. Только прежде чем лезть ко мне, с поцелуями лезть, всё-таки мог бы и рассказать. Об отъезде.

— Да я рассказал бы, Лиль. И позвал бы тебя с собой. Я сейчас тебя зову с собой! Поедем? Поедешь? Лилья, поедем со мной, пожалуйста! — он обнял её.

Ах, какой же это соблазн для Лильки, какой соблазн — просто сказать: «Да!» Что она там про шаль думала? Как чудесно укутаться в чужие чувства, словно зимой, согреться? Но ведь придёт момент, когда в той шали

станет жарко, когда душить она начнёт своим теплом, когда захочется скинуть её, потому что дышать уж нечем будет, и колючей покажется, и надоест. Что тогда делать, ЛильСергеевна?

— Прости меня, Максим! — в сотый раз повторила Лиля. Да она бы и в тысячный раз повторила, если бы просьба о прощении могла облегчить Максу жизнь. — Я не поеду. И не могу ответить на твои чувства.

— Но...

— Я, правда, ехала в Москву, чтобы найти тебя. Правда! Только в дороге всё изменилось. Я встретила одного человека. И поняла, что ошиблась. Моя личная жизнь не складывалась не потому, что я не могла забыть тебя, а потому что я боялась... — «боялась получить в ответ то, как я относилась к тебе — боялась быть отвергнутой», подумала Лилька, но вслух произнесла: — я боялась взять ответственность за другого человека, да и за себя тоже.

— Так просто? Встретила и поняла? За пару дней!

— Не просто, — вздохнула. — Совсем не просто. Но — да. За пару дней. Иногда и двух секунд хватает.

— И кто же он?

— Неважно уже.

— Важно!

— Нет. Вызови мне такси, Макс. Я не могу остаться с тобой здесь, сейчас. И в Венгрию не поеду. Или скажи номер, я вызову сама, — в чём-в чём, но в том, что «один человек» — его отец, Лиля не могла сознаться. Не сейчас. — Вызови такси.

— Не выдумывай. Ты не хочешь ехать со мной, не любишь — ладно, мне не привыкать, но я не могу отпустить тебя неизвестно куда в ночь!

— Известно. На вокзал. Максим! Я прошу тебя. Вызови мне такси, или я за себя не отвечаю!

Он с испугом посмотрел на неё: глаза блестят то ли от слёз, то ли от гнева, руки крест-накрест. Она будто бы пыталась удержать тело этими крест-накрест руками, будто без них оно рассыпется. Исчезла пьяная дымка во взгляде. Лилька стояла перед ним трезвая и злая.

— Хорошо, хорошо! Я вызову тебе такси. Успокойся, Лиля. Успокойся! — сдался Макс. Он всегда сдавался. Пасовал перед ней, этой рыжей девчонкой, с детства. Всегда. Как перед огнём при пожаре.

Глава двадцать шестая

Андрей Сергеевич мчал по дороге без оглядки. Без остановки. Костерил себя налево и направо, вцепившись в руль, будто ястреб когтями в добычу. Иногда при обгоне очередной машины ему сигналили, но он не обращал внимания. Сбавить скорость, волей-неволей, пришлось на развязке МКАДа и М4, той самой, где они склоняли с Лилькой название «Ближние Пруды». Мысли о Рыжике кольнули иголкой. В груди задёргало, запульсировало, словно заноза в ней застряла. Боль кипятком разлилась по телу, как будто по открытой ране ударил или зацепился ей за что-то. «Отец, я прошу тебя, оставь нас, уезжай, ладно? Не обижайся, пожалуйста, но это — шанс, понимаешь? Такой шанс для меня!». И он уехал. Уехал! «Вы решили за нас двоих, Андрей Сергеевич...» — Лилька едва не плачет. «На сегодня — да», — ответил ей, и ушёл. Ушёл. Но сегодня

закончилось ещё вчера, а шансы... шансы должны быть у всех, разве нет?! Не только у детей.

Прежде чем тронуться с места, заставил себя успокоиться: вдох-выдох, вдох-выдох, спокойно, медленней, Андрей. Как там у классиков? «Сегодня — только один из многих, многих дней, которые ещё впереди...» и что-то ещё там звучало, про чёртов день, а что — хоть убей, не помнит, но что-то очень важное и как нельзя подходящее для него, Петрова! И это что-то — важное и подходящее — непременно нужно вспомнить, как будто без него не решится ничего.

— Ну, что за хрень лезет в голову, когда всего лишь нужно развернуться! — Андрей Сергеевич стукнул кулаком по рулю. «Сегодня — только один из многих, многих дней, которые ещё впереди. Но, может быть, все эти будущие дни зависят от того, что ты сделаешь сегодня...»¹³ Кажется, вспомнил. Вспомнил! — А что я сделал сегодня? — спросил себя Петров и нажал на газ.

— Не провожай, — попросила Лилька Макса.

— Я должен убедиться, что в такси нормальный водитель.

— Пожалуйста, не надо. Сяду и наберу, чтобы ты не волновался.

Он открыл дверь, донёс чемодан до лифта.

— Если не позвонишь, приеду на вокзал, — пригрозил на прощание. — Смотри, буду наблюдать. Высоко сажу, далеко гляжу.

Улыбнулась в ответ. Они расстались, и, слава богу, не врагами. Возможно, он уже не любит её, просто сам того не понимает. Просто привычка. Чувства прошли,

---

13 Цитата из романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол»

а привычка любить осталась. Он поймёт. Потом, в Будапеште. Обязательно поймёт и простит Лильку.

Она смело шагнула в лифт и нажала кнопку. Снова лифт. Чемодан. Снова одна. Только спастись её некому, если что. Но никогда и ни за что первой не позвонит. Никому. Ни какому вообще бригадиру ремонтников. Вот! Гордость, знаете ли, ещё осталась. Но московский лифт как в песне Шуфутинского послушно отсчитал этажи и благополучно выпустил Лилю из своих объятий. Вышла из него, из подъезда на улицу, залитую голубым светом фонаря. Такси уже поджидало, она смело шагнула к нему. Водитель увидел её и предупредительно открыл дверь.

— Лиля! — почти в бампер такси въехала, но вовремя успела притормозить знакомая до озноба нахальная машина. — Рыжик! — крикнул в открытое окно Андрей Сергеевич и выскочил из автомобиля навстречу. Успел!

— Вернулся, — кинулась к нему, позабыв о чемодане, о такси, о гордости. — Андрей! — повисла, счастливая, на нём.

— Так мы едем или нет? — озадаченный таксист наблюдал за пассажиркой, которая вроде и не пассажирка теперь.

— Едем, — ответил Андрей Сергеевич. — Но со мной. Командир, не обессудь. Сколько мы должны за вызов? — полез в карман за деньгами, Лилька поняла, что мешает ему, отпустила, отступила.

Едва такси отъехало, он привлек её к себе обратно, обнял. Крепко-крепко. Так, будто не виделись целый век. У Лильки аж пипка носа чуток расплющилась о его ключицу.

— Крылова! Ты в своём уме? Ты с кем обжимаешься? — раздалось в тишине. Лиля дёрнулась, с ужасом обернулась на голос. На пороге подъезда стоял Макс. — Ты же... только что целовалась со мной! Всего полчаса назад!

— И как? — поинтересовался хладнокровно у Лильки Андрей Сергеевич, не отпуская её от себя.

— Хорошо, — с вызовом неизвестно к какому из Петровых ответила она. И пояснила уже старшему: — Но когда мы целовались, я поняла, что это не ты похож на него, а он на тебя, понимаешь? Он похож на тебя, и потому я с ним целовалась.

— Понимаю.

— Что за чушь ты несёшь? — в отличие от отца Максим ничего не понимал из её тарабарщины. А они, Лиля и Андрей, говорили на языке, будто известном им одним. Но зато до Макса сразу дошло, что за «одного человека» встретила Лилька по пути в Москву. И напрягся, весь подобрался, как хищник перед прыжком.

— Лиля, отойди! — Петров-старший уже сообразил, что сейчас случится. И практически отшвырнул девушку к лавочке.

Никогда из-за неё не дрались. Никто и никогда. Хотя трудно назвать действия Петровых дракой: Максим пытался нанести удар отцу, тот уклонялся и не бил в ответ. Но вот вам, нате.

— Как ты мог? Ты же знал! Ты же мой отец! — кричал Макс ему. — Он же старый, Лиль, между вами 20 лет! У вас нет ничего общего. Как ты могла? Он же мой отец! — кричал на Лильку.

А потом Петров-старший вдруг перестал уклоняться, и Макс попал. Правда, удар получился смазанный,

по скуле, но руке всё равно стало больно, костяшки пальцев заныли и Петров-младший остановился, а старший пошатнулся, но устоял.

— Андрей! — подхватила Лилька, бросилась к нему. — Ты как? Как? Аптечка есть? У тебя кровь.

— Нормально. Нормально! Оставь, Лиль. Макс сейчас хуже, — он кивнул на сына. Тот подошёл к лавочке и без сил опустился на неё. Андрей Сергеевич хотел было подойти к нему, но Лилька не пустила:

— Я сама. Андрей, посмотри всё-таки перекуси в аптечке, в машине, и платок, что ли. Надо вытереть. А здесь... я сама. Ладно? Пожалуйста!

Петров кивнул и пошёл к автомобилю. Лиля подошла к скамейке. Села рядом с Максом.

— Почему? — произнёс он тихо, обратился к ней. — Почему он, не я, почему?

У Лильки не было ответа, да и вряд ли найдётся когда-нибудь. И Максим, впрочем, знал о том. Может быть подспудно, может быть. Но знал. Однако смолчать невозможно. Невыносимо было сидеть и молчать рядом с ней.

— Отпусти нас, Максим, — сказала Лиля. То есть попросила. — Пожалуйста, отпусти нас.

— Вас? Вас с отцом?

— Нет. Нас с тобой.

— Нас с тобой никогда не существовало.

— Существовало. Существует. Здесь, — коснулась груди Макса. — Отпусти.

— Да ведь я отпустил, Лиль. А ты взяла и приехала! Зачем? Ну, зачем ты приехала!

Лилька отвернулась, как бы не расплакаться. Если бы она не приехала, он действительно бы мог забыть

её? Если бы она не поехала бы, она не встретила бы Андрея. Или встретила бы, но не узнала бы настолько, чтобы... И опять куча «бы». Сплошные рыжие «бы». Почему рыжие? Потому что — Лилькины. Она смахнула слезу.

— Прости меня, Максим.

Он поднялся с лавки.

— Отцу сама скажешь, что я уезжаю. Ладно? Не могу пока с ним... разговаривать. Не хочу.

— Макс! — Лиля взяла его за руку.

— Вот только не надо, Крылова. Жалеть не надо! Со мной всё в порядке. Вешаться не буду, не волнуйся, — выдернул ладонь. И медленно пошёл к подъезду.

— Максим! — Андрей Сергеевич окликнул сына.

Тот остановился, повернулся, поднял руки вверх и сжал их над головой, потряс, опустил и произнёс с сарказмом:

— Совет да любовь вам, папа. А меня Будапешт ждёт. Не поминайте лихом. Езжайте уже. Не подходи, прошу! — он выставил предупредительно ладонь перед собой: — Не подходи!

И зашёл в подъезд. Громко хлопнула дверь. Закрылась.

Эпилог

— Он ещё найдёт своё счастье, — сказала Лиля. — Обязательно найдёт! — повернулась к Андрею Сергеевичу: — Болит? — коснулась ладонью ссадины на лице.

— Переболит.

Они одновременно посмотрели наверх. На седьмом этаже зажёгся свет на кухне.

— Надеюсь, найдёт, — произнёс Андрей. Свет всегда дарит надежду, пусть даже свет — электрический. «У нашей с тобой истории слишком большая цена», — сказал он буквально сутки назад. И теперь надеялся, что сын простит их, что обретёт счастье когда-нибудь. Желательно, в скором времени. Лилька же просто верила в это. А вот надеялась на то, что заплатили они пресловутую цену не напрасно: будут беречь свою историю.

— А что он там про Будапешт говорил? — отвлёк Петров Лилю от размышлений.

— Я объясню попозже, — про Венгрию и отъезд Макса она конечно расскажет Андрею, но не сегодня. Не сегодня.

— Принято. Поехали?

Лиля, несмотря на тяжесть в сердце от произошедшего объяснения, всё-таки с лёгкостью в душе, запорхнула в машину. Пусть прошлое канет в ночь.

— Куда? — спросила. — На рыбалку, к друзьям?

— К друзьям, но не на рыбалку. Я свою золотую рыбку уже поймал, — Андрей Сергеевич выразительно посмотрел на Лилькины губы. Она зарделась, смутилась и отвернулась. Не выдержала его взгляда.

— Прямо уж золотую? — улыбаясь в окно, уточнила.

— Золотую. Я бы сказал даже — рыжую. Так что никакой рыбалки. А вот гостевая избушка у друзей на краю участка есть — закачаешься. К лесу передом, то есть верандой, глухой стеной — задом, в смысле, во двор, уединение полное. Полное, ясно?

— Яснее некуда.

— А утром выйдешь на веранду — воздух, сосны одни вокруг, птички щебечут, вдалеке речка блестит, в руках чашечка кофе — рай, одним словом.

— Для рыбок?

— И для них тоже, ЛильСергевна. А в следующий отпуск в Португалию поедем. Покажу тебе Лиссабон. Это всё-таки твой город, Лиля. Ты увидишь. Не зря он тебе приснился.

— Ничего себе, Андрей Сергеевич! Не слишком ли ты далеко заглядываешь?

— По-моему, не то чтобы далеко, близко даже. Что там до Португалии — два локтя по карте.

— Да нет же, — хихикнула Лилька, — я имела в виду не расстояние, а время. Следующий отпуск через год. Не далеко ли загадал?

— Дразнишься?

— Типа того.

— Ну-ну. Дразнись на здоровье, ЛильСергевна. Скучать, я смотрю, мне с тобой не придётся.

— Никогда.

Хмыкнул в ответ:

— Ну так ведь и я — не пятак медный, — и добавил: — Уже на все твои отпуска планы настроил, Рыжик.

— На все? Ишь ты!

— Ишь я.

— Принято, Андрей Сергеевич!

...Ой, что-то расплавились, что-то расщастливились они донельзя и несмотря ни на что. Впрочем, и немудрено. Такой день получился у них сегодня, такой день! Из тех, может быть, дней, от которых зависят все другие будущие их дни. Как пить дать, из тех. Классики врать не будут!

Содержание

Предисловие.....	3
Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвёртая	21
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Глава восьмая	41
Глава девятая	47
Глава десятая	55
Глава одиннадцатая	62
Глава двенадцатая	67
Глава тринадцатая	74
Глава четырнадцатая	81
Глава пятнадцатая	86
Глава шестнадцатая	94
Глава семнадцатая	97
Глава восемнадцатая	101
Глава девятнадцатая	109
Глава двадцатая	112
Глава двадцать первая	120
Глава двадцать вторая	125
Глава двадцать третья	129

Глава двадцать четвёртая	134
Глава двадцать пятая	140
Глава двадцать шестая	146
Эпилог	151

Наталья Литвякова

*Карусель на двоих,
или Рыжая-небесстыжая*

Литературно-художественное издание

По вопросу заказа этой и других книг автора
обращайтесь:

litwiakowa2017@yandex.ru

vk.com/id459738054

t.me/nataliaviktorovna1974

Подписано в печать 10.05.2023

Возрастное ограничение 16+

Тираж 500 экземпляров

Отпечатано

согласно предоставленному оригинал-макету

в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов,

ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33, (845-2) 24-86-33

Электронная почта: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru